

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 2 (14)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 2 (14)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации
президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО
проректор по учебной работе,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В.

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

Афанасьева О.В.

Беляева И.А.

Вострикова О.В.

секретарь

Геймбух Е.Ю.

Громова А.В.

Джанумов С.А.

Кирилина А.В.

Костева В.М.

ответственный секретарь

Курдюмов В.А.

Матвеева И.И.

секретарь

Радченко О.А.

Собянина В.А.

Сулейманова О.А.

Тарева Е.Г.

Чупрына О.Г.

Языкова Н.В.

Ярыгина Е.С.

доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, доцент
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Романова Г.И.* Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакуanine в 1920-е гг.) 8
- Громова А.В.* Растительные образы в прозе Л.Ф. Зурова: мифопоэтический аспект 16
- Павловец М.Г.* Поэтика заглавий логогрифа «Я» и «Поэмии о соловье» Василия Каменского 24
- Хлыстова А.В.* Инновационные методы анализа суггестивной образности художественного текста 32

Русистика. Германистика. Романистика

- Осипова Л.И.* О типах лингвистических словарей 37
- Шипова И.А.* Косвенная речь как способ кодирования авторской интенции в художественном тексте (на материале романа Даниэля Кельманна «Измеряя мир») 47

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Викулова Л.Г., Серебrenникова Е.Ф.* Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве 55
- Игнатьева Т.Г., Дорогайкина Е.М.* Зоопозитика старофранцузского текста 64
- Рыжова Л.П., Савельева Е.Б.* Контекстуальный дейксис как средство моделирования пространства и времени в автобиографической прозе Андре Жида 72
- Изотов А.И.* К проблеме построения учебного словаря субстандартного языка 82

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Григорьева Е.Я., Резникова А.И.* Педагогическая целесообразность использования комикса на занятиях по французскому языку 89

Слово молодым учёным

- Беляева А.В.* Система мотивов в письмах Г.Н. Кузнецовой..... 95
- Дудушкина С.В.* Лингвистические трудности автономного аудирования иноязычной речи..... 101
- Кистерева Е.Э.* Речь персонажей в сочинении испанского гуманиста Хуана де Вальдеса «Диалог о языке»..... 106
- Курганова А.Г.* Функции образа храма в «Стихах о Прекрасной Даме» А.А. Блока..... 111
- Сардарова А.А.* Психолингвистическая и лингвокультурная основа перевода художественного текста..... 117
- Хохлова И.В.* Прагматический аспект немецкого массмедиального дискурса об иммигрантах (на примере сферы образования) 124

Критика. Рецензии. Библиография

- Алпатова Т.А.* Рецензия на учебное пособие «Русская литература: комментарии, анализ, художественные тексты» (ред. колл.: С.А. Джанумов, А.В. Громова, М.Б. Лоскутникова, И.Н. Райкова; сост. и отв. ред. И.Н. Райкова. М.: МГПУ, 2013. – 224 с.)..... 129
- Смирнова А.И.* Рецензия на книгу: Justyna Tymieniecka-Suchanek «Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt. W kręgu zagadnień ekofilozoficznych» (Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2013. – 374 s.)..... 131

Научная жизнь

- Собянина В.А.* Научная стажировка в Германии: ознакомительный опыт и научные перспективы 134

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2014, № 2 (14)..... 137

- Требования к оформлению статей..... 143**

CONTENTS

Literary Science

<i>Romanova G.I.</i> Methodological Problems of Studying the Prototype (the Discussion about Bakunin in the 1920 th).....	8
<i>Gromova A.V.</i> Vegetable Images in L.F. Zurov's Prose: Mythological Aspect of the Poetics	16
<i>Pavlovets M.G.</i> Poetics of Headings of the Logogriph «I» and «Poemia about the Nightingale» by Vasily Kamensky.....	24
<i>Khlystova A.V.</i> Innovative Methods of Analysis of Suggestive Imagery in the Literary Text	32

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

<i>Osipova L.I.</i> Types of Linguistic Dictionaries.....	37
<i>Shipova I.A.</i> Indirect Speech as an Encoding Device of the Author's Intention in the Fictional Text (in the Novel «Measuring the World» by Daniel Kehlmann).....	47

Linguistic Theory. Theory of Cross-cultural Communication

<i>Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.</i> Modeling Framework of Evaluative References of Social Reality Discourse in the Mass Media Communication Space.....	55
<i>Ignatieva T.G., Dorogajkina E.M.</i> Zoopoetics of the Old French Text	64
<i>Ryzhova L.P., Savelieva E.B.</i> Contextual Deixis as Means of Modeling Space and Time in the Autobiographical Prose by André Gide	72
<i>Izotov A.I.</i> On the Students' Frequency List of Substandard Language	82

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Grigorieva E.Ya., Reznikova A.I.</i> Pedagogical Expediency of the Use of Comics in the French Language Classroom.....	89
---	----

Young Scientists' Platform

<i>Belyaeva A.V.</i> The System of Motives in G.N. Kuznetsova's letters.....	95
<i>Dudushkina S.V.</i> Linguistic Difficulties of Autonomous Listening Comprehension of a Foreign Language.....	101
<i>Kistereva E.E.</i> The Personages' Speech in «Diálogo de la Lengua» by the Spanish Humanist Juan de Valdés	106
<i>Kurganova A.G.</i> Functioning of the Image of the Temple in A.A. Blok's Verses about the Fair Lady	111
<i>Sardarova A.A.</i> Psycholinguistic, Linguistic and Cultural Basis of Literary Translation	117
<i>Khokhlova I.V.</i> Pragmatics of German Mass-medial Discourse about Immigrants (through the Example of Educational Sphere)	124

Criticism. Reviews. Bibliography

<i>Alpatova T.A.</i> Review of the Study Guide «Russian Literature: Commentaries, Analysis, Literary Texts» (Ed. S.A. Dzhanumov, A.V. Gromova, M.B. Loskutnikova, I.N. Rajkova; comp. and ex. ed. I.N. Rajkova. – M.: MCTTU, 2013. – 224 p.....	129
<i>Smirnova A.I.</i> Review of the Book by Justyna Tymieniecka-Suchanek «The Animal as the Subject-matter in the Russian Fiction. Within the Range of Eco-philosophical Issues». – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2013. – 374 p.	131

Scholarly Events

<i>Sobyanina V.A.</i> Academic Internship in Germany: Introductory Experience and Scholarly Perspectives	134
---	-----

«MCTTU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2014, № 2 (14)	137
---	-----

Style Sheet.....	143
------------------	-----

Г.И. Романова

**Методологические проблемы
изучения прототипа
(дискуссия о Бакуanine в 1920-е гг.)¹**

В статье показано, что хронологическое совпадение обнародования исповеди М.А. Бакунина и ранее не опубликованной главы романа «Бесы», содержащей исповедь Ставрогина, стимулировало поиск историко-литературных аналогий. Дискуссия, в которой приняли участие литературоведы, текстологи, историки, явилась этапом в развитии методологии изучения прототипов литературных героев, в изучении биографии исторической личности, интерпретации романа Достоевского.

The article demonstrates that the chronological coincidence of the promulgation of M.A. Bakunin's confession and previously unpublished chapter of the novel «Demons», including Stavrogin's confession, have stimulated a search for historical and literary analogies. Discussion, attended by critics, text analysts, historians, was a milestone in the development of methodological study of the literary heroes' prototypes, the historical figure's biographical and Dostoevsky's novel interpretation.

Ключевые слова: прототип; исповедь; художественный мир; генезис; текстология.

Keywords: prototype; confession; art world; genesis; textual studies.

В 1920-е гг. в российском литературоведении активизируется изучение творчества Достоевского. В значительной степени это связано с тем, что исследователям стали доступны его рукописные материалы. После смерти А.Г. Достоевской (июнь 1918 г.) наследие писателя поступило в Централхив и стало публиковаться. Хаотичность публикаций давала повод для упреков литературоведам русского зарубежья. Так, А.Л. Бем писал об этом: «В последние годы создалось печальное обыкновение кое-где делать рукописные собрания достоянием небольшого круга научных сотрудников учреждения... Чувствовалось даже известное соревнование отдельных учреждений, обладавших рукописями, в обнародовании их; это соревнование приводило иногда к нелепостям: дважды опубликовался текст одного и того же

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Исследования В.Л. Комаровича о Ф.М. Достоевском. Текстология. Переводы. Комментарий», поддержанного РГНФ (грант № 12-04-00153а).

произведения, по разным редакциям, без объединяющей работы редактора («Исповедь Ставрогина» напечатана в «Былом» № 18 по копии А.Г. Достоевской Пушкинского Дома и в издании Центрархива по корр. гранкам «Русского вестника»), «Житие великого грешника» в сборнике «Творчество Достоевского» п.р. Л.П. Гроссмана и в изд. Центрархива» [3: с. 2]. Действительно, глава «У Тихона» из романа «Бесы» (1871–1872), содержащая исповедь Ставрогина, ранее не публиковавшаяся по цензурным причинам, была издана в 1920-е гг. в двух редакциях, и объяснить это можно отчасти необычайной важностью и актуальностью самого материала. Глубокое понимание романа «Бесы», в частности, образа Ставрогина (чему способствует знание его реального прототипа), несомненно, может многое прояснить в мировоззрении самого Достоевского, указывавшего в письме к издателю «Русского вестника»: «Я сел за поэму об этом лице потому, что слишком давно уже хочу изобразить его. По моему мнению, это и русское и типическое лицо. Мне очень, очень будет грустно, если оно у меня не удастся. Еще грустнее будет, если услышу приговор, что лицо ходульное. Я из сердца взял его» [8: с. 142].

Внимание к антинигилистическому роману 1870-х гг. в литературоведческой среде совпало со всплеском интереса в российском обществе 1920-х гг. к революционно настроенным деятелям прошлого века, в частности, к личности М.А. Бакунина. В течение десятилетия вышло несколько книг о знаменитом анархисте (Нетлау М. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. П. – М., 1920; Материалы для биографии М. Бакунина / Под ред. В. Полонского. М. – П. – Л., 1923–1933. Т. 1–3; Корнилов А.А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л. – М., 1925; Полонский В. Михаил Александрович Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление. М. – Л., 1925. Т. 1; Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность. М. – Л., 1926–1927. Т. 1–4 и др.). Но главное, в это время впервые была обнародована «Исповедь» Бакунина — документ, ставший для истории революционного движения столь же сенсационным, как и «Исповедь Ставрогина» для истории литературы.

Л. Ильинский при разборе архива 3-го Отделения обнаружил материал, который был озаглавлен как «Исповедь» Бакунина. В 1917 г. Ильинский представил копию «Исповеди» в редакцию журнала «Голос минувшего», но сенсационный документ был напечатан только в начале 1920-х гг. Публикация фрагментов сопровождалась историей создания рукописи: Николай I предложил (через гр. Орлова) Бакунину, находящемуся в тюремном заключении, дать «откровенное» и «чисто-сердечное» признание, написать о себе так, «как духовный сын пишет духовному отцу» (по рассказу самого Бакунина в письме к Герцену от 8 декабря 1860 г.). Анархист принял предложение и написал «в самом деле род исповеди», в которой рассказал «всю свою жизнь за границей, со всеми замыслами, впечатлениями и чувствами». Полностью документ был опубликован лишь в 1921 г. [1]. Книга имела широкий резонанс в Москве и Петрограде.

Так, сообщалось, что «это крупное явление в историко-революционной литературе» рассмотрено в докладах Полонского «М. Бакунин и 48 год» и

И. Гроссмана-Рощина «Сумерки великой души» [11: № 2, с. 8]. Рецензии и отклики на это издание появились в самых разных журналах, газетах, бюллетенях 1921–1922 гг., преимущественно литературных («Литературные записки», «Голос минувшего», «Печать и революция» и т. д.). В ряде публикаций обсуждался, в первую очередь, вопрос о том, насколько можно доверять исповеди Бакунина при оценке его личности и деятельности, искренними были признания революционера или это была «ложь во спасение»? Исповедь неприятно поразила читателей, она была воспринята как «позор и падение, позор великой души, но позор, падение титана, но все же падение» (И. Гроссман-Рощин). А.С. Изгоев в статье «Трагедия Бакунина» констатировал, что Бакунин написал «свое раболепное всеподданнейшее прошение» в 1857 г., а после этого 17–18 лет продолжал играть роль революционера и анархиста» [11: № 3, с. 5]. То, что правительство сразу не опубликовало эту исповедь, автор рассматривал как «психологическую загадку», ведь обнародование исповеди «при жизни Бакунина было бы равносильно его политической и моральной смерти» [11: № 3, с. 5].

В самый разгар интереса к впервые опубликованной исповеди героя Достоевского и дискуссий по поводу исповеди Бакунина Л.П. Гроссман выступил со статьёй «Бакунин и Достоевский», где утверждал, что М.А. Бакунин — прототип образа Ставрогина, а роман «Бесы», «считавшийся до сих пор изображением “нечаевщины”, является... первой монографией о Бакунине», и в нём дана «одна из самых выдающихся трактовок личности Бакунина во всей мировой литературе» [6: с. 84]. Вяч. Полонский, автор нескольких книг о Бакунине, не согласился с идеей Гроссмана: «Никакой связи внутренней или внешней, исторической, логической или психологической Михаил Бакунин с Николаем Ставрогиным не имеет» [12: с. 50]. Л.П. Гроссман выдвинул несколько новых тезисов в следующей публикации: «Бакунин в “Бесах”. Ответ Вяч. Полонскому» (Печать и революция. 1924. Кн. 4. С. 56–77). Но и эти положения были оспорены Вяч. Полонским в № 5 журнала «Печать и революция».

Предположение о том, что подтекст дискуссии гораздо шире литературоведческой проблемы, подтверждают работы других её участников. Например, брошюра А. Борового и Н. Отверженного «Миф о Бакунине», содержащая раздел «Бакунин и Ставрогин». Авторы утверждают, что исповедь Бакунина — «потрясающее художественное произведение» [5: с. 132], что, видимо, даёт им основание для сопоставления реального исторического лица и персонажа Достоевского: «безжизненность» одного противопоставлена «бурно-пламенной активности» другого. Ставрогин — злодей и лицо трагическое, человек опустошённый, ко всему равнодушный, у него «под маской скрыта смерть». Совсем другой характер у Бакунина, который пишет в своей исповеди: «В моей природе всегда был коренной недостаток, это любовь ко всему фантастическому, к необыкновенному, неслыханным приключениям, к предприятням, открывающим горизонт безграничный и которых никто не может

предвидеть конца <...> Душа моя находилась в неусыпном волнении, требуя действия, движения и жизни...» [5: с. 98].

Гроссман, сводя личность Бакунина к Ставрогину, по мнению А. Борового и Н. Отверженного, «вынул душу» Бакунина, «отнял все, что делало Бакунина — Бакуниным» [5: с. 116], а именно — его «героический пафос». «Пусть Бакунин велик и мелок одновременно, могуч и слаб, глубок и пошл. Такое раздвоение в больших людях — явление обычное» [5: с. 120]. Апология революционера-анархиста, данная в рассмотренной брошюре, доказывает, что дискуссия имела в большей степени идеологический характер, чем литературоведческий. Авторы, сторонники анархистской теории, спорили с такой трактовкой деятельности и оценкой личности Бакунина, по которой знаменитый революционер-анархист изображён в виде отрицательного персонажа — Николая Ставрогина из антинигилистического романа Достоевского. Убеждённый в том, что Достоевский писал революционера «с натуры», позднее Гроссман изменил свою точку зрения и высказал предположение, что прототипом Ставрогина явился петрашевец Н.А. Спешнев (1821–1882), дворянин, по убеждениям социалист и атеист, оказавший сильное влияние на молодого Достоевского. Эта идея была поддержана другими участниками дискуссии.

В.Л. Комарович дважды выступил в печати, выявляя в публикациях Гроссмана методологические погрешности в определении прототипа. В статье «“Бесы” Достоевского и Бакунин» Комарович обобщает выдвинутую Л.П. Гроссманом аргументацию и анализирует принципы, позволившие ему сделать сенсационные выводы [9: с. 28–49]. Доказательства Гроссмана, подтверждающие его тезис о том, что, «создавая Ставрогина, Достоевский исходил из личности Бакунина» [6: с. 85], Комарович делит на две группы:

- 1) исторические, подтверждающие осведомлённость Достоевского «во внешней и внутренней биографии Бакунина»;
- 2) собственно литературные, заключающиеся в сходстве сюжетных ситуаций, некоторых событий биографии Ставрогина и биографии Бакунина.

Комарович делает вывод о методологической несостоятельности такого подхода: сами по себе эти факты не могут стать аргументами, подтверждающими, что литературный образ сформировался на их основе. «Доказывая “осведомленность” художника относительно тех или иных явлений, — пишет Комарович, — мы никак ещё не решаем вопроса о том, послужили ли эти явления материалом для его творческой апперцепции» [9: с. 32]. Историко-биографические разыскания, по мысли текстолога, не являются аргументами в вопросах изучения прототипов, только творческая история романа является убедительным доказательством: ведь известно, что Достоевский будущих героев, связанных для него с историческими личностями, называет в рукописях именем (написанным полностью, сокращённо, обозначенным первой буквой и т. д.) этих прототипов. «Таковыми именами пестрят первые наброски к “Бесам”, однако имени Бакунина — там, где идет речь о главном герое задуманного романа, — мы не находим вовсе» [9: с. 39].

В обзоре «Достоевский. Современные проблемы изучения» (1925), назвав книгу Л.П. Гроссмана «Путь Достоевского» (Л., 1924) одним из важнейших современных исследований, Комарович затронул дискуссию о прототипах Ставрогина. Он не ставит в прямую зависимость факты реально-исторические и литературные (как это очевидно прослеживается в высказываниях других исследователей — участников полемики о Бакунине). Он утверждает: «Ведь если и можно Петрашевского или Спешнева угадывать в тех или иных персонажах романа “Бесы” в качестве прототипов, то это отнюдь не даёт ещё поводов к заключениям о столь раннем замысле *данного* романа: разве художественный замысел и его сырой материал всегда и непременно должны вступать в сознание художника одновременно?» [10: с. 13]. Материалы полемики были опубликованы под редакцией Гроссмана отдельным изданием (Гроссман Л.П. и Полонский Вяч. Спор о Бакунине и Достоевском. Л., 1926). П. Бицилли, высоко оценив её идеологический подтекст («Книга исключительно интересна, хотя читать её не очень приятно», — заметил он), категорически не принял идею Гроссмана: «Сделав случайно наблюдение, он положил его в основу целой теории о **гене-зисе** “Бесов”. Теория оказалась ложной» [4: с. 488]. Не одобрил он и возражений Полонского: «...все усилия Полонского доказать, что Достоевский не знал о Бакунине и о его отношении к делу Нечаева... совершенно неудачны... Почти не подлежит сомнению, что Достоевский видел и слышал Бакунина в Женеве, что у него было сколько угодно средств и возможностей собрать сведения о Бакунине, что он **не мог** не интересоваться таким человеком и что, работая над “Бесами”, очень и очень думал о нём. ...Бакунин, конечно, не прототип Ставрогина и Ставрогин не “портрет” Бакунина. **Эмпирически** это два разных лица, две судьбы, два характера. Но в **умопостижимом** плане они совпадают. Каждый по-своему, они — воплощения одной идеи» [4: с. 489].

Таким образом, Бицилли не придаёт значения ни историческим фактам (возможной исторической встречи), ни совпадениям литературных деталей (в частности портрета) с действительными событиями, но как главное выдвигает качество, свойственное Бакунину и его литературному двойнику: «страшный» атеизм и теория, создаваемая «для других»: «Ставрогин — не революционер и не хочет им быть... как отрицатель Бога он еще более страшный, нежели Бакунин. И как Бакунин, он томится своим религиозным бессилием и создаёт больше для других, чем для себя, религию народа-богоносца» [4: с. 489]. Для Бицилли важен сам факт существования явления, запечатлённого Достоевским в «Бесах». Он говорит о генезисе литературного явления, идей, а не персонажа. И в этом смысле исторический Бакунин, его характер и деятельность подтверждают правдивость (реалистичность) главного героя «Бесов». Бицилли сопоставляет в этом смысле Достоевского с Тургеневым: «При всех колоссальных расхождениях, и Тургенев понял Бакунина, конечно, тоже “умопостижимого”, “Бакунина-идею”, — не-революционером, не-деятелем, “бабьим пророком”. И его смерть, смерть на баррикаде, не “судьба”,

а простая случайность, или насмешка судьбы. Она ничем в романе не мотивирована, и это несомненно — намеренно: карьера “эмпирического” Бакунина, как бы хочет сказать Тургенев, есть “метафизически” недоразумение, и его революционное “качество” несколько не существенно. Его “Бакунин” прежде всего “бесприютный скиталец” в поисках Правды...» [4: с. 491].

Более определённо сформулирует сходную мысль о «прототипе идей» М.М. Бахтин: у Достоевского «образ героя неразрывно связан с образом идеи и неотделим от него. Мы видим героя в идее и через идею, а идею видим в нём и через него» [2: с. 99]. «Ни отдельной мысли, ни системного единства... идеология Достоевского не знает. Последней неделимой единицей была для него не отдельная предметно-ограниченная мысль, положение, утверждение, а цельная точка зрения, цельная позиция личности. Предметное значение для него неразрывно сливается с позицией личности» [2: с. 107]. Революционные взгляды Бакунина в период сближения с Нечаевым вполне могли явиться реальной основой для литературного персонажа и в этом смысле быть прототипичными в изображении Ставрогина.

Проведённый анализ литературно-исторической ситуации позволяет сделать следующие выводы.

Публикация в 1920-е гг. ранее неизвестных материалов проявляет историко-литературные аналогии. Общественно-политическая ситуация обуславливает стремление исследователей обнаружить связь между историческим лицом и литературным персонажем, что вызывает резонансную дискуссию, в частности по методологии изучения литературных прототипов. Выдвигаемые гипотезы подтверждаются совпадением некоторых фактов биографии известных исторических личностей с событиями, изображёнными в литературном произведении, а также указанием на ряд сходств между историческими событиями и литературными описаниями (что было сделано Гроссманом, обнаружившим 20 сходств между Бакуниным и Ставригиным). Однако, как считают текстологи и исследователи творческой истории литературного произведения, метод прямого сопоставления реальной действительности и художественного мира неправомерен. Существование или отсутствие прототипических связей может подтвердить или опровергнуть только исследование генезиса анализируемого произведения. Если во время творческого процесса, отразившегося на любой стадии создания произведения, в ранних материалах (планах, заметках, редакциях, вариантах), имя (прямо или условно обозначаемое) предполагаемого прототипа не упоминается, то все предположения нужно считать произвольными. Такова точка зрения Н.К. Пиксанова, В.Л. Комаровича, Н. Бродского и др.

И всё же сходство исторических и литературных деталей, не подтверждённое документально (творческой историей произведения), привлекая внимание читателей и исследователей, может служить указанием на реальное явление, свидетельствовать о его типичности (что отмечено П. Бицелли, М. Бахтиным). Как свидетельство бытования определённых идей такие сходства также требуют обоснования историческими документами.

Библиографический список

Литература

1. Бакунин М.А. Исповедь и письмо Александру II / М.А. Бакунин; вступ. ст. В. Полонского. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 142 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 318 с.
3. Бем А.Л. Концессия на писателя (Судьба лит. наследия Д-го) / А.Л. Бем // Последние новости. – Париж, 1925, 14 мая. – С. 2–3.
4. Бицилли П. Спор о Бакунине и Достоевском (Статьи Л.П. Гроссмана и Вяч. Полонского) / П. Бицилли // Современные записки. – Париж, 1926. – № 28. – С. 488–491.
5. Боровой А. Миф о Бакунине / А. Боровой, Н. Отверженный. – М.: Голос труда, 1925. – 186 с.
6. Гроссман Л.П. Бакунин и Достоевский / Л.П. Гроссман // Печать и революция, 1923, кн. 4. – С. 82–112.
7. Гроссман Л.П. Бакунин в «Бесах». Ответ Вячеславу Полонскому / Л.П. Гроссман // Печать и революция. – 1924, кн. 4. – С. 56–77.
8. Достоевский Ф.М. Письмо к М.Н. Каткову от 8 / 20 октября 1870 г. / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-ти тт. – Л.: Наука, 1987. – Т. 29, кн. 1. – С. 141–143.
9. Комарович В.Л. «Бесы» Достоевского и Бакунин / В.Л. Комарович // Былое. – Пг., 1924, кн. 27–28. – С. 28–49.
10. Комарович В.Л. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения / В.Л. Комарович. – Л.: Образование, 1925. – 64 с.
11. Летопись Дома литераторов. – Пг., 1921.
12. Полонский Вяч. Бакунин и Достоевский / Вяч. Полонский // Печать и революция. – 1924. – №. 2. – С. 24–50.

References

Literatura

1. Bakunin M.A. Ispoved' i pis'mo Aleksandru II / M.A. Bakunin; vstup. st. V. Polonskogo. – M.: Gos. izd-vo, 1921. – 142 s.
2. Baxtin M.M. Problemy poe'tiki Dostoevskogo / M.M. Baxtin. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1979. – 318 s.
3. Bem A.L. Koncessiya na pisatelya (Sud'ba lit. naslediya D-go) / A.L. Bem // Poslednie novosti. – Paris, 1925, 14 May. – С. 2–3.
4. Bicilli P. Spor o Bakunine i Dostoevskom (Stat'i L.P. Grossmana i Vyach. Polonskogo) / P. Bicilli // Sovremenny'e zapiski. – Paris, 1926. – № 28. – S. 488–491.
5. Borovoj A. Mif o Bakunine / A. Borovoj, N. Otverzhenny'j. – M.: Golos truda, 1925. – 186 s.
6. Grossman L.P. Bakunin i Dostoevskij / L.P. Grossman // Pechat' i revolyuciya, 1923, kn. 4. – S. 82 – 112.
7. Grossman L.P. Bakunin v «Besax». Otvet Vyacheslavu Polonskomu / L.P. Grossman // Pechat' i revolyuciya. – 1924, kn. 4. – S. 56–77.
8. Dostoevskij F.M. Pis'mo k M.N. Katkovu ot 8/20 oktyabrya 1870 g. // Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: v 30-ti tt. – L.: Nauka, 1987. – T. 29, kn. 1. – S. 141–143.

9. *Komarovich V.L.* «Besy'» Dostoevskogo i Bakunin / V.L. Komarovich // By'loe. – Pg., 1924, kn. 27–28. – S. 28–49.
10. *Komarovich V.L.* Dostoevskij. Sovremenny'e problemy' istoriko-literaturnogo izucheniya / V.L. Komarovich. – L.: Obrazovanie, 1925. – 64 s.
11. Letopis' Doma literatorov. – Pg., 1921.
12. *Polonskij Vyach.* Bakunin i Dostoevskij / Vyach. Polonskij // Pechat' i revolyuciya. – 1924. – №. 2. – S. 24–50.

А.В. Громова

Растительные образы в прозе Л.Ф. Зурова: мифопоэтический аспект

В статье рассматривается мифологическое значение растительных образов и мотивов в прозе Л.Ф. Зурова. Доказывается мысль, что мифологическим источником этих образов послужили фольклорные представления. Особое внимание уделено мотиву сопоставления человека с растением (на примере повести «Иван-да-марья» и романа «Поле»).

The article deals with a mythological meaning of vegetable images and motives in L.F. Zurov's prose. The article proves that folklore representations of these images are rooted in mythological sources. Special attention is paid to a motive of comparison of a person with a plant (as exemplified in the story «Ivan-da-marya» and the novel «Field»).

Ключевые слова: Л.Ф. Зуров; русское зарубежье; растительные образы; мифопоэтика.

Keywords: L.F. Zurov; Russian Literature abroad; vegetable images; mythological poetics.

Писатель русского зарубежья Л.Ф. Зуров (1902–1971) занимает особое место среди представителей эмиграции первой волны. Большинство его литературных сверстников испытало влияние западноевропейского модернизма, Зуров же не только продолжил традиции русского реализма, но и сознательно ориентировался на устное народное творчество, ставшее источником мифопоэтических мотивов его прозы. Среди мифообразов творчества Зурова значимое место принадлежит образам природным, прежде всего растительным.

Мифологизация — универсальный способ обобщения, свойственный искусству XX века. Мифопоэтические значения могут формироваться на основе различных пластов культуры: как архаических мифов, сохранившихся в народной культуре, так и литературных образов, и религиозно-философских идей. В прозе Зурова мифопоэтический аспект растительных образов восходит главным образом к русскому фольклору.

Зуров был хорошо знаком с фольклорными представлениями славян. В 1920–1930-е годы он собирал этнографические материалы на Псковщине, дважды (в 1937 и 1938 гг.) — в составе экспедиции, организованной парижским Музеем Человека (см.: [9; 11]). Сохранилось мемуарное свидетельство Т. Величковской о том, что Зуров знал целебные свойства растений [10: с. 575–576]. Он также интересовался мифологическими значениями растений: по итогам экспедиций Зуров составил записку о поклонении камням, источникам и деревьям среди крестьян Печорского уезда [6].

В художественной прозе писателя растительный мир является не только частью пейзажного фона, но и элементом стиля, отражающего определённое мировосприятие. Например, пленный солдат сравнивает свою горькую долю с полынью (рассказ «Полынь»), солнце для умирающего, подобно цветку, расцветает «божественным цветом, золотом и зеленью» [5: с. 86] (роман «Поле»). Кроме того, природа — выражение онтологических универсалий, противопоставленных социальным катаклизмам.

Значение природы в художественном мире Зурова отмечалось ещё прижизненной критикой. Г. Адамович писал: «Историческая и бытовая ткань его писаний ярка и картинна. Но одушевляется он по-настоящему лишь идя дальше, спускаясь глубже, к земле, к природе, которая ничего не знает об ужасах, раздирающих род людской, и ничем на них не отвечает. <...> Зуров, однако, не видит в этом внешнем равнодушии ничего беспощадного, — наоборот, он только и дышит свободой, оставаясь наедине с лесами, озерами, степями» [8: с. 8].

Крестьянин Емельян в романе «Поле» (1938) считает доказательством Бытия Божия плодородие кормящей человека, ежегодно умирающей и воскресающей природы, в круг которой включена и жизнь человека: «У Бога всё сделано. <...> Умрёт всё осенью, всё побелело, а стала весна, распырилась, запушилась верба, полетела пчела добывать. Всё Божие производство. Умрёт — слава Богу. У Него всё полно» [5: с. 39]. Таким образом, человек трактуется как часть природной жизни, «Божьего производства».

Семантически насыщенным оказывается образ дерева. Назимов в романе «Древний путь» (1933), вернувшись с фронта, остро чувствует ценность привычных вещей, в том числе «прелесть окружающих дом яблонь, таящих в себе листья и плоды, теперь голых, по-зимнему закрывшихся, но живых яблонь, корни которых отечески греет снег» [1: с. 123]. Дерево в прозе Зурова всегда живое, оно проживает свой цикл и умирает, когда приходит срок. В повести «Иван-дамарья» оно воплощает и родословное древо, и древо жизни. Не случайно с ним сравниваются такие сакральные реалии, как храм и иконы: древняя церковь, где происходит венчание, «была так же бела, чиста и проста и связана с землею, как старые берёзы, что росли у каменной церковной ограды» [3: № 9, с. 104]; тёмный иконостас видится как «родословное древо с золотыми листьями и с тёмными плодами <...> как многоветвистое древо человеческой жизни» [3: № 9, с. 106]. И сам человек в венчальном каноне сравнивается с «лозой плодовой» [3: № 9, с. 105]. Деревья у Зурова «таинственно связаны с землёй и небом» [4: с. 59], то есть представляют собой образ мирового древа, символически соотносящегося со Вселенной.

Через всё творчество писателя проходит восходящий к фольклору и Библии мотив сопоставления человека с растением. В рассказах Зурова о русских крестьянах дети называются «живым рощением» [4: с. 141]. В романе «Поле» структурообразующим является заглавный образ поля — обработанной человеком, плодородной земли. В саду у Анастасии Михайловны растут лесные

и полевые цветы, «пересаженные в сад вместе с родиной — луговой и подлесной землёй» [5: с. 26]. Земля кормит людей, от неё берёт силы раненый Ермайл, а павшие воины, «смертельно пронзённые пулей, лежа грудью на горячей земле, отдают ей свою кровь» [5: с. 86]. В повести «Иван-да-марья» влюблённые сравниваются с цветками на одном стебле, а воины на поле брани — со срезанными колосьями.

В фольклоре растения сближаются с миром животных и людей по признаку роста, наличию жизненного цикла от рождения до смерти: «Растение, воспринимаемое как живое существо, мифопоэтически соотносится с человеком и наделяется его свойствами <...> цветение и зелень растения ассоциируются с жизнью, здоровьем, счастьем; увядание, засыхание, опадание листьев — со смертью» [14: т. 4, с. 406–407].

Отзвуки этих представлений обнаруживаются в Библии: например, в Первом соборном послании св. ап. Петра траве уподобляется плоть, а цветку — человеческая слава (1.24). В Ветхом Завете, Псалтири, Псалмах Давида и Моисея расцветшее растение и увядшая трава — устойчивые символы человеческой жизни и смерти: «Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его» (Пс. 102.15–17). В Новом Завете семантика зерна, плода и растения переосмысливается как способность или неспособность человека к духовному росту. В Евангелии Иисус Христос сравнивается с садовником или жнецом: Магдалина принимает его за садовника после Воскресения (Ин. 20,15), Бог посылает серп, когда «настала жатва» (Мк. 4, 29), то есть время кончины.

Архетип «человек-растение» проявляет себя и в народной вышивке, где женские фигуры могут переходить в очертания ветвей и цветов, что также было известно Зурову. В 1937–1938 годах он собрал на Псковщине для Музея Человека коллекцию обрядовых полотенец, о которых писал в отчёте: «Главная вышивка на русских полотенцах — это “Баба”, как зовут её старухи — женская фигура с воздетыми к небу руками <...> в руках держит птиц или расцветающие ветки. <...> Иногда она превращается в расцветающее дерево» [2: л. 44]. Ритуальные полотенца крестьяне использовали в свадебном и похоронном обрядах, вешали на иконы, а в старину — жертвовали священным источникам и дубам.

Мотив сопоставления человека с растением нашёл наиболее полное выражение в незавершённой повести Зурова «Иван-да-марья», над которой писатель работал с 1956 года. Текст произведения был реконструирован профессором И.З. Белобровцевой и опубликован в 2005 году.

Значение растительной символики задано в заглавии. Иван-да-марья — народное название растения, выросшего, согласно фольклорному преданию, на могиле брата и сестры, вступивших в брак, не зная о своём родстве. В названии повести обозначены её важнейшие мотивы:

мотив любви, продолжающейся за гробом, и мотив трагической судьбы, поддержанный строками Псалма Давида: «Жизнь человека яко цвет травный. Тако отцветет: яко дух пройдет в нем и не познает человек пути своего» [3: № 9, с. 145].

Образ «ивановской травы» иван-да-марья связан с художественным временем произведения, спроецированным на народный календарь. Главное событие первой части — знакомство главных героев Ивана Косицкого и Киры — приурочено к купальским праздникам, времени «расцвета травного» [3: № 8, с. 66; 13]. Праздник Ивана Купала, приходившийся на день летнего солнцестояния, являлся кульминационным моментом в весенне-летнем цикле народного календаря. В христианскую эпоху он совпал с церковным праздником Рождества Иоанна Крестителя, заменившего более раннее языческое божество, связанное с солнцем. По мнению фольклористов, свадебная доминанта купальских праздников обусловлена древним языческим мифом о браке солнца [7: с. 536–537]. Данные представления были известны Зурову, не только наблюдавшему празднование Иванова дня на Псковщине, но и написавшего в записке «О поклонении камням, источникам и деревьям»: «Нам известно, что праздник весны — её высшего расцвета, подъёма и силы — был Иванов день — Ивана Купалы. Он являлся кульминационным торжеством двух солнечных божеств (мужского и женского) <...>. Потом, после принятия христианства, поклонение солнцу, очищаясь от языческих воззрений, сосредоточилось на празднике св. Иоанну Предтече, и Иван Купала слился, отождествился с Иоанном Крестителем: свойства солнечного бога перешли на личность христианского святого и праздник Ивана смешался с древним праздником Яриле» [6: л. 32].

Праздник Ивана Купала («Иван травник») был связан и с растительным миром: в этот период начинался сбор трав и цветов, косьба, заготовка веников [7: с. 542]. Это также было хорошо известно Зурову: «Славяне праздновали и славили достигший в этот вечер особенных сил расцвет природы. В таинственную, наполненную любовной магией Иванову ночь всё особенно колдовски вокруг них оживало, особенным становились не только звери и птицы, но и деревья, травы, цветы. Всё вокруг становилось чудесным. Оживали камни, особенной магией был насыщены воды, чудодейственной лекарственной силой обладали травы» [6: л. 32].

Иван-да-марья считалась одной из «ивановских» трав, которую собирали в ночь накануне Ивана Купалы, святили в церкви и использовали в магических целях. В бытовавших названиях этого растения («братки», «брат-сестра») и связанных с ним магических действиях отразилась его «двойная» природа, обусловленная необычной жёлто-синей расцветкой. Например, считалось, что разложенные по углам избы цветы могут разговаривать друг с другом и охранять дом от воров [12: с. 198]. В народных представлениях мужское начало символизирует жёлтый, а женское — синий цвет, что отра-

зились в преданиях [12: с. 194–195] и купальских песнях [7: с. 521]. Значение цвета восходит к древнейшим мифологическим представлениям: жёлтый (золотой) цвет выступает как признак солнца, празднующего свою свадьбу на Иванов день. Именно такую трактовку цвета даёт Зуров в своей повести. Совместная прогулка в бору и сбор цветов иван-да-марьи необъяснимым образом сближают Ивана и Киру, которые решают пожениться после одного дня знакомства. Мифопоэтический подтекст повести Зурова, основанный на славянском купальском фольклоре, позволяет восстановить недостающие фабульные звенья, объясняя стремительность развития любовных чувств главных героев.

Другим значимым растительным образом в повести является рожь, в народных представлениях наделённая как брачной, так и похоронной символикой [14: т. 4, с. 467]. В фольклоре нива нередко выступает как символ поля битвы, а жатва — как метафора сражения и смерти [14: т. 4, с. 134]. В Откровении Иоанна Богослова образ серпа напоминает о гневе Божиим и грядущем кровопролитии. Во второй части повести Зурова, описывающей военные события 1914–1915 годов, лейтмотивом становится сопоставление воинов с ржаными колосьями: «Пехоту вели во весь рост, и немцы косили ее из пулеметов, как спелую рожь» [3: № 9, с. 124]; солдаты под огнём ложились в окопы, «перемешанные с ржаными спелыми колосьями» [3: № 9, с. 137]; гроб, в котором хоронят Ивана, первоначально был приспособлен подводчиком для хлебных буханок [3: № 9, с. 139], а на его отпевание денщик принёс с поля ком земли, в которую попал «поломанный ржаной колос» [3: № 9, с. 139].

Сопоставление воинов с колосьями соотносится также с известным у славян фольклорным мотивом «жития и страдания культурных растений», представленным в песнях, играх, хороводах, быличках, загадках. «В них последовательно перечисляются все этапы роста, созревания, переработки культурных растений, чаще всего льна и конопли <...>, излагается или изображается весь их “жизненный путь” от момента сева до получения конечного продукта — рубахи, пояса, полотенца, хлеба, вина и т. п.» [14: т. 2, с. 221]. Эти тексты использовались в качестве заговоров в охранительных, лечебных и отгонных ритуалах, предохраняя от различных болезней, нечистой силы, волков, грома, града. Например, в некоторых районах Сербии «разгоняли тучи “заговорными песнями” о муках пшеницы (черви подгрызают ей корни, её бьют цепями, она мучается на мельнице между двух тяжёлых жерновов, в печи её мучает огонь, и, наконец, во рту зубы жуют испечённый из неё хлеб). Бог, услышав об этих муках, должен был сжалиться и не пустить град на пшеничное поле» [14: т. 4, с. 376]. Подобные тексты отсылают к образу завершённого круга жизни и христианскому культу праведных мук.

Мотив «жития и страдания культурных растений» угадывается в одной из сюжетных линий романа «Поле» — мучений крестьянина Ермолая, ставшего

жертвой красных пограничников. Действие романа происходит в начале гражданской войны, когда Псковская земля оказалась разделённой между красными и немцами. Ермолай с женой, проживающие в нейтральной полосе, отправляются на свадьбу крестника; безбожники-красноармейцы нападают на свадебный поезд, направляющийся в церковь. Ермолая ранят, а потом жестоко избивают раненого, а также и его жену, которая пыталась заступиться за мужа.

Зуров с неоправданной, на первый взгляд, детальностью описывает, как мучают раненого Ермолая: «Его ощупывали, толкали, расстегнув жилет, трогали грудь. <...> Его ворошили, стараясь допытаться, узнать, жив он ещё, или нет, а он, затаив дыхание, слышал все над ним разговоры, терпел, когда его тягали за волосы, трогали, где пробито, переворачивали разглядывая, куда вошла пуля...» [5: с. 70]. Бросив неподвижного Ермолая на телегу, солдаты нарочно нахлестывают лошадей, чтобы его голова билась о колёса: «Тот, что был рядом, подтянув тело Ермолая, крича на ходу, выдернул рубаху, заголяя грудь Ермолая <...> бил кулаком по расщепленному пулей ребру» [10: с. 72]. Ермолая бросают на землю возле больницы. Его спасает жена Анна, которая подвязывает обессилевшего мужа своим поясом, как сноп, и уводит подальше от человеческого жилья. Они долго идут по безлюдным местам, и Анна боится, что Ермолай умрёт на болоте.

Спасение для умирающих героев, как для злаковых зёрен, — в близости земли, поля. Ещё раньше, брошенный возле больницы, Ермолай ощущал, как на земле «в теле и без него всё приходило само в равновесие, оно начинало медленно всё поправлять, и ему казалось, он чувствовал, как притекает к ранам отдохнувшая кровь, как сами собой закрываются раны» [5: с. 74–75]. Когда измученные герои вышли к неспаханному деревенскому полю, они «согревались друг возле друга, на сыром мху под березами, на дожде, — лежали, грудь к груди, приникая друг к другу всем телом. <...> Хоть бы зарыться, думала она, поглубже, под корни уйти» [5: с. 108]. Несмотря на неблагоприятные условия, герои, словно набравшись сил от земли, добираются до нейтральной полосы, продолжая путь домой.

В мифопоэтическом подтексте данной сюжетной линии прочитывается и евангельское соотнесение человека с зерном: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. XII, 24). В Евангелии Христос рассказывает эту притчу о Себе и предстоящей Ему крестной смерти, призванной искупить грехи всего человечества. Заложенная в притче идея страдания и самопожертвования реализуется как в классической русской литературе (например, у Ф.М. Достоевского, избравшего эти строки в качестве эпиграфа к роману «Братья Карамазовы»), так и в повести Зурова «Иван-да-марья», где неоднократно звучит мысль о том, что война послана за грехи, а лучшие представители народа — «отобранный цвет» [3: № 9, с. 122] — приносят себя в жертву во искупление вины всего мира.

Итак, растительные образы в прозе Зурова могут выполнять различные функции: быть частью пейзажного фона, элементом стиля, выражать экзистенциальные размышления автора о мире и жизни человека. Наиболее значимые философские коннотации обусловлены мифопоэтической трактовкой образов растений и связанных с ними мифологических представлений, восходящих, главным образом, к русскому фольклору и Библии. Мифопоэтический подтекст в прозе Зурова участвует в формировании сюжета, художественного времени и пространства, объясняет глубинные причинно-следственные связи между событиями, проясняет философскую концепцию автора, помогает создать целостную картину русского национального бытия в эпоху трагических перемен.

Библиографический список

Источники

1. Зуров Л. Древний путь / Л. Зуров. – 2-е изд. – Франкфурт: Посев, 1985. – 150 с.
2. Зуров Л. Записка о произведённом обследовании древностей Печерского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг. / Л. Зуров // Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. – Ф. 3. – Оп. 1. – К. 1. – Ед.хр. 9. – 62 л.
3. Зуров Л. Иван-да-марья / Л. Зуров // Звезда. – 2005. – № 8. – С. 61–113; № 9. – С. 99–145.
4. Зуров Л. Марьянка / Л. Зуров. – Париж, 1958. – 164 с.
5. Зуров Л. Поле / Л. Зуров. – 2-е изд. – Франкфурт: Посев, 1983. – 150 с.
6. Зуров Л. О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда / Л. Зуров // Архив Национального музея естественной истории; Museum National d'Histoire Naturelle (Париж). Центральная библиотека. – Архив Зурова. – № 2. – 84 л.

Литература

7. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т.А. Агапкина. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.
8. Адамович Г. Л. Зуров / Г. Адамович // Новое русское слово. – 1953. – 29 ноября. – С. 8.
9. Белобровцева И.З. Л. Зуров и Эстония / И.З. Белобровцева // Русские в Прибалтике. – М.: Флинта; Наука, 2010. – С. 289–307.
10. Величковская Т. О Л.Ф. Зурове / Т. Величковская // Зуров Л. Обитель. – М.: Паломникъ, 1999. – С. 575–576.
11. Громова А.В. Верования сетуского и русского населения Прибалтики в описании Л.Ф. Зурова (1930-е годы) / А.В. Громова // Русский язык в странах СНГ и Балтии. – М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2007. – С. 540–547.
12. Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза / Н.А. Криничная. – Т. 2. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. – 410 с.
13. Разумовская А. «И кровь мою воспитывала наша земля...»: Город, дом, сад в повести Л. Зурова «Иван-да-марья» / А. Разумовская // Север. – 2007. – № 7–8. – С. 232–239.

14. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти тт. – М.: Международные отношения, 1995–2012. (Институт славяноведения РАН).

References

Istochniki

1. Zurov L. Drevnij put' / L. Zurov. – 2-e izd. – Frankfurt: Posev, 1985. – 150 s.
2. Zurov L. Zapiska o proizvedyonnom obsledovanii drevnostej Pecherskogo i Izborskogo kraja, o restavracii zvonniczy' cerkvi Nikolj' Ratnogo v Pskovo-Pecherskom monasty're i o rezul'tatax arheologicheskoj i e'tnograficheskoj razvedki v 1935, 1937 i 1938 gg. / L. Zurov // Dom Russkogo Zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzheniczy'na. – F. 3. Op. 1. K. 1. – Ed. xr. 9. – 62 l.
3. Zurov L. Ivan-da-mar'ya / L. Zurov // Zvezda. – 2005. – № 8. – S. 61–113; № 9. – S. 99–145.
4. Zurov L. Mar'yanka / L. Zurov. – Parizh, 1958. – 164 s.
5. Zurov L. Pole / L. Zurov. – 2-e izd. – Frankfurt: Posev, 1983. – 150 s.
6. Zurov L. O doxristianskix perezhitkax i religiozny'x verovaniyax setskix i russkix krest'yan Pecherskogo uezda / L. Zurov // Arxiv Nacjonal'nogo muzeya estestvennoj istorii; Museum national d'Histoire naturelle (Parizh). Czentral'naya biblioteka. – Arxiv Zurova. – № 2. – 84 l.

Literatura

7. Agapkina T.A. Mifopoe'ticheskie osnovy' slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letnij cikl / T.A. Agapkina. – M.: Indrik, 2002. – 816 s.
8. Adamovich G. L. Zurov / G. Adamovich // Novoe russkoe slovo. – 1953. – 29 noyabrya. – S. 8.
9. Belobrovceva I.Z. L. Zurov i E'stoniya / I.Z. Belobrovceva // Russkie v Pribaltike. – M.: Flinta; Nauka, 2010. – S. 289–307.
10. Velichkovskaya T. O L.F. Zurove / T. Velichkovskaya // Zurov L. Obitel'. – M.: Palomnik, 1999. – S. 575–576.
11. Gromova A.V. Verovaniya setuskogo i russkogo naseleniya Pribaltiki v opisanii L.F. Zurova (1930-e gody') / A.V. Gromova // Russkij yazy'k v stranax SNG i Baltii. – M.: IE'A im. N.N. Mikluxo-Maklaja RAN, 2007. – S. 540–547.
12. Krinichnaya N.A. Russkaya narodnaya mifologicheskaya proza / N.A. Krinichnaya. – T. 2. – Petrozavodsk: Karel'skij nauchny'j centr RAN, 2000. – 410 s.
13. Razumovskaya A. «I krov' moyu vospity'vala nasha zemlya»: Gorod, dom, sad v povesti L. Zurova «Ivan-da-mar'ya» / A. Razumovskaya // Sever. – 2007. – № 7–8. – S. 232–239.
14. Slavyanskije drevnosti: E'tnolingvisticheskij slovar': v 5-ti tt. – M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1995–2012. (Institut slavyanovedeniya RAN).

М.Г. Павловец

Поэтика заглавий логогрифа «Я» и «Поэзии о соловье» Василия Каменского

Статья посвящена интерпретации логогрифа Василия Каменского «Я» и ряда других его произведений как художественной проекции его персонального мифа о «пространстве поэта». Это пространство захватывает не только знаменитое пермское поместье Василия Каменского, но, как показано в статье, распространяется на другие локусы. В этом проявляется авангардистская жизнетворческая концепция трансгрессии личности поэта на внешнюю по отношению к его «я» реальность.

This article contains the interpretation of Vasily Kamensky's logogriph «I» and his other works as an artistic reflection of his personal myth about «the poet's space». This space includes not only Vasily Kamensky's famous Perm estate, but also spreads to other loci. Thus his conception of the poet's personality transgression on the reality external to his «I» manifests itself.

Ключевые слова: Василий Каменский; логогриф; локальный текст; персональный миф поэта; русский футуризм.

Keywords: Vasily Kamensky; logogriph; local text; poet's personal myth; Russian futurism.

Для Василия Каменского (как, собственно, и для ряда других поэтов-футуристов, не всегда свято чтивших неприкосновенность уже опубликованного текста) свойственно было комбинировать и рекомбинировать уже готовые произведения либо их фрагменты в новые сверхъединства или неоднократно переиздавать их в обновлённых редакциях. Одним из характерных примеров такого рода текстов является опус поэта под незамысловатым названием «Я», опубликованный в альманахе «Рыкающий Парнас» [9: с. 46]:

Я
Излучистая
Лучистая
Чистая
Истая
Стая
Тая
Ая
Я

Текст представляет из себя наглядный пример так называемого *логогрифа* — стихотворения, в основе которого лежит одноимённый стилистический приём построения фразы или стиха путём подбора таких слов, последова-

тельное сочетание которых даёт картину постепенного убывания звуков (или букв) первоначального длинного слова (о логогрифе как художественной форме см. [11: с. 219; 12: с. 310; 13: с. 172]).

Редакцию этого стихотворения в качестве составной части большего по объёму произведения под названием «Поэзия о соловье» обнаруживаем в сборнике «Четыре птицы» [1: с. 71] и, с незначительными вариациями, в авторской книге Каменского «Девушки босиком». Интересующий нас логогриф здесь неполон, он лишён начального слова «Излучистая» и последних трёх стихов стихотворения [7: с. 26]:

И моя небовая свирель.
Лучистая
Чистая
Истая
Стая.

Таким образом, в одном из трёх процитированных примеров логогрифическая редукция исходного слова приводит к местоимению «Я» — одному из ключевых в поэтическом словаре «будетлянина» Василия Каменского. За ним стоит не просто эпатажный эгоцентрический культ, характерный для многих русских поэтов рубежа веков, в духе северянинского «Я, гений Игорь Северянин», хотя высказываний в подобном духе немало у Каменского:

Король непризнанный в отечестве
В необразованной Перми
Отсталой в вольном молодечестве
Живущей где-то за дверьми.

Но я не жалуясь на Пермь свою
На Каме трудно жить культуре
Ведь всё равно я первенствую
В Российской литературе

(«Моя карьера» [2: с. 36]).

Этот культ «я» очевидным образом укладывается в модернистскую программу житнетворчества, разделяемую Каменским и наиболее последовательное воплощение обретающую в объективировании им собственного лирического субъекта, говорении о нём как о третьем лице, — черта, которая сближает Каменского с другими поэтами футуристического лагеря. Наиболее отчётливо эта тенденция проявилась в первой мемуарной книге поэта «Его—Моя биография Великого Футуриста»: она снабжена подзаголовком, который намекает на библейские семь дней творения и даже не двойственность, но троичность, аналогичную Божественной троичности, центрального персонажа — Гения — Поэта — Футуриста: «7 дней предисловий. Три портрета» [4]. Собственная творческая биография воспринимается поэтом как форма житнетворческой трансгрессии личности и её воплощения в феноменах реальности, внешней по отношению к внутреннему миру личности. Автобиографический нарратив последовательно воплощается

в Слове (мыслящемся футуристами как феномен, изоморфный иным «вещам» реальности), в Книге, в жизненном пространстве Поэта — таковым для Каменского стало его поместье Каменка неподалёку от Перми, наконец, в мироздании в целом. По крайней мере, об этом поэт пишет в манифесте «Эй, друзья писатели — гениальные головы — запомните!», открывающем книгу «Его—Моя биография Великого Футуриста»:

«11) На арене человечества утверждается Личность — в искусстве — книга биография гения.

12) Временно надо спасти книгу своими биографиями, нужно всем напряженьем своего мастерства заставить читателя — занятого всегда чем угодно — только не книгой — полюбить трепетно книгу, как живое истинное близкое чудо.

13) А после — книгу в искусстве (мертвая форма словопредставленья посредством бумаги и шрифта) — совершенно уничтожить, а перейти непосредственно к искусству жизни, помещая стихи и мысли на заборах, стенах, домах, фабриках, крышах, на крыльях аэропланов, на бортах кораблей, на парусах, на небе электрическим свеченьем, на платьях» [4: с. 6].

В. Абашев историю основания Каменским родового гнезда в Каменке осмысляет как опыт утверждения своеобразной «онтологии личности» Поэта-Гения, космогонический акт культурного первотворения, упраздняющего границы между жизнью и искусством: «Обретение Каменки мыслилось Каменским как возвращение в исходное место рождения, первоисточник мира и времени. Каменка, совместив в себе реку и горы, воплотила в себе и материально-ландшафтно, и своим именем, Кама – Камень – Каменка, парадигму рождения (или локус рождения). Темпоральная парадигма “смерти-воскресения” в Каменке сомкнулась с пространственной парадигмой “места рождения”. Обретя Каменку, Каменский вернулся (и отныне получил возможность вечно возвращаться) в сакральное время своего первотворения: здесь, в Каменке, “всё было так, будто сам сделал”» [10].

И Музей Поэта, который собирал в своем поместье Каменский, есть одно из непосредственных проявлений такого рода жизнеустроительных интенций: здесь им собирались вещи, привезённые из дальних странствий и поездок, подарки друзей и поклонников. Собиранию Музея уделено немало внимания в «Его—Моей Биографии Великого Футуриста»: «Порядок в музее — идеальный: здесь живет своей жизнью каждая вещь и в них — Поэт. <...>

Он знает желанья вещей.

Он — Йог — мудро проникает Своей Волей в духовную сущность бытия там — где начинается Материя — создавая миры — Землю — Человечество — Культуру — Футуризм — и где кончается каждое Переселенье Души, растворенное Вечностью» [4: с. 150].

В. Абашев как специалист в области «локальных текстов» культуры, вполне обоснованно привязывает эту онтологизирующую трансгрессию личности к генезису исследуемого им «Пермского текста» русской культуры, однако

ясно, что амбиции поэта выходили далеко за пределы провинциального локуса, о чём свидетельствует экзотический характер большинства предметов, собираемых Каменским в своём «музее». Привезённые им из Крыма, Турции, Европы и других мест, они не отрицают «творимую легенду» Каменского о пермской земле как «первоместе» и «первоистоке» его творчества — но втягивают всё пространство мировой культуры (в том числе и культуры материальной) в миф о Поэте — Футуристе — Гении. Мысля своё творчество одновременно и в контексте русского футуризма — и обособленно от него, Каменский не придавал этой обособленности черты культурного провинциализма, напротив, свою миссию, на что справедливо указывает В. Абашев, понимал как «попытку утвердить себя в глазах локального сообщества в роли культурного героя: он читал лекции, устраивал выставки современной живописи, летал на аэроплане. В “Пути энтузиаста” своё появление в Перми с аэропланом он описывает как визит миссионера в туземное племя» [10].

Все эти соображения, как нам кажется, следует иметь в виду при анализе стихотворения Василия Каменского «Я». Исходное слово «излучистая», подвергаемое логогрифическому «секвестированию», словарями однозначно увязывается с речной семантикой — «имеющий много излучин, изгибов, поворотов». Этим словом актуализируется персональный миф Каменского — по свидетельству В. Абашева, «он сознавал себя сыном Камы и Камня-Урала именно в БУКВАЛЬНОМ смысле» [10], что, в частности, увязывается и с этимологией его фамилии — Каменский. С другой стороны, поместье поэта Каменка названо так по одноимённой речке, возле которой оно было заложено и для которой определение «излучистая» куда более релевантно, чем для полноводной Камы: как можно понять, выбор данного места для своего поместья также был неслучайным для Каменского.

Однако позволим себе и ещё одну гипотезу: слово «Излучистая» само по себе является топонимом. Так называлось село в Херсонском уезде Херсонской губернии, основанное в 1824 году выходцами из Могилёвской и Витебской губерний в качестве еврейской земледельческой колонии — кстати, на берегах реки... Каменка! Сегодня это село носит название Излучистое и относится к Каменскому сельскому совету Софиевского района Днепропетровской области Украины (есть и село Каменка, в 1,5 км ниже Излучистого по течению одноимённой реки). Напомним, что в Херсонской губернии, примерно в 150 км от Излучистой, находилось село Чернянка, где управляющим поместья графа Мордвинова служил отец братьев Бурлюков и которое справедливо считается колыбелью русского футуризма, давшей группе кубофутуристов одно из названий — Гилея (об этом см., напр. [8: с. 27–58]). Каменский, судя по всему, не гостил в Чернянке, хотя не раз бывал в тех краях и, кроме того, был близок с Бурлюками, в частности работал в студии Давида Бурлюка и участвовал в совместных живописных выставках и поэтических выступлениях.

Нам пока не удалось найти свидетельств, что Каменский был знаком с этим топонимом — Излучистая, хотя такая констелляция совпадений не может не обратить на себя внимание. По сути дела, Каменка пермского поэта была его персональным, альтернативным «гилейскому», проектом по основанию собственного поэтического локуса, ведь, по замечанию И.П. Смирнова, «миф русского футуризма в самом общем виде — это миф о сотворении мира “из ничего” (creatio ex nihilo), о чистом, бесосновном творчестве, об абсолютной творческой свободе человека-демиурга. Даже в названии самой радикальной футуристической группы слышится эта, не осознаваемая самими футуристами, коннотация: “Гилея”, помимо всего прочего, платоновский hyle, обозначающий никем не сотворённую первоматерию, из которой демиург творит мир» [14: с. 159].

При этом хотелось бы обратить внимание на то, что для Каменского не только локальная увязка своего рождения, но и лексическая оказывается крайне важной: поэт Каменский, родившийся на пароходе посреди Камы, обрёл своё второе рождение в виде помещика на берегах речки Каменки и в поместье своего имени. Более того, одноимённая река, оказывается, протекает и в Херсонской губернии: возникает своеобразная топонимическая рифма двух мест, а имя Каменского оказывается и пространственно смежно с колыбелью русского «будетлянства» — как оно смежно в известной «железобетонной поэме» «Солнце» (1917) [5: с. 547], где Солнце — лицо Гения, футуризм же представлен месяцем, то есть светилом, отражающим свет Солнца, тогда как Василий Каменский горит отдельной звездой (см. рис. 1).

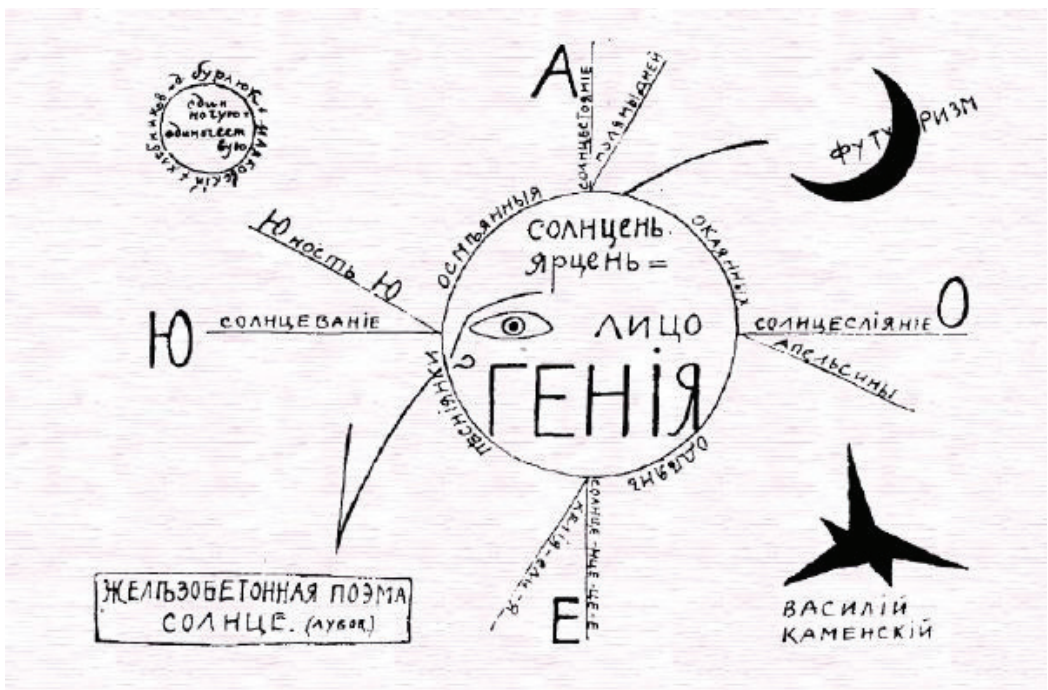

Рис. 1. «Железобетонная поэма» В. Каменского «Солнце» (1917).

Можно сказать, местоимение «Я» в одноимённом стихотворении извлекается из «Излучистой» методом, обратным «феноменологической редукции»; при этом в слове «Излучистая» выявляются присущие ему парасемы «лучистости», «чистоты» и «подлинности» («истая»). Впрочем, если «истая» прочитать с ударением на второй, а не на первый слог — в таком случае запускается цепочка ассоциаций, связанных с птичьим полётом и истаиванием стаи в небесной дали, причём это истаивание визуализируется самим строением логогрифа. В свою очередь, мотив истаивания связан ещё с одной важнейшей темой творчества Василия Каменского — темой полёта на аэроплане и метафорического уподобления поэта-авиатора певчей птице, способной и петь, и летать. Дополнительным свидетельством такой связи является «железобетонная поэма» «Полет Васи Каменского на аэроплане в Варшаве» [7: с. 2] из книги «Танго с коровами»: в отличие от логогрифа «Я», она представляет собой треугольник, поставленный на основание, но читается, согласно авторскому указанию, снизу вверх и финализируется однобуквенным словом I: одновременно визуальным образом истаивания аэроплана в небесах — и английским местоимением I — я.

Что же касается уподобления поэта певчей птице, то приведём тут известное высказывание самого Каменского: «Я уж так птицей и сделан» [8: с. 95]. Упомянутая нами выше «Поэзия о соловье», вобравшая в себя логогриф «Я», построена на буквальном уподоблении Соловья, Поэта, Пастуха, играющего на свирели, и ручья. Собственно, и песенно-птичье, и пастушье, и ручьиное-журчиное начала — всё это у Каменского ипостаси всё того же Поэта-Гения, чьё лирическое «я» буквально интегрировано в жанровое определение данного произведения — «поэзия». О том, что поэт мыслил «поэмию» именно в качестве авторского жанра (наподобие «поэзы» Игоря Северянина), свидетельствует его проговорка в «Его-Моей биографии Великого Футуриста» о шести неизданных книгах, последняя, шестая, из которых — книга поэмий [4: с. 204] (поэзией называет он в мемуарах и небольшую автобиографическую поэму «Моя карьера»). И хотя скорее всего сам авторский окказионализм «поэзия» создан по модели слова «элегия», очень соблазнительно видеть в его составе ещё и личное местоимение «я», тем более что, вслед за Хлебниковым, Каменский разрабатывал собственную поэтическую лингвосемантику и графосемантику отдельных букв.

Таким образом, логогриф Василия Каменского «Я» — не просто образец футуристического «опредмечивания» слова, игровой деструкции исходной лексемы «Излучистая» путём её последовательного усечения до одной буквы / местоимения «Я». Василий Каменский в этом стихотворении не уничтожает семантику слова в духе «зауми» А. Крученых: напротив, каждый из возникающих в результате «логогрифирования» словесных фрагментов оказывается полноценным словом, отсылая к целому комплексу характерных для поэзии Каменского мотивов. Причём синтезирующим началом для всех этих мотивов, как нам кажется, послужил локальный миф Василия Каменского о земле Поэта-Гения, (вос)созданной им в (жизне)творческом акте.

Библиографический список

Источники

1. Бурлюк Д. Четыре птицы: сборник стихов / Д. Бурлюк, Г. Золотухин, В. Каменский, В. Хлебников. – М.: Изд-во «К», 1916. – 96 с.
2. Каменский В. Девушки босиком / В. Каменский. – Тифлис: тип. «Прогресс», 1917. – 144 с.
3. Каменский В. Его–Моя биография Великого Футуриста / В. Каменский. – М.: Китоврас, 1918. – 228 с.
4. Каменский В. Звучаль веснеянки: Стихи / В. Каменский. – М.: Китоврас, 1918. – 160 с.
5. Каменский В. Лето на Каменке / В. Каменский. – Пермь: Кн. изд-во, 1961. – 216 с.
6. Каменский В. Сочинения. Репринтное воспроизведение изданий 1914, 1916, 1918 гг. с приложением / В. Каменский. – М.: Книга, 1990. – 592 с.
7. Каменский В. Танго с коровами: Железобетонные поэмы / В. Каменский. – М.: Издание Д.Д. Бурлюка, 1914. – 34 с.
8. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Воспоминания / Б. Лившиц. – М.: Худож. лит., 1991. – 350 с. (Забытая книга).
9. Рыкающий Парнас: [Альманах]. – СПб.: Журавль, 1914. – 120 с.

Литература

10. Абашев В. Василий Каменский: Роман с Пермью (место жизни как основа персональной и литературной идентичности) / В. Абашев. – URL: <http://magazines.russ.ru/urnov/2000/3/hr.html> (Дата обращения 29.01.2014 г.).
11. Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии / Сост. и коммент. Г.Г. Лукомникова и С.Н. Федина; конс. Д.Е. Авалиани. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 272 с.
12. Бонч-Осмоловская Т.Б. Введение в литературу формальных ограничений. Литература формы и игры от античности до наших дней / Т.Б. Бонч-Осмоловская. – Самара: ИД «Бахрах-М», 2009. – 560 с.
13. Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь / Под ред. И.Б. Роднянской. – 2-е изд, стереотип. – М.: Дрофа, 2000. – 464 с.
14. Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней / И.П. Смирнов. – М.: НЛЮ, 1994. – 351 с.

References

Istochniki

1. Burlyuk D. Chety're pticy?: sbornik stixov / D. Burlyuk, G. Zolotuxin, V. Kamenskij, V. Xlebnikov. – M.: Izd-vo «K», 1916. – 96 s.
2. Kamenskij V. Devushki bosikom / V. Kamenskij. – Tiflis: tip. «Progress», 1917. – 144 s.
3. Kamenskij V. Ego-Moya biografiya Velikogo Futurista / V. Kamenskij. – M.: Kitovras, 1918. – 228 s.
4. Kamenskij V. Zvuchal' vesneyanki: Stixi / V. Kamenskij. – M.: Kitovras, 1918. – 160 s.
5. Kamenskij V. Leto na Kamenke / V. Kamenskij. – Perm': Kn. izd, 1961. – 216 s.
6. Kamenskij V. Sochineniya. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniy 1914, 1916, 1918 gg. s prilozheniem / V. Kamenskij. – M.: Kniga, 1990. – 592 s.

7. *Kamenskij V.* Tango s korovami: Zhelezobetonny'e poe'my' / V. Kamenskij. – M.: Izdanie D.D. Burlyuka, 1914. – 34 s.
8. *Livshicz B.* Polutoraglazy'j strelec: Vospominaniya / B. Livshicz. – M.: Xudozh. lit., 1991. – 350 s. (Zaby'taya kniga).
9. Ry'kayushhij Parnas: [Al'manax]. – SPb.: Zhuravl', 1914. – 120 s.

Literatura

10. *Abashev V.* Vasilij Kamenskij: Roman s Perm'yu (mesto zhizni kak osnova personal'noj i literaturnoj identichnosti) / V. Abashev – URL: <http://magazines.russ.ru/urnov/2000/3/hr.html> (Data obrashheniya: 29.01.2014 g.)
11. Antologiya russkogo palindroma, kombinatornoj i rukopisnoj poe'zii. / Sost. i komment. G.G. Lukomnikova i S.N. Fedina; kons. D.E. Avaliani. – M.: Gelios ARV, 2002. – 272 s.
12. *Bonch-Osmolovskaya T.B.* Vvedenie v literaturu formal'ny'x ogranichenij. Literatura formy' i igry' ot antichnosti do nashix dnejj / T.B. Bonch-Osmolovskaya. – Samara: ID «Bax-rah-M», 2009. – 560 s.
13. *Kvyatkovskij A.P.* Shkolny'j poe'ticheskij slovar' / A.P. Kvyatkovskij; pod. red. I.B. Rodnyanskoj. – 2-e izd, stereotip. – M.: Drofa, 2000. – 464 s.
14. *Smirnov I.P.* Psixodiaxnologika. Psixoistoriya russkoj literatury' ot romantizma do nashix dnejj / I.P. Smirnov. – M., NLO, 1994. – 351 s.

А.В. Хлыстова

Иновационные методы анализа суггестивной образности художественного текста

Статья посвящена рассмотрению новой методики анализа художественного текста, основанной на исследовании его суггестивной образности. Метод базируется на изучении гипнотических структур художественного текста и их сенсорного наполнения — визуальных, аудиальных и кинестетических предикатов. Разработанный на основе нейролингвистического программирования (Дж. Гриндер, Р. Бэндлер и др.) и применённый нами к анализу литературного текста, данный подход позволяет увидеть в загадочной суггестивной материи художественного образа конкретный объект эмпирического исследования, что приводит к новым интересным результатам, отчасти представленным в статье.

The article considers a new methodology of the text analysis, based on research of its suggestive imagery. The methodology rests on the analysis of the literary text's hypnotic structures and their sensory filling such as visual, audio and kinesthetic predicates. The methodology develops from the neuro-linguistic programming (J. Grinder, R. Bandler etc.) and applies to the analysis of the literary text. Such an approach allows seeing the definite object of the empirical research in the mysterious suggestive matter, which leads to new interesting results. Some of them are represented in the article.

Ключевые слова: суггестия; художественный образ; визуальный; аудиальный; кинестетический.

Keywords: suggestion; artistic image; visual; audio; kinesthetic.

Подсознательные процессы — важная составляющая в ментальной жизни общества и индивида. Реклама и PR, бурно развивающаяся сегодня область деятельности, эффективно использует данные о механизмах подсознания человеческой психики. Взаимосвязь психики и языка изучает психолингвистика. В литературоведении приоритетными областями исследования становятся психопэтика, рецептивная эстетика и т. д.

Актуальность разработки новой методики анализа художественного текста диктуется необходимостью восполнить пробел, существующий в литературоведении в области изучения суггестивных техник. Психология, социология, лингвистика проводят планомерные исследования в данной области. Реклама выработала целый арсенал эффективно действующих технологий суггестивного воздействия. Литературоведение же, чьим предметом является обширнейший суггестивный материал — мир художественных образов, пока не приступило к разработке этого богатства.

В основе суггестивного воздействия лежит работа с образами: картинками, запахами, цветами. Поэтому литературоведы, чья специализация включает работу с художественными образами, могли бы обладать значительными преимуществами в изучении суггестивных техник. Психологи и рекламщики говорят о гипнотической силе метафоры. Но в литературоведении гипнотические принципы функционирования метафоры и механизмы её воздействия на реципиента глубоко не изучаются.

Существующий пробел необходимо восполнить. Всестороннее изучение суггестивных техник, которые использовались в текстах мастеров художественного слова, разработка на основе полученных данных литературоведческой базы суггестивных паттернов, расширение методик психолингвистического анализа художественной речи приведёт к созданию новой концепции образа в литературоведении. А практическое применение полученных результатов в преподавании литературы позволит придать литературоведению статус более востребованной в современном обществе науки, обучающей и познанию себя, особенностей своей психики, и способам оказывать успешное влияние на других людей и окружающий мир. Ключ к этому находится в языке. Если на основании высокохудожественных текстов литературоведение сможет разработать универсальный код суггестивного воздействия, то и наша повседневная коммуникация обогатится полученными данными, став более яркой, успешной и продуктивной. Обращение литературоведения к проблеме суггестивной составляющей художественных образов, несомненно, окажет воздействие на практику порождения живого, яркого образа в речи. А способность создавать полноценные речевые образы является одним из наиболее эффективных средств межличностного общения, способствует установлению контакта и взаимопониманию.

На данном этапе исследований мы располагаем методом изучения суггестивной составляющей художественного текста, разработанным нами в кандидатской диссертации [3] и изложенным в монографии «Магия поэтики О. Мандельштама» (2009), который можно условно обозначить как выявление паттернов гипнотического языка и ВАК-анализ (Visual-audio-kinesthetic). Мы выяснили, что суггестивное воздействие является двухуровневым: во-первых, оно «отключает» сознание реципиента, во-вторых, активизирует подсознание. Для «отключения» или отвлечения сознания часто применяют 1) технику «логического сбоя», 2) подчёркивание незначительных деталей (чрезмерную конкретизацию, введение избыточной логической последовательности). Второй способ отвлекает сознание, первый — дезориентирует его. Поясним последнее подробнее. Когда ожидаемый порядок вещей оказывается внезапно нарушен (например, сопряжение в одном словосочетании конкретного и абстрактного понятия («крик торчком стоял из горла» у Маяковского) или предикатов различных модальностей («на губах (К) горит (V) воспоминанье звона (А)» у Мандельштама), сознание пытается восстановить логическую связь,

а подсознание в этот момент оказывается открыто к восприятию информации. Лирика О. Мандельштама, с одной стороны, вещественна и конкретна, с другой — полна полутонов и интуиций. С точки зрения суггестивного воздействия такая техника работает безотказно. По словам И. Бродского, «это стихи в высшей степени, видимо, на каком-то безотчетном... то есть... на подсознательно-бессознательном некотором уровне» [2: с. 24].

Открыть доступ к подсознанию — это первый, однако не самый важный шаг. Ещё более ответственным элементом гипнотического языка оказывается подбор слов, необходимых для установления контакта с подсознанием, когда подсознание готово к восприятию. На сегодняшний день наиболее эффективными способами суггестивного воздействия являются слова, обладающие высокой степенью абстракции, и слова с вещественным значением. Понятие с высокой степенью абстракции (*радость, любовь* и т. д.) «гипнотизирует», поскольку, не имея конкретного значения, отсылает к чувственному образу, хранящемуся в подсознательном опыте реципиента, следовательно, каждый понимает абстрактное слово по-своему. Рассмотрим небольшое стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил...», при прочтении которого читатель попадает под чары настоящей любви, задумывается о лучшем и светлом. Абстрактное понятие «любовь» («любил», «любовь», «любимой») называется в 8-ми строках 6 раз. Под него человек подставляет *собственное* интимное переживание любви, испытывая волнующие его чувства.

Абстрактные понятия работают эффективно. Но ими нельзя перегружать текст. Более частым способом установления контакта с подсознанием является использование сенсорных предикатов¹. Подсознание — это по большей части сенсорный опыт, «память тела» («память боков, колен и плеч», как писал М. Пруст), которая в силу избирательности нашего восприятия осталась «на складе» сознания. Тем не менее сенсорные рецепторы сработали, а органы чувств «выдали» каждый свою картинку реальности, и эти слепки реальности до поры до времени хранятся в глубинах психики. Сенсорные предикаты, слова с вещественным значением, подключаются к базам чувственной памяти и продуцируют красочные, обогащённые переживаниями образы и картины, которые осознаются как «своё», родное, поскольку являются репрезентацией чувственных образов, хранящихся «на складе» подсознания.

Преобладающее число сенсорных предикатов, встречающихся в художественной речи, соотносится с тремя ведущими репрезентативными системами: визуальной, аудиальной, кинестетической. Мыслят в основном образами, картинками — 75 %, мыслят вербально 15–20 %, и поступают в соответствии с возникающими у них чувствами — 0–15 % людей.

¹ Предикаты — процессуальные слова, чаще глаголы, наречия, иногда прилагательные, в выборе которых человек волен (я понял, мне ясно, я услышал и т. д.) в отличие от существительных, числительных и т. п., которые обозначают более или менее конкретный объект действительности.

Метод подсчёта и анализа визуальных, аудиальных и кинестетических предикатов в художественном тексте мы назвали ВАК-анализом. Наши исследования базируются на методике НЛП, разработанной Дж. Гриндером и Р. Бэндлером в книге «Структура магии» и применённой нами к анализу литературного текста.

Результаты ВАК-анализа являются эмпирически наглядными, чёткими и, как мы убедились, дают новые интересные выводы относительно структуры и содержания художественных произведений. Так, например, при анализе стихов о Сталине О. Мандельштама («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»), которые до сих пор вызывают ожесточённые споры: искренний или неискренний порыв привёл поэта к их созданию, можно ли читать данное произведение конгруэнтным творчеству и поэтическому дару Мандельштама, нам удалось установить, что «Ода» Сталину является, по существу, и одой, и сатирой, причём сатирой в большей степени. Фигура вождя здесь развенчивается, а если и поётся в этом произведении осанна, то не Сталину, а непрекращающемуся потоку жизни, вере в народ, в дух, в творчество, которые переживут любого «гения могил» и будут благословенны во веки веков. Эти данные были получены путём исследования и сопоставления количества и сочетаемости кинестетических и визуальных предикатов. Ранее мы выяснили, что произведения О. Мандельштама репрезентуют практически чистый кинестетический тип модальности (количество кинестетических предикатов в его лирике превышает 75 % от общего числа сенсорных предикатов). При изображении же фигуры и действий Сталина поэт выходит из свойственной ему кинестетической системы и рисует вождя, используя визуальные предикаты, к тому же в не свойственной им гротескной сочетаемости, что придаёт образу Сталина сгущённо-сатирическое звучание (например, «густая бровь кому-то светит близко»). И напротив, обращаясь к народу, к эпохе, к передаче собственных переживаний, Мандельштам возвращается в кинестетическую репрезентативную систему, и тогда стихотворные строки звучат проникновенно-патетически:

Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, как солнце светит [1: с. 308].

Мысль о двуединой структуре стихов о Сталине — одической и сатирической — не нова в литературоведении, однако мы пришли к независимому эмпирическому подтверждению этой гипотезы в результате анализа конкретного языкового материала.

Мы надеемся, что метод исследования сознательно-подсознательной структуры поэтической речи и ВАК-анализ художественного текста могут быть полезны для дальнейшей работы с поэтическими текстами.

Библиографический список***Источники***

1. *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: в 3-х тт. / О.Э. Мандельштам. – М.: Плеяда-Прогресс, 2009. – Т.1. – 808 с.

Литература

2. *Павлов М.С.* Бродский в Лондоне, июль 1991 / М.С. Павлов // «Сохрани мою речь...». Вып. 3. – М.: РГГУ, 2000. – 277 с.

3. *Хлыстова А.В.* Поэтическая модель подсознательной коммуникации в лирике Осипа Мандельштама: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01, защищена 09.11.2007 г. / А.В. Хлыстова. – М., 2007. – 265 с.

References***Istochniki***

1. *Mandel'shtam O.E'.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 3-x tt. / O.E'. Mandel'shtam. – M.: Pleyada-Progress, 2009. – T. 1. – 808 s.

Literatura

2. *Pavlov M.S.* Brodskij v Londone, iyul' 1991 / M. Pavlov // «Soxrani moyu rech'...». Vy'p. 3. – M: RGGU, 2000. – 277 s.

3. *Xly'stova A.V.* Poe'ticheskaya model' podsoznatel'noj kommunikaczii v lirike Osipa Mandel'shtama: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01, zashhishhena 09.11.2007 g. / A.V. Xly'stova. – M., 2007. – 265 s.

РУСИСТИКА. ГЕРМАНИСТИКА. РОМАНИСТИКА

Л.И. Осипова

О типах лингвистических словарей

В статье рассматривается становление и развитие отечественной лексикографии, даётся перечень современных лингвистических словарей, приводятся примеры из словарей различных типов.

In this article, the author examines the formation and development of the national lexicography. There are presented a list of modern linguistic dictionaries and examples from different types of dictionaries.

Ключевые слова: лексикография; типология словарей; словари языка; словари речи; иллюстративный материал.

Keywords: lexicography; typology of dictionaries; dictionaries of language; dictionaries of speech; illustrative material.

Слово «словарь» в значении «перечень слов, расположенных в алфавитном порядке, с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык» в русском языке появляется в конце XVIII в., постепенно вытесняя употреблявшееся до этого наименование «лексикон» (гр. *lexicon* — словарь).

Одним из первых печатных словарей был «Лексикон словено-русский и имён толкование» известного в XVII в. учёного и просветителя Памвы Беринды. Этот словарь, изданный в Киеве в 1627 г., включал около 7000 слов — непонятных старославянских и иностранных, снабжённых толкованиями.

В эпоху Петра I словарное дело совершенствуется. Царь понимал важность развития словарного дела и всячески содействовал работе над словарями. При его непосредственном участии был составлен «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», в котором были помещены новые заимствованные термины — всего 503 слова. Это был фактически первый в России словарь иностранных слов, правда, оставшийся в рукописи.

Для учеников Славяно-греко-латинской академии Ф.П. Поликарпов создал «Лексикон трезычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное». Словарь был создан в 1704 г.

и содержал около 27 000 слов (в первом словаре Ф.П. Поликарпова, изданном в 1701 г., было около 2000 слов). «Лексикон треязычный» стал важным этапом в развитии русской лексикографии. В этом труде нашёл наиболее полное отражение русский язык на рубеже XVII–XVIII столетий, важного периода русской истории, когда завершался процесс формирования русской нации и складывалась система национального языка.

В XVIII веке — в эпоху важных научных достижений и открытий в разных областях знания — расширяется и печатное дело, появляются новые типографии. Словарной работе уделил время и внимание М.В. Ломоносов, первый русский академик. Под его руководством была начата работа над многоязычным словарём. Словарь не был закончен, но материалы его были использованы впоследствии при создании «Словаря Академии Российской».

Работа над словарём велась с 1783 по 1794 г., в его создании принимали участие специалисты разных областей науки, известные писатели того времени (Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, Я.Б. Княжнин и др.). В «Словаре Академии Российской» было собрано более 43 000 слов, представленных в гнездах, объединённых одним корнем (этот принцип впоследствии использовал В.И. Даль).

Иллюстрированный материал подбирался из памятников древнерусской литературы, из произведений писателей XVIII в. Основная часть слов принадлежала «высокому слогу», в меньшем объёме были представлены научные термины, иностранные слова, живая разговорная речь. Составители словаря преследовали цель дать нормы русского литературного языка второй половины XVIII в., что было чрезвычайно важно для лексикографии и вообще для русского просвещения.

На основе упомянутого словаря был создан второй «Словарь Академии Российской» (1806–1822), в отличие от первого «по азбучному порядку расположенный» и содержащий уже 51 388 слов.

В 1847 г. вышел «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук».

Таким образом, Словари Академии Российской были первыми толковыми (в них давалось объяснение значения слов) и нормативными словарями русского языка, так как при отборе и толковании слов учитывались стилистические нормы литературного языка того времени (на основе учения Ломоносова о трёх стилях).

Начиная с XIX в. расширяется круг словарных работ, помимо толковых и переводных словарей появляются словари других типов, например, словари синонимов. Первый такой словарь под названием «Опыт Российского сословника» был составлен ещё Д.И. Фонвизиним и включал 32 группы синонимических слов. В словарях середины XIX в. было уже более 150 синонимических рядов.

В 1852 г. Отделение языка и словесности Академии наук (созданное вместо упразднённой в 1841 г. Российской Академии) опубликовало первый сводный

словарь русских народных говоров — «Опыт областного великорусского словаря» (около 40 000 слов), послуживший существенным дополнением к общелитературным словарям, что позволило представить общую картину лексического состава русского языка середины XIX в.

Важнейшим событием не только для лексикографии, но и для всей русской культуры стало издание в 1863–1866 гг. четырёхтомного «Толкового словаря великорусского языка» В.И. Даля, работе над которым автор посвятил более 50 лет. Всего в словаре около 200 000 слов, 80 000 народных слов и речений Даль записал сам, лично. При многих словах в качестве примеров даны поговорки, присказки, загадки, пословицы — более 30 тысяч.

В 1934–1941 гг. коллектив учёных (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков) создаёт «Толковый словарь русского языка» в 4-х томах. Словарь, включивший более 85 000 слов, вышел под общей редакцией Д.Н. Ушакова, и впоследствии для краткости его стали называть «Словарь Ушакова».

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (1-е издание вышло в 1949 г., после чего он неоднократно выходил в новой редакции) положили начало советской лексикографии. Традиция создания академических словарей, возникшая в конце XVIII в., поддерживается российскими лексикографами и сегодня.

В результате многолетнего труда коллектива лингвистов в 1948–1965 гг. вышел в свет академический «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах, так называемый «Большой» академический словарь» (сокращенно — БАС), а в 1957–1961 гг. был издан четырёхтомный «Словарь русского языка» — «Малый академический словарь» (МАС), дополненный и переизданный в 1981–1984 гг.

В БАС представлено всё лексическое богатство русского литературного языка от пушкинской поры до середины XX в. — более 130 тыс. слов. В наши дни завершается работа над вторым изданием Большого академического словаря, значительно дополненного.

В зависимости от содержания различаются словари лингвистические (филологические) и нелингвистические (энциклопедические). В лингвистических словарях даётся описание лексических единиц языка (слов и фразеологизмов). В нелингвистических словарях описываются те или иные предметы, понятия, явления, события, обозначаемые словами или словосочетаниями. К нелингвистическим относятся энциклопедические словари — общие и специальные; такие словари, как географический (топонимический), биографический, терминологические словари энциклопедического типа и т. п.

В работах, посвящённых описанию типологии словарей вообще и лингвистических в частности (см.: Л.В. Щерба, П.Н. Денисов, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, А.В. Цывин, А.В. Черняева и др.), лингвистические словари предлагается подразделить на словари языка и словари речи.

Сначала дадим общее представление о типах лингвистических словарей, а затем остановимся подробнее на некоторых из них и приведём примеры подачи языкового материала в словарях разных типов.

I. Словари языка.

1. Лингвистические словари, описывающие единицы лексического уровня:
 - а) лексико-семантические, где главный критерий — вид семантических отношений, представленных в словаре. Сюда относится в первую очередь толковый словарь, призванный дать полное описание семантики слова, сопровождая это описание необходимыми пометами. В словаре синонимов представлены отношения тождества, в словарях антонимов — отношения противоположности;
 - б) лексико-грамматические (морфологические) словари. Созданы словари отдельных знаменательных частей речи: имён существительных, имён прилагательных, наречий, глаголов.

Словари имён собственных представлены словарями антропонимов, топонимов (среди которых можно выделить словари ойконимов — названий населённых пунктов; гидронимов — названий водных объектов) и т. д. Современное словоизменение, т. е. склонение именных частей речи и спряжение глаголов, отражено в грамматическом словаре;

- в) с точки зрения происхождения лексики выделяются словари исконно русской и иноязычной лексики;
- г) с точки зрения сферы употребления лексики словари можно разделить на диалектные, областные, словари терминов, профессионализмов, словари жаргона, арго и т. д.;
- д) в плане синхронии/диахронии словари делятся на диахронические (устаревших слов, исторические, этимологические) и синхронные (словари неологизмов, «модных» слов и т. д.);
- е) с точки зрения формы лексических единиц следует упомянуть словарь омонимов (и отдельно — омографов, омофонов и омоформ). Промежуточное положение занимает словарь паронимов, так как в нём учитывается связь формы и содержания.

2. Морфемные и словообразовательные словари, в которых даётся описание единиц морфемного и словообразовательного уровней.

3. Фразеологические словари, в которых представлены фразеологические единицы, крылатые слова и выражения, цитаты, пословицы и поговорки. Существуют отдельно словари пословиц, поговорок, крылатых слов и т. д.

4. Синтаксические словари, описывающие единицы синтаксического уровня: словари словосочетаний, словари предложений. Лексикографирование синтаксических единиц и в первую очередь предложений стало возможно лишь с учётом достижений коммуникативного синтаксиса, который позволил фиксировать репертуар предложений по содержательному принципу как систему схем, с помощью которых можно передать ту или иную мысль.

5. Орфографические словари, среди которых можно выделить общие и частные (например, строчная/прописная, сложносокращённые слова и т. д.).

II. Словари речи.

В словарях речи показано реальное функционирование языковых единиц отдельного языкового уровня.

На уровне фонетики можно выделить словари ударений, словари рифм, орфоэпические словари, фиксирующие нормы произношения.

На уровне лексики созданы словари тропов (метафор, аллегорий, гипербол и литот, перифраз), словари языка писателей. К этой же группе относятся лексические словари с точки зрения функциональных стилей (т. е. словари межстилевой и функционально закреплённой лексики — разговорной, лексики официально-делового стиля и т. д.).

Не только лексические, но и фразеологические, морфемные, словообразовательные словари можно систематизировать по функциональной принадлежности, экспрессивно-оценочной окраске.

По форме подачи материала лингвистические словари можно разделить на следующие группы:

1) по объёму: полные, средние, краткие;

2) по порядку следования словарных статей: словари алфавитные с прямым (собственно алфавитные и алфавитно-гнездовые) и обратным порядком слов и неалфавитные со статистическим или идеографическим (ассоциативные, тематические, идеологические) порядком слов;

3) словари с научно-справочным аппаратом и без него [см. подробнее: 4: с. 273–276].

Рассмотрим подробнее разные типы лингвистических словарей, привлекая и другие критерии их классификации.

Лингвистические словари *по материалу лексикографирования* делятся на многоязычные и одноязычные.

Многоязычные (чаще двуязычные) — это словари переводные, в которых средствами родного языка объясняются слова чужого (и наоборот). Одноязычные — словари, в которых слова объясняются средствами того же языка (например, толковый словарь).

В зависимости от объёма (охвата) описываемого материала одноязычные словари делятся на общие, включающие все слова национального языка или лексику какого-нибудь одного стиля (такие словари называются тезаурусами (греч. *thesaurus* — сокровище, сокровищница), и частные, в которых описывается не вся лексика того или иного языка, а лишь определённая часть слов, отобранных по тем или иным признакам.

К общим словарям относятся словари толковые, переводные, исторические, диалектные (полные), обратные и т. п. Характеристика толковых словарей была приведена выше.

К разновидностям толковых словарей относятся так называемые **идеографические** словари (греч. *idea* — понятие, и *grapho* — пишу). Такие словари

называются также идеологическими или тематическими. Описание слов в таких словарях производится по принципу «не от слов к значению, а от значений, идей — к словам» [5: с. 307]. Иначе говоря, слова располагаются не в алфавитном порядке, а по принципу общности значений, группируются по определённым понятийным, тематическим группам. «Первым идеографическим словарём современного типа был “Тезаурус английских слов и выражений” П.М. Роже (1852). Слова в нём делятся на четыре класса, которые распадаются на виды и группы (всего 1000 групп). Позже по этому образцу создавались идеографические словари других языков: французского (Т. Робертсона, 1859), немецкого (Д. Зандерса, 1877 и А. Шлессинга, 1881), испанского, шведского, венгерского и др. Идеографические словари могут быть одноязычными и разнотязычными (дву- и многоязычными)» [3: с. 346]. Идеографическим словарём является и «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений», издающийся с 1998 г.

Обратный (инверсионный) словарь представляет собой список слов того или иного языка, расположенных в алфавитном порядке конечных букв. На первом месте помещаются слова, оканчивающиеся первой буквой алфавита, а завершают список слов слова, оканчивающиеся последней буквой алфавита. Такие словари полезны при изучении суффиксального словообразования, морфологических особенностей слов разных частей речи и др. Обратные словари появились в конце XIX – начале XX в. на материале древних языков. В середине XX в. появились обратные словари русского языка: «Обратный словарь современного русского языка» под ред. Х.Х. Бильфельдта (издан в 1958 г. в Германии) и «Обратный словарь русского языка» (1974), созданный на базе четырёх толковых словарей современного русского языка (словарей С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, Большого и Малого академического словарей).

Частным называется лингвистический словарь, в котором описывается не вся лексика какого-либо языка, а лишь определённая часть слов, отобранных по тем или иным признакам, например, словари иностранных слов, в которых приводятся лишь заимствованные из других языков слова, словари синонимов, антонимов, неологизмов, архаизмов.

Частные словари называют также специальными [1: с. 452; 2: с. 134]. Специальные (или аспектные) лингвистические словари рассматривают лексику под определённым углом зрения и раскрывают «отдельные аспекты слов и отношений между ними» [1: с. 462].

Приведём перечень типов лингвистических словарей, начав список со словарей общих:

- толковые словари содержат толкование (объяснение) значения слов, их характеристику по грамматическим свойствам, особенности написания и произношения (толковые словари русского языка рассмотрены выше);
- переводные словари, чаще двуязычные, в которых даётся перевод значений слов одного языка на другой язык;

- диалектные словари, охватывающие всю лексику одного говора или группы говоров;
- исторические словари, в которых представлена лексика определённого периода истории того или иного языка; в некоторых словарях составители ставят цель — проследить эволюцию каждого слова и его значений. Например, И.И. Срезневский «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.», словари отдельных памятников;
- этимологические словари содержат сведения о происхождении слов, их первоначальном значении, мотивировке и прежних родственных связях (А.А. Преображенский «Этимологический словарь русского языка», М. Фасмер «Этимологический словарь русского языка»);
- фразеологические словари, в которых представлен свод фразеологизмов (идиом) того или иного языка с объяснением их значения, происхождения, стилистических свойств («Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова);
- словообразовательные словари, раскрывающие словообразовательную мотивированность, место производного слова в словообразовательном гнезде (А.Н. Тихонов «Словообразовательный словарь русского языка»);
- морфемные словари, содержащие перечень морфем, их значения, особенности сочетаемости (А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова «Словарь морфем русского языка»);
- орфографические словари, указывающие на правописание слов, являющееся нормативным («Русский орфографический словарь», изданный Институтом русского языка им. В.В. Виноградова);
- орфоэпические словари, содержащие сведения о литературном произношении и ударении слов («Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Р.И. Аванесова);
- грамматические словари, в которых содержится исчерпывающая грамматическая характеристика слов (А.А. Зализняк «Грамматический словарь русского языка»);
- терминологические словари, содержащие толкование терминов и профессиональных слов;
- ономастические словари, объясняющие происхождение имён собственных;
- словари новых слов и выражений («Словарь новых слов русского языка: середина 50-х – середина 80-х годов» под ред. Н.З. Котеловой);
- словари сокращений (аббревиатур) (Л.И. Алексеев «Словарь сокращений русского языка»);
- словари языка писателей («Словарь языка А.С. Пушкина»);
- словари синонимов, антонимов, паронимов, омонимов;
- словари сочетаемости слов («Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина, включающий

2500 словарных статей, предназначен для изучающих русский язык как иностранный);

- частотные словари (статистические) показывают степень употребляемости (частотности) слова в речи на основе статистической обработки словоупотреблений во всех функциональных стилях. Слова располагаются в порядке убывания частоты словоупотребления. (Э.А. Штейнфельдт «Частотный словарь современного русского литературного языка» и «Частотный словарь русского языка» под ред. Л.Н. Засориной). Частотные словари используются для решения ряда теоретических и практических задач, они полезны при изучении языка как иностранного;

- синтаксические словари, фиксирующие единицы синтаксического уровня (Г.А. Золотова «Синтаксический словарь», «Русские глагольные предложения» под ред. Л. Г. Бабенко).

Кроме того, существуют различные словари и справочники **правильности устной и письменной речи**.

Приведём примеры словарных статей лингвистических словарей различных типов.

Пример из толкового «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (М., 1985):

Глубина́, -ы, мн. -ины, -ин, ж. 1. Расстояние от поверхности до дна или до какой-н. точки по направлению вниз. *На глубине 200 метров. Морские глубины.* 2. чего. Пространство внутрь от границы, от края чего-н. *В глубине леса.* 3. перен., чего. Сила, степень проявления чего-н.; основательность. *г. идеи. г. чувства. г. знаний.* ◊ *В глубине веков — в отдаленной древности. В глубине души или из глубины души — о чем-н., происходящем в сознании, о переживаниях человека. В глубине души он был согласен. До глубины души — очень, чрезвычайно. Поражен до глубины души // прил. **глубинный**, -ая, -ое. *Глубинная бомба* (против подводных лодок). Г. *пункт* (находящийся далеко, вдали от центра чего-л.).*

Глуби́нка, -и, ж. (разг.). Глубинный, далёкий от центра пункт. *Поехать в глубинку.*

Примеры из «Орфоэпического словаря русского языка» (М., 1985):

Обезбóливать, -аю, ает.

Рисковóй, -ая, -ое. □ Предусматривающий риск. *Рисковóй договор.*

Рисковóый, -ая, -ое. □ Содержащий риск; готовый, способный на риск (с оттенком просторечия). *Рисковóое дело; рисковóвый парень.*

Сегóдня, [вь; д^н], наречие.

Спортсмéн, -а, [рц^с].

Фенóмен¹, -а! не рекомендуется **феномéн**. □ Научный термин. *Фенóмен памяти.*

Фенóмен², -а и доп. **феномéн**, -а. □ О редком, необычном, исключительном (чаще о человеке). *Он настоящий феномен и доп. феномéн.*

Пример из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова (М., 1967):

До мозга костей. 1. Всем существом, целиком, полностью, во всём (быть кем-либо или каким-либо). *Вы педагог до мозга костей, вы, должно быть, родились учителем* (Чехов. Учитель). Синонимы: до конца ногтей, до кончиков пальцев, до корней волос (во 2-м знач.). 2. Основательно, по-настоящему. *Решившись... поехать в деревню к женщине, которую он едва знал... он всё-таки робел до мозга костей* (Тургенев. Отцы и дети).

Пример из «Словаря синонимов русского языка» З.Е. Александровой (М., 1975):

Смелость, храбрость, мужество, отвага, дерзость, бесстрашие, неустрашимость, доблесть, героизм, геройство; дерзание, дерзновенность (*высок.*); дерзновение (*уст. высок.*) в принятии решения: решимость.

Пример из «Словаря антонимов русского языка» М.Р. Львова (М., 1984):

Добро – зло

Делать **добро** – причинять **зло**. *К добру и злу постыдно равнодушны, В начале поприща мы вянем без борьбы* (Лермонтов. Дума). **Добро** торжествует у него над злом, слабый всегда побеждает сильного (Чехов. Скучная история).

Пример из «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова (М., 1985).

дочь

доч-к(а)

дочеч-к-а

дочк-ин

доч-еньк-а

доч-ушк-а

доч-урк-а

дочуроч-к-а

дóчер-ин

дочер-нин

дочер-н-ий

пá-дчер-иц-а

пáдчериц-ын

у-дочер-й-ть

удочер-я-ть

удочеря́ть-ся

удочер-éниј-е (удочерение)

дóчерь, дщерь, *устар.*

Библиографический список

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – 6-е изд., стер. / Ю.С. Маслов. – М.: Академия, 2007. – 289 с.

3. Немченко В.Н. Введение в языкознание / В.Н. Немченко. – М.: Дрофа, 2008. – 767 с.
4. Черняева А.В. Типология лингвистических словарей и её значение для редактора / А.В. Черняева // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: Грамматика и текст. – М.: МГОУ, 2005. – С. 269–278.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

References

Literatura

1. Lingvisticheskiy e'nciklopedicheskiy slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva. – М.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. – 685 s.
2. Maslov Yu.S. Vvedenie v yazy'koznanie. – 6-e izd. / Yu.S. Maslov. – М.: Akademiya, 2007. – 289 s.
3. Nemchenko V.N. Vvedenie v yazy'koznanie / V.N. Nemchenko. – М.: Drofa, 2008. – 767 s.
4. Chernyaeva A.V. Tipologiya lingvisticheskix slovarej i eyo znachenie dlya redaktora / A.V. Chernyaeva // Racional'noe i e'mocional'noe v yazy'ke: Grammatika i tekst. – М.: MGOU, 2005. – S. 269–278.
5. Shherba L.V. Yazy'kovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / L.V. Shherba. – L.: Nauka, 1974. – 428 s.

И.А. Шипова

**Косвенная речь как способ
кодирования авторской интенции
в художественном тексте
(на материале романа Даниэля
Кельманна «Измеряя мир»)**

Статья посвящена особенностям использования косвенной речи в романе Даниэля Кельманна «Измеряя мир». Являясь способом кодирования авторской интенции, в данном произведении косвенная речь в значительной мере дублирует повествовательную перспективу в тексте и создаёт иллюзию отстранённости автора от изображаемых событий и персонажей.

The article deals with the peculiar properties of the indirect speech in the novel «Measuring the World» by Daniel Kehlmann. The indirect speech is regarded as a mode of encoding the author's intention in this novel, because it largely duplicates the narrative perspective in the text and creates the illusion of detachment from the shown events and characters.

Ключевые слова: виды передачи чужой речи; субъект речи; субъект сознания; стратегия повествования.

Keywords: ways of speech encoding; speech subject; subject of consciousness; narrative strategy.

С полной уверенностью можно сказать, что каждый лингвист, читающий роман Даниэля Кельманна «Измеряя мир» [1], заметит особенность этого текста: преобладание косвенной речи над прямой и чрезвычайно частотность использования презентного конъюнктива для её выражения. Зададимся вопросом, чем вызвано данное лингвистическое явление.

Язык художественного произведения образует систему кодов, важнейшим из них является тот национальный язык, на котором написано произведение [2: с. 9]. Кодовые характеристики присущи и способам передачи чужой речи, поскольку они распознаются не только благодаря определённым семантическим признакам, но и имеют свои формальные маркеры. Поэтому обратимся к рассмотрению известных положений типологии способов передачи чужой речи в нарративном художественном тексте, каким является роман Кельманна.

Чужая речь в авторском повествовании может быть представлена в виде прямой, косвенной, несобственно-прямой, пересказанной речи и в виде внутреннего монолога. Все эти виды есть в романе, но прямая речь практически не выступает самостоятельно, а, как правило, примыкает к косвенной или воз-

никает в виде реплик-эллипсисов как реакция на предыдущее косвенное высказывание, что можно наблюдать в примере (1):

(1) *Er wisse es jetzt, sagte Gauß. / Na was denn? / Dass alle parallelen Linien einander berührten. / **Fein**, sagte Pilatre [1: S. 67].*

Несобственно-прямая речь часто идентифицируется в тексте романа только с помощью имплицитных маркеров, так как автор избегает её ввода с помощью каких-либо традиционных показателей. К тому же обе эти формы передачи персонажной речи носят пограничный характер, часто вплетаясь в повествовательный контекст как его составная часть:

(2) *Eine Magd mit hübscher Figur trug einen Nachttopf vorbei, Gauß sah ihr nach. Sie kamen eine Treppe hinunter, dann wieder hinauf, dann wieder hinunter. Die Anlage sollte **wohl** Besucher verwirren, und **vermutlich** funktionierte das bei Leuten ohne geometrische Vorstellungskraft ganz gut [1: S. 183].*

В примере (2) в повествование включена несобственно-прямая речь одного из протагонистов романа, математика К.Ф. Гаусса, определить которую позволяют только маркеры эпистемической модальности — частица **wohl** и модальное слово **vermutlich** — демонстрирующие восприятие персонажем описываемой обстановки.

Внутренний монолог в романе отличается от несобственно-прямой речи лишь синтаксическими структурами, имеющими более экспрессивную окраску, чем авторский текст, поскольку Кельманн в принципе почти не употребляет первого лица единственного числа (за исключением нескольких фрагментов):

(3) *Als Humboldt kurz darauf seine Instrumente einpackte, wusste er, dass die Sonne am Tag des Soltitismus von der Chaussee aus gesehen genau über der Spitze der größten Pyramide auf- und durch die Spitze der zweitgrößten unterging. **Diese ganze Stadt war ein Kalender. Wer hatte das erdacht? Wie gut hatten die Menschen die Sterne gekannt, was hatten sie mitteilen wollen?** [1: S. 207].*

Во фрагменте (3) внутренний монолог воспринимается как таковой только за счёт риторических вопросов, выпадающих из повествовательного потока, и отсутствия адресата, к которому они обращены.

Пересказанная речь в романе представляет собой опосредованно переданные высказывания, в основном в виде инфинитивных оборотов [5: с. 37]:

(4) *Bonpland forderte ihn auf, **sich die Predigten zu enthalten** [1: S. 206].*

Косвенная речь обычно присутствует только в определённых типах текста [9: S. 1757]. В рамках политического заявления её прагматическая интенция может состоять в желании/необходимости отстранения от чьего-то высказывания. В текстах СМИ косвенная речь позволяет определённым образом отступить от содержания оригинальной речи, сместить акценты в сторону, отвечающую интересам автора публикации. С помощью глаголов, вводящих косвенную речь, или изменения порядка слов в предложении адресант может в разного рода протоколах имплицитно или эксплицитно давать оценку ска-

занному, обращая внимание адресата на те детали, которые в оригинальном высказывании не воспринимались с должной очевидностью. В то же время в содержательном плане пропозиция исходного высказывания должна сохраняться неизменной.

Косвенная речь — важный компонент любого текста с точки зрения его стратегии, предполагающий использование чужой речи в виде её интерпретации (*de re*), в противовес репортажу (*de dicto*) [3: с. 34], свойственному прямой речи, с определёнными прагматическими целеустановками каждой из них. В отличие от текстов СМИ, юридических, официальных документов и др., косвенная речь является важным элементом художественного текста, играет в нём особую роль и может быть способом формирования характеристики персонажа как через отражение его высказывания, так и через передачу им слов другого лица. Комментируя косвенную речь, автор опосредованно передаёт своё отношение к персонажу или дистанцируется от него. В результате косвенную речь можно рассматривать как средство отражения внутритекстовых отношений на уровне параллелей: персонаж – персонаж, персонаж – автор, а также на уровне автор – читатель, поскольку с её помощью продуцент текста направляет внимание реципиента на ту позицию и тем способом, которые важны для формирования интереса последнего к повествованию.

Противопоставление или сравнение прямой и косвенной речи демонстрирует, в чём состоят преимущества одной формы перед другой. Данное знание позволяет умело варьировать их в тексте, достигая нужного автору эффекта в соответствии с его художественным замыслом. Так, прямая речь представляет собой своего рода «окно» в ситуацию непосредственного общения [9: S. 1755] с сохранением содержания и формы сказанного. Благодаря этому читатель погружается в фикционально созданный мир, становится сопереживающим свидетелем непосредственного процесса коммуникации, воспринимая её содержание *de dicto*. Прямая речь передаёт все особенности живой речи как на лексическом (через предпочтения в словарном составе), так и на грамматическом уровне (в виде синтаксической формы предложения, использования разного рода частиц, модальных слов, междометий и т. п.). Художественный текст позволяет также косвенно через графические средства и комментарии передать просодические характеристики коммуникации.

В противоположность прямой речи косвенная речь передаёт только пропозицию исходного высказывания. При этом в ней, как правило, отсутствуют перечисленные выше элементы, свойственные разговорной речи: частицы, эмфатический словопорядок, а также вокативы, формализованные приветствия, признаки выраженной экспрессии [9: S. 1759]. Воспринимая изложенные факты *de re*, реципиент отстраняется от ситуации непосредственного общения, оставаясь в рамках предлагаемой автором референциальной основы текста в виде личностного, локального и темпорального дейксиса. Выбирая данную стратегию повествования, автор текста опускает одни смыслы,

акцентирует другие, оценивает говорящего или его высказывание, сокращая или расширяя сказанное за счёт вводящих косвенную речь глаголов или дистанцируясь от него. В художественном тексте зачастую встречаются сложно идентифицируемые комбинации всех видов передачи речи. Как правило, это является составляющей авторского художественного замысла.

Переплетение косвенной и прямой речи в романе органично встраивается в общую концепцию презентации диалога:

(5) *Humboldt blieb abrupt stehen. / Was denn, rief Bonpland wütend. / Humboldt fragte, ob er das auch sehe. / Na sicher doch, sagte Bonpland, ohne zu wissen, wovon die Rede war* [1: S. 175].

(5) — один из многочисленных примеров контактного расположения прямой и косвенной речи, при котором часто нет однозначных признаков, указывающих на то, о какой форме идёт речь. Реплики Бонплана, путешествовавшего вместе с Гумбольдтом, могут восприниматься в равной степени и как прямая, и как косвенная речь. Таким образом создаётся иллюзия, что читатель наблюдает естественную коммуникацию, но переданную автором, не претендующим на аутентичность сказанного.

Данное положение вещей не в последнюю очередь связано с выбором исторического материала в качестве сюжетной канвы произведения. Роман «Измеряя мир» — текст, повествующий о двух выдающихся представителях немецкой науки — учёного-энциклопедиста и исследователя Александра фон Гумбольдта и математика и астронома Карла Фридриха Гаусса. Роман, без всяких сомнений, имеет документальную основу и рассказывает о событиях, реально происходивших в жизни каждого из героев, включая их знакомство и общение. Но Даниэль Кельманн не ставит перед собой задачу пересказа фактов прошлого, он предлагает своё видение событий и их участников. Документы, письма, статьи, отчёты и свидетельства очевидцев представлены в тексте через призму авторского восприятия, с необходимостью переходящего от исторической реальности к вымыслу и наоборот. Наиболее уязвимой стороной художественного повествования при этом становится аутентичность высказываний исторических личностей, и всегда есть возможность сопоставить существующие документы с текстом и упрекнуть писателя в искажении исторической правды.

Роман «Измеряя мир» написан в XXI веке, а изображает события XIX века. Автор вынужден сделать свой выбор относительно стратегии повествования и либо стилизовать свой текст в соответствии с предшествующей эпохой (как это сделал П. Зюскинд в известном романе «Парфюмер», перенимая тематические и стилистические черты немецкой романтики), либо найти особый метод для раскрытия своего идейно-художественного замысла.

Текст данного произведения органично вписывается в стилистику постмодернизма [3: с. 55], признаки которого мы находим и в «расщеплённости» сознания через отстранённость субъектов речи и сознания, в дистанцирова-

нии от прямой речи персонажей, в семантической ограниченности матричных предикатов главного предложения, в объектных придаточных, вводящих косвенную речь [5: S. 747]. Типичным для современных художественных текстов является также отсутствие кавычек, традиционно маркировавших прямую речь [6: с. 55].

Информация об описываемых в тексте фактах заимствована из исторических документов. Ни цитация, которая не вписывается в современный художественный текст, ни пересказ «своими словами» имеющихся публикаций не удовлетворили автора, нашедшего свой способ написания художественного произведения на историческом материале. С помощью косвенной речи Даниэль Кельманн дистанцируется от своих именитых героев, но ровно настолько, насколько это необходимо для того, чтобы увидеть целостную картину прошлого и не впасть в эйфорию преклонения перед величием авторитетов.

С точки зрения структурного наполнения объектные придаточные предложения, передающие косвенную речь, представляют собой суперпредикативные высказывания [4: с. 8], содержащие наиболее важную информацию в придаточном предложении. При этом количество субъектов в целом предложении, как правило, не менее двух, хотя возможна и самоцитация, когда субъект матричного и придаточного предложения совпадают:

(6) *Gauß holte ein sehr schmutziges Taschentuch hervor und schnäuzte sich.*

(6a) *Er sei überzeugt, dass er etwas missverstehe, aber ihm erscheine das, wie eine mutwillige Verkehrung von Ursache und Wirkung* [1: S. 61].

Пример (6) описывает ситуацию, предшествующую высказыванию. (6a) иллюстрирует появление косвенной речи без её декларирования благодаря маркировке слов персонажа *Er sei überzeugt* и презентному конъюнктиву. При этом субъект речи и субъект сознания — говорящий (Гаусс).

Соотношение между главным и придаточным предложениями при передаче косвенной речи предполагает значительный разброс вариантов. Определяющим при этом является способ её введения через соответствующие глаголы: нейтральный, модально-неопределённый, экспрессивно-оценочный и т. п. В результате возникает структурная комбинация как минимум двух пропозиций: субъект речи в главном предложении отражает отношение к информации придаточного, а субъект сознания является источником этой информации. Субъект речи — это лицо, которому приписывается текст, а субъект сознания — лицо, чьё сознание в тексте отражено [4: с. 141]. По справедливому утверждению Е.С. Гундаревой и О.А. Костровой, при «косвенной цитации в придаточном предложении констатируется факт, вводимый через призму его восприятия» автором (субъектом речи), «одновременно этот факт модализируется, т. е. оценивается главным образом за счёт семантики главного предложения» [3: с. 43]. Модализация происходит посредством использования субъектом речи соответствующих грамматических элементов, обеспечивающих перевод прямой речи в косвенную, к которым относится изменение

порядка слов, обозначений лица и локально-темпоральных наречий, изменение временной формы и наклонения глагола в придаточном предложении [6: S. 750]. При передаче косвенного высказывания субъектом речи, представляющим авторскую повествовательную перспективу, в текст, как правило, включается иной субъект сознания.

Избирая косвенную речь в качестве повествовательной стратегии, Д. Кельманн создаёт не принципиально новую, но весьма своеобразную технику написания художественного текста, в котором авторское *я* уходит на второй план. У читателя создаётся иллюзия подлинности сказанного, но переданного третьим лицом с нарочитым отказом от ответственности за его аутентичность.

Синтаксически высказывания, вводящие в текст косвенную речь, часто кратки за счёт свертывания матричного предложения в составе придаточных дополнительных до модели: *x sagte / x fragte* и т. п.

(7) *Unsinn, sagte Humboldt. / Doch, sagte Julio. Das klinge vernünftig* [1: S. 134].

Как видно из (7), роль субъекта речи в таких высказываниях сводится к минимуму — называнию процесса говорения.

Придаточные дополнительные в романе часто заменяются самостоятельными предложениями, контекстуально позволяющими понять, что далее следует косвенная речь, маркированная, как правило, презентным конъюнктивом. Роль субъекта речи в тексте при этом элиминируется:

(8) *Der Missionar schüttelte mit vollem Mund den Kopf.*

Das interessiere keinen! [1: S. 134].

Из глаголов речи в тексте преобладает нейтральный глагол *sagen* (говорить, сказать). Автор использует его и в тех случаях, когда косвенная речь содержит экспрессивную оценку ситуации: в (9) Кельманн предпочитает глагол *sagen* даже при введении эмоционально окрашенного вопроса:

(9) *Ach warum, sagte Humboldt. Wem solle das schaden?* [1: S. 214].

Лишь в редких случаях возникают другие глаголы при введении косвенной речи — *fragen* (спрашивать), *erklären* (объяснять), *wiederholen* (повторять) и др., но и их трудно определить как модально окрашивающие:

(10) *Gauß fragte, wie er das verstehen solle* [1: S. 187].

(11) *Bifokalgläser, erklärte er, sehr brauchbar, eine der vielen Erfindungen seines Freundes Franklin* [1: S. 213].

(12) *Der gnädige Herr, wiederholte der Diener, empfangen nicht* [1: S. 94].

Некоторым образом модальную оценку в высказывании отражает глагол *rufen* (кричать), передающий возмущение или протест говорящего:

(13) *Er werde nicht ausweichen, rief er, während der Polizist ihn zu den Stiegen führte, dem Zwang nicht und keiner Bitte* [1: S. 233].

Глагол *flüstern* (прошептать) в (14) контекстуально передаёт внутреннее состояние говорящего:

(14) *Nein, flüsterte Gauß, er zähle Primzahlen, das mache er immer, wenn er nervös sei* [1: S. 65].

К. Пинтер рассматривает матричные предложения со структурой типа (9–14) как парантезы, комментирующие передачу чужой речи (*redekomentierende Einschübe*), подчёркивая тот факт, что они интегрированы в высказывание, несущее основную информацию в тексте. Хотя такие парантезы имеют свою иллокуцию, она менее важна, чем та, которая заключена в предложении в целом [7: S. 90, 91]. Таким образом, Д. Кельманн минимизирует авторский текст при передаче косвенной речи, воздерживаясь от каких-либо существенных её комментариев. В результате повествовательная перспектива в романе во многом переложена на персонажную косвенную речь, отчего возникает иллюзия отстранённости автора от описываемых событий, от их оценки, а также от выражения какого-либо отношения к героям произведения.

Писатель формирует характеристики персонажей через их высказывания. Превалирование косвенной речи превращает авторский текст в речь посредника, передающего читателю историю, рассказанную её участниками. Такая весьма своеобразная форма повествования воздействует на восприятие адресата как косвенное доказательство правдоподобности написанного, минимальной степени авторского участия в содержательном и в оценочном плане. На самом деле это иллюзия, поскольку личностное присутствует в любом авторском тексте, тем более в художественном. Но это не столь важно, если текст интересен, талантливо написан и даёт читателю то самое чувство сопереживания героям, которое заставляет его взять в руки книгу.

В одном из своих интервью Д. Кельманн высказывался о преимущественном использовании косвенной речи в романе «Измеряя мир» как о возможности уйти от соблазна впасть в стиль тривиальной исторической литературы [8: S. 30]. Таким способом писатель создал дистанцию между прошлым и настоящим, позволяя себе более свободно обращаться с исторически обусловленным контекстом произведения. В результате читатель наблюдает изысканную игру фактов и фикциональности, где субъект речи то и дело уступает место субъектам сознания, нарочито отстраняясь от них через грамматические маркеры косвенности. В результате косвенная речь выступает одним (и самым частотным) из способов кодирования авторской интенции — создания увлекательного приключенческого романа на историческом материале с необходимой дистанцией по отношению к событиям и выдающимся личностям прошлого Германии.

Библиографический список

Источники

1. *Kehlmann D. Die Vermessung der Welt / D. Kehlmann. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuchverlag, 2009. – 303 S.*

Литература

2. *Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 201 с.*

3. *Гундарева У.С.* Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточным объектным) / У.С. Гундарева, О.А. Кострова. – Тольятти: ТТУ, 2005. – 130 с.
4. *Корман Б.О.* Творческий метод и субъектная организация произведения / Б.О. Корман // Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск: изд-во Удмурт. ун-та, 1992. – 236 с.
5. *Попова Л.Г.* Прагматика воспроизведения внутренней и внешней речи в немецких и русских художественных текстах: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20; защищена 21.06.2002 г. / Л.Г. Попова. – Мичуринск, 2002. – 482 с.
6. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. von Drosdowski u.a.... – 5., neu bearb. Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1995. – 864 S.
7. *Pinter K.* Zur Syntax von Parenthesen / K. Pinter // Linguistische Berichte. – 1995. – 156. – S. 85–108.
8. *Schultheiß Ja.* Fakt und Fiktion. Über Daniel Kehlmanns «Die Vermessung der Welt». Studienarbeit / Ja. Schultheiß. – Eberhard-Karls-Universität: Tübingen, 2008. – 46 S.
9. *Zifonun G.* Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun, L. Hoffmann, D. Strecker. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1997. – 2549 S.

References

Istochniki

1. *Kehlmann D.* Die Vermessung der Welt / D. Kehlmann. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuchverlag, 2009. – 303 S.

Literatura

2. *Arnol'd I.V.* Stilistika sovremennogo anglijskogo yazy'ka / I.V. Arnol'd – М.: Prosveshhenie, 1990. – 201 s.
3. *Gundareva U.S.* Semiotika kosvennosti v nemeckom yazy'ke / U.S. Gundareva, O.A. Kostrova. – Tol'yatti: TTU, 2005. – 130 s.
4. *Korman B.O.* Tvorcheskij metod i sub"ektnaya organizaciya proizvedeniya / B.O. Korman // Izbranny'e trudy' po teorii i istorii literatury'. – Izhevsk: izd. Udmurt. un-ta, 1992. – 236 s.
5. *Popova L.G.* Pragmatika vosproizvedeniya vnutrennej i vneshnej rechi v nemeckix i russkix xudoshestvenny'x tekstax: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.20; zashhishhena 21.06.2002 g. / L.G. Popova. – Michurinsk, 2002. – 482 s.
6. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. von Drosdowski u.a.... – 5., neu bearb. Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1995. – 864 S.
7. *Pinter K.* Zur Syntax von Parenthesen / K. Pinter // Linguistische Berichte. – 1995. – 156. – S. 85–108.
8. *Schultheiß Ja.* Fakt und Fiktion. Über Daniel Kehlmanns «Die Vermessung der Welt». Studienarbeit / Ja. Schultheiß. – Eberhard-Karls-Universität: Tübingen, 2008. – 46 S.
9. *Zifonun G.* Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun, L. Hoffmann, D. Strecker. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1997. – 2549 S.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

Л.Г. Викулова,
Е.Ф. Серебренникова

**Структуры моделирования
ценностных ориентиров
дискурса социальной реальности
в массмедийном коммуникативном
пространстве**

В проблематике исследования массмедийного коммуникативного пространства ставится вопрос об аксиологической значимости социального дискурса. Устанавливается типология структур, формирующих содержание и оценки предметной сферы иммиграции как центра социальной напряжённости. Выявляется их концептуальный и оценочный потенциал в координатах национальной аксиосферы.

Research problems of mass media communicative space include the question of the modeling axiological importance of social discourse. The typology of structures forming the content and assessment of the object sphere of immigration as the center of social tension is established. Their conceptual and estimating potentials in the coordinates of national axiosphere is revealed.

Ключевые слова: коммуникативное пространство; массмедийный дискурс; социальная напряжённость; предметная сфера иммиграции.

Keywords: communicative space; mass media discourse; social tension; object sphere of immigration.

В условиях современного «информационного общества», характеризующегося постоянной вовлечённостью человека в аудиовизуальные потоки сетевого и синергейного типа коммуникации, особую значимость имеет массмедийное коммуникативное пространство, формируемое различного типа дискурсами «медиаторов». Символическая природа медийной коммуникации, в которой в полной мере проявляется власть знака, позволяет наделять её статусом особой — **медийной** — реальности. Многоаспектное исследование медийной реальности образует одно из междисциплинарных полей развития современного знания о языке, человеке и обществе.

В русле семиотики коммуникации и когнитивно-дискурсивной парадигмы разрабатывается комплекс проблем, касающихся её сущностных признаков, механизмов функционирования, дискурсивных макроструктур формулирования и когнитивной «обработки» информации, а также её моделирующего и акционального потенциала в коммуникативных процессах. Институциональный характер, открытость, публичная адресация, доступность, информационно-новостная целевая доминанта обуславливают **социальный характер** медийной реальности и её аксиологическую параметризацию в координатах национальной аксиосферы [15: с. 83–86].

В многообразии дискурсов, наполняющих смыслами медийное коммуникативное пространство, по своей референциально-тематической отнесённости выделяется собственно **социальный дискурс**, в котором формулируются, продвигаются и приобретают оправданность и обоснованность смыслы общего интереса [17]. Анализ дискурса, обращённого к социальной реальности, постоянно претерпевающей коллизии и конфликты интересов, позиций и предпочтений составляющих её групп, приобретает **критический характер** [18].

В статье предпринимается попытка выявить, систематизировать и проанализировать структуры социального дискурса, образующего предметно-тематическую область *иммиграция* в российском массмедийном коммуникативном пространстве. За исходное принимается положение, что структуры дискурса, опредмеченного в медиатекстах, отражают уже осуществлённые медиатором процессы означивания (профилирование объектов, их концептуализация и категоризация). Как следствие, они транслируют определённое оценочное видение объектов медиатизации — ситуаций, лиц, фактов и событий. Социальный характер медийного пространства и социальный контекст порождения усиливают моделирующую аксиологическую направленность рассматриваемого вида дискурса.

Одними из наиболее аксиологически насыщенных являются предметные сферы медийного коммуникативного пространства, которые отражают **центры социальной напряжённости** [14]. В данной сфере находит выражение и некоторое прояснение переживаемая в обществе ситуация неопределённости, чреватая опасностью, рисками и угрозами. Тематически обращённая к центру социальной напряжённости, данная сфера — фрагмент более широкого коммуникативного пространства, в полной мере может характеризоваться как медийный диалоговый «оператор» смыслов общего интереса и путей преодоления конфликта в векторе нахождения *consensus omnium* на основе определённых позиций. Анализ социального дискурса центра социальной напряжённости позволяет выявить срез формирующегося знания о фрагменте социальной реальности и диагностировать ориентирующую систему оценок, отражающих ценностные доминанты. Одновременно такой анализ способствует установлению в общем ряде тех структур, которые могут рассматриваться в качестве аттракторов синергейного коммуникативного пространства

взаимодействия. Под **аттракторами** понимаются структуры, регулирующие преодоление центра социальной напряжённости на основе конструирования «перформансных» способов означивания [16], что способствует, с одной стороны, событийности дискурса и, с другой, обоснованности появления новых знаков медийной реальности и обогащению языка новообразованиями.

Покажем кратко динамику формирования ценностных ориентиров в центре социальной напряжённости, образованном процессами иммиграции в России на основе данных контент-анализа. В содержательное ядро контента входят структуры, которые выражают смыслы, представляющие иммиграцию как элемент реального социального бытия. Наиболее частотным является определение иммиграции через генерализирующее понятие «феномен»: *Иммиграция в Россию появилась как социальный феномен с 1992 года, после распада СССР* [1]; **Феномен** под названием иммиграция [2].

Контент данной предметной сферы выявляет наличие центра социальной напряжённости посредством структур дескриптивного и нарративного характера, в оценочном плане диагностирующих критичность самой ситуации и состояния вовлечённых в неё «актантов» — коренного населения и мигрантов, профилируемых как пара социальных контрактантов: *Люди на пределе, их не защищают ни местные власти, ни депутаты разных уровней* [9]; *Работодатели изымают документы работников, лишая их самих права на возможность выехать из страны. На нелегалов не распространяются никакие гражданские и социальные права, они абсолютно бесправны, подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны нанимателей* [15].

Обращает на себя внимание насыщенность сообщений знаками «жёсткого» дискурса (*люди на пределе, бесправность, жестокая эксплуатация*) и обвинительная модальность высказываемой позиции посредством указания на «виновных» данной ситуации (*не защищают ни местные власти, ни депутаты разных уровней / эксплуатация со стороны нанимателей*).

Аттрактором оценки ситуации следует считать структуру, возводящую критичность к максимальной степени угрозы — угрозе национальной безопасности:

Ситуация угрожает национальной безопасности страны [10].

Диагностирует центр социальной напряжённости также **полифония дискурсов** и поляризованность позиций, охватывающих всё общество. В полифонии представлены голоса (позиции):

- **статусных политиков** («Криминальный Интернационал» — выражение из речи президента В.В. Путина перед Государственным советом РФ, декабрь 2013 г.); **директор Федеральной миграционной службы**: *Мы рады тем, кто законно приехал на нашу землю, мы их приветствуем. Но нелегальной миграции мы будем противодействовать* [10];

- **законодателей**: *1 ноября депутат Госдумы от «Справедливой России» Олег Нилов направил запросы руководству Минюста и ФМС с просьбой при-*

нять меры по розыску и депортации иностранцев, которые незаконно находятся в России [11];

- экспертов: По словам Ромодановского, только экономический ущерб, который нелегалы наносят России, не платя налоги, составляет больше 8 миллиардов долларов в год [10];

- журналистов-аналитиков: Основа напряжённости — социальные причины, коррупция [4];

- представителей местного населения: Мигранты по больницам шарят и наших детишек тубиком заражают [5];

- представителей мигрантов, отстаивающих свои интересы: Бывают проблемы на работе или в учебном заведении из-за ношения головного платка мусульманками. Бывают порой и откровенные оскорбления и притеснения по национальному и религиозному признакам. А наши братья, приезжие из других стран, часто сталкиваются с проблемами невыплаты заработной платы работодателями [7].

Систематизация тематических констант и концептуальных переменных социального дискурса в области иммиграции, по данным российских СМИ, выявляет аксиологическую релевантность когнитивов — языковых структур, носителей фактологической и концептуальной информации в процессах медиатизации. Выделяются:

- когнитивы — именованя лиц (актантов) проблемной ситуации. В оппозитивной паре «местные жители / приезжие» в именовании «первой стороны» пары выделяется знак явной эмпатии — *люди*. В ряду с нейтральными, политкорректными — *работники, иностранные рабочие, иммигранты, трудовой мигрант, граждане республик бывшего Советского Союза, сезонные рабочие из Поднебесной, мусульманки* — превалируют номинации, идентифицирующие мигрантов по одному признаку — *нелегалы, пришлые мигранты, лица азиатской, кавказской и другой неевропейской внешности*, а также оценочные номинации: *безграмотный и примитивный люд, иждивенцы, батраки*.

Гастарбайтер является наиболее употребительным именованием мигранта в повседневном общении и прессе. Столь высокая валидация данного знака может быть объяснена его синергией: объединением в нём, с одной стороны, смысла «иностранности», идущего от его характера как заимствования, а с другой — его относительной корректностью;

- когнитивы базовой оценочной категоризации «свой/чужой». На «поверхностном» уровне оппозиция раскрывается в понятиях национальной, этнокультурной идентичности контрактантов и солидаризации, объединения на основе данной идентичности: *А наши братья, приезжие из других стран / люди, русское население*. В контекстах мнения о событиях экспертно-аналитического и политического суждения начальная оппозиция преодолевается через ценность более общего порядка — **достоинство** человека и общества, поскольку обе стороны оппозиции представляются страдающей стороной и

для обеих сторон в равной мере нарушается достоинство как человека и гражданина. Основной контрактант выделяется и номинируется как *Криминальный Интернационал*;

- предикативные когнитивы, номинирующие ситуации, в которые включена фигура иммигранта, — *депортация, выдворение, выживание, изгнание, разрешение, пребывание, репатриация, ассимиляция, интеграция*; при этом иммигрант представлен как лицо — объект действия или состояния;

- когнитивы, репрезентирующие образ иммигранта: *перелётные птицы, современные беженцы в России, технологи из Поднебесной*; в том числе присутствует ироничный, даже саркастический оттенок: *пришельцы из благодородных стран*.

Отметим попытку метонимического изображения иммигрантов: *скандальная история с опубликованием на сайте программы «Толерантность» брошюры, в которой трудовые мигранты изображены в виде рабочих инструментов: веника, валика, шпателя и кисти* [8];

- когнитивы пропозиционального контента — структуры, представляющие «кардинальные» решения по проблеме иммигрантов: *активнее содействовать добровольному переселению соотечественников, практика этнического квотирования, обязательное дактилоскопирование всех въезжающих на территорию страны, разработка кодекса иммигранта*.

В качестве наиболее эффективных регулятивов ситуации выделяются когнитивы типа *ввести иммиграцию в пространство права и воспитывать уважение к культуре и обычаям страны пребывания*. Одним из ведущих когнитивов контента, представляющих целевое, действенное отношение к иммигрантам, является «выдворение» (*выдворить, выгнать*), что придаёт агрессивность дискурсу:

Российские СМИ: *мигрантов либо нужно выгнать из Москвы, либо тотально ассимилировать* [3].

При этом в аналитических статьях, посвящённых феномену иммиграции и выработке политического отношения к нему, прослеживается линия сравнения ситуации в России и в Европе:

Вся Европа движется к установлению правых режимов, которые будут вводить жёсткие ограничения по миграции, которые будут проводить политику по ассимиляции тех, кто уже приехал и хочет ассимилироваться, и по частичному выдворению тех, кто не хочет ассимилироваться. У Европы без этого практически нет будущего [3].

- когнитивы отношения (аттитюда, личностного отношения) — структуры, выражающие отношение эмпатии и симпатии: *сочувствия, сострадания, сопереживания: бедные люди, незаслуженные изгои общества, обречённые на дешёвое существование*;

- когнитивы контента объективизированного отношения — структуры объективизированной оценки, выражающей в основном признание нужно-

сти иммигрантов как рабочей силы или квалификацию их как конкурентов на рынке труда: *дешёвая рабочая сила; массовая миграция — минимизация издержек; мигранты — экономическая и демографическая выгода; коллеги, в которых мы нуждаемся;*

• когнитивы контента общей оценки феномена иммиграции и её атрибутов: абстрактные или отглагольные существительные *опасность, криминалитет, оккупирование*; пропозитивные структуры: *нехватка рабочих рук: без иммигрантов России не справиться*; дескриптивные, нарративные структуры, организованные аргументативно: *наркотики въезжают в страну с иммигрантами*; номинация реалий иммиграции: *резиновые квартиры, отстойники для иммигрантов*;

• когнитивы формирующегося стереотипа об иммигрантах и иммиграции:

Стереотипное представление о том, что террорист — это обязательно загорелый бородатый приезжий, надёжно закрепилось в умах не только широкой общественности, но и работников спецслужб [6].

Центр социальной напряжённости, образуемый медиатизацией контента об иммигрантах и иммиграции, реализуется в креативных и инновационных процессах означивания и обозначения в дискурсах, отражающих экспрессивность и интенсивность процессов номинации, квалификации и предикации. К числу такого рода инновационных языковых процессов, порождаемых в контексте предметной сферы иммиграции, относятся:

1) новообразования по имеющимся языковым моделям: *неопуританская Россия*;

2) заимствования: *гастарбайтер, аддикт*. Достаточно быстро ассимилируются и дают деривационные цепочки, в том числе путём аббревиации (*гастарбайтер — гаст, гастик*), определительных словосочетаний (*инъекционные аддикты*);

3) терминообразование: *трудовые мигранты, миграционное законодательство, регулирование нелегальной иммиграции и трудовой миграции, этническое квотирование*;

4) метафорическое именование: *Криминальный Интернационал* — концептуальная метафора для обозначения проблемной ситуации в целом, создаваемой её акторами разных национальностей: *низшая каста; ржавчина, опухоль, перелётные птицы*;

5) формирование устойчивых сочетаний путём комбинирования уже существующих знаков для осмысления новых реалий: *жилё для иммигрантов — резиновые квартиры* (от устойчивого выражения *Москва — не резиновая*); *социальный Центр — приёмник для мигрантов*; самообозначение этнического коллектива мигрантов в новой среде жизни — *наши братья*;

6) формирование метафорических рядов: *землячество — подпольный город — гетто*;

7) когнитивные (интерпретативные) конверсивы: *продажные чиновники, недобросовестные работодатели > дешёвая рабочая сила; нелегальная*

миграция > терроризм; городской рынок > нелегалы, наплыв мигрантов > туберкулез, инфекционные заболевания; полицейский рейд > факты нелегальной миграции, незаконного оборота оружия;

8) переосмысление знаков в контексте иммиграции: слово *неместный* стало одним из эвфемизмов для обозначения мигранта, сузило своё значение; *гости столицы* (ранее формула гостеприимства). Само понятие *мигрант*, бывшее достаточно абстрактным термином, далёким от современной реальности, наполняется конкретным содержанием. Термин *толерантность* уточняется в координатах этноконфессионального конфликта и его преодоления. Переосмысление касается лексико-семантического поля с ядром *национальный*: выходцы из *национальных республик, нацик*:

Слово «националист» уже перестало быть ругательным, стало respectable. Для многих националист — это человек, который Родину любит [4];

9) риторические структуры отождествления и противопоставления в аргументации: *Мигрант, как и наркоман, — ещё одна новейшая фигура социального исключения; Чиновникам плевать на русское население, им по душе пришлые мигранты [9].*

Обоснованным в данном русле анализа можно считать общий вывод о том, что современный жизненный мир обостряет оценку человека, делает особо значимыми личностное и социальное достоинство человека. Это приводит к трансформациям в системе ценностей и антиценностей национальной аксиосферы. В медийном дискурсе центры социальной напряжённости могут регулироваться аттракторами — структурами дискурса, способными вызвать переосмысление, переориентацию процессов означивания адресатом, что способствует языковым новообразованиям. Социальный дискурс в медийном пространстве не только отражает, «перехватывает» динамику данных трансформаций, но и конструирует ценностные позиции и ориентиры.

Библиографический список

Источники

1. URL: <http://www.xserver.ru/user/rarem>.
2. URL: http://emigration.russie.ru/news/7/11144_1.html.
3. URL: <http://novostink.ru/sng/14194-rossiyskie-smimigrantov-libo-nuzhno-vygnat-iz-moskvy-libo-totalno-assimilirovat.html>.
4. URL: <http://news.mail.ru/inregions/moscow/90/society/16027292>.
5. URL: <http://grani.ru/blogs/free/entries/221626.html>.
6. URL: http://slon.ru/world/kakoy_terrorizm_opasnee_dlya_evropy_pravyu_levyyu_i-604414.xhtml.
7. URL: <http://baikal24.ru/page.php?action=showItem&type=news&id=149780>.
8. URL: http://top.rbc.ru/spb_sz/05/12/2013/892956.shtml.
9. URL: <http://www.eizh.ru/articles/konflikty/voronezhskim-chinovnikam-plevat-na-russkoe-naselenie-im-po-dushe-prishlye-migranty>.
10. URL: <http://grani.ru/Economy/m.111461.html>.

11. URL: <http://grani.ru/Society/Law/m.220799.html>.
12. URL: <http://www.russia-on.ru/44064>.
13. URL: http://www.govoritmoskva.ru/a_files_/2/6804/086cd16f6dff9638a1e186eeddf0e07.

Литература

14. *Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – Екатеринбург: ЕГУ, 2002. – 379 с.
15. *Викулова Л.Г.* Ценностные суждения о родной стране как отражение национальной аксиосферы / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова // *Функциональная лингвистика: научный журнал*. – Ялта: Крымский Республиканский институт последипломного педагогического образования. – 2011. – № 2. – Т. 1. – С. 83–86.
16. *Серебренникова Е.Ф.* Многозначность в аспекте аттрактивности знака в коммуникации / Е.Ф. Серебренникова // *Многозначность языковых единиц в когнитивном аспекте: коллективная монография* / Отв. ред. Л.М. Ковалёва; ред. С.Ю. Богданова, Т.И. Семёнова. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 158–168.
17. *Angenot M.* Théorie du discours social. Notions de topologie des discours et de coupure cognitive / M. Angenot // *Discours en contexte*. – 2006. – № 1. – P. 12–25.
18. *Fairclough N.* A dialectical-relational approach to critical discourse analysis in social research / N. Fairclough // *Methods of critical discourse analysis* / Compiled by R. Wodak, M. Meyer. – London: SAGE Publications, 2009. – P. 162–187.

References

Istochniki

1. URL: <http://www.xserver.ru/user/rarem>.
2. URL: http://emigration.russie.ru/news/7/11144_1.html.
3. URL: <http://novostink.ru/sng/14194-rossiyskie-smimigrantov-libo-nuzhno-vygnat-iz-moskvy-libo-totalno-assimilirovat.html>.
4. URL: <http://news.mail.ru/inregions/moscow/90/society/16027292>.
5. URL: <http://grani.ru/blogs/free/entries/221626.html>.
6. URL: http://slon.ru/world/kakoy_terrorizm_opasnee_dlya_evropy_pravyy_levyy_i-604414.xhtml.
7. URL: <http://baikal24.ru/page.php?action=showItem&type=news&id=149780>.
8. URL: http://top.rbc.ru/spb_sz/05/12/2013/892956.shtml.
9. URL: <http://www.eizh.ru/articles/konflikty/voronezhskim-chinovnikam-plevat-na-russkoe-naselenie-im-po-dushe-prishlye-migranty>.
10. URL: <http://grani.ru/Economy/m.111461.html>.
11. URL: <http://grani.ru/Society/Law/m.220799.html>.
12. URL: <http://www.russia-on.ru/44064>.
13. URL: http://www.govoritmoskva.ru/a_files_/2/6804/086cd16f6dff9638a1e186eeddf0e07.

Literatura

14. *Vepreva I.T.* Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu e'poxu / I.T. Vepreva. – Ekaterinburg: EGU, 2002. – 379 s.
15. *Vikulova L.G.* Cennostny'e suzhdeniya o rodnoj strane kak otrazhenie natsional'noj aksiosfery / L.G. Vikulova, E.F. Serebrennikova // *Funktional'naya lingvistika: nauchny'j*

zhurnal. – Yalta: Kry'mskij Respublikanskij institut poslediplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2011. – № 2. – Т. 1. – С. 83–86.

16. *Serebrennikova E.F.* Mnogoznachnost' v aspekte attraktivnosti znaka v kommunikacii / E.F. Serebrennikova // Mnogoznachnost' yazy'kovy'x edinicz v kognitivnom aspekte: kollektivnaya monografiya / Otv. red. L.M. Kovalyova; red. S.Yu. Bogdanova, T.I. Semyonova. – Irkutsk: IGLU, 2013. – С. 158–168.

17. *Angenot M.* Théorie du discours social. Notions de topologie des discours et de coupure cognitive / M. Angenot // Discours en contexte. – 2006. – № 1. – P. 12–25.

18. *Fairclough N.* A dialectical-relational approach to critical discourse analysis in social research / N. Fairclough // Methods of critical discourse analysis / Compiled by R. Wodak, M. Meyer. – London: SAGE Publications, 2009. – P. 162–187.

**Т.Г. Игнатьева,
Е.М. Дорогайкина**

Зоопоэтика старофранцузского текста

Статья посвящена анализу наименований животных, в структуре которых присутствуют имена собственные. Комплексное изучение экстралингвистических и лингвистических факторов в диахроническом аспекте позволяет показать взаимосвязь смысла лексических единиц и формы, называемого предмета и названия.

The present article is focused on the analysis of animal names which have proper names in their structure. The complex study of extralinguistic and linguistic factors in the diachronical aspect reveals the correlation between the meaning of lexical units and form, between the nominated object and its nomination.

Ключевые слова: зоопоэтика; старофранцузский период; животный эпос; лингвокультурный типаж; персонаж.

Keywords: zoopoetics; Old French period; animal epic; linguocultural character type; character.

Термин «зоопоэтика» ввёл в научный оборот французский философ и теоретик литературы Жак Деррида (1930–2004) в сборнике «L'animal que donc je suis» (2006). Он понимался как а) совокупность выразительных средств, связанных с образами животных, и б) исследовательская дисциплина, занимающаяся этими образами. Современные учёные подчёркивают, что до сегодняшнего дня эта сфера мало изучена; например, нет исследований о различии культур и эпох с точки зрения зоопоэтики [6: с. 59]. В настоящее время данный термин приобретает обновлённое значение благодаря появлению двух сборников бестиария: «Бестиарий в словесном и изобразительном искусстве» (2012); «Бестиарий и стихии» (2013), вышедших в Москве по итогам научных конференций, посвящённых актуальным вопросам семантики, семиотики, символики животных различных времён и другим бестиарным темам.

Западноевропейские бестиарии восходят к латинским бестиариям, берущим начало от греческого «Физиолога», составленного в Александрии во II веке. Собственно лингвистическая сторона, которая показывает, какие лингвистические и языковые структуры репрезентируют образы животных в словесности, остаётся неразработанной, что и обуславливает актуальность обозначенной темы.

Зоопоэтика затрагивает образы разных животных. В христианском Средневековье о животном говорят постоянно, поминают его при всяком удобном

случае, делают из него ключевую фигуру всех метафор, «примеров», сравнений. Животное «символически осмысляют» [4: с. 27]. Предметом нашего интереса является образ *Лиса* в мифологии и символике разных культур, а также способы его репрезентации в широко известном литературном тексте французского Средневековья «Роман о *Лисе*».

В мифопоэтических традициях образ *лиса* выступает как распространённый зооморфный (основанный на представлении богов в образах животных) классификатор, нередко функционирующий и в языковой сфере [8]. Мифологические сведения о *Лисе* известны в разных странах. Например, в Китае существует «лисий» эпос о «лисыих чарах» и вмешательстве лис в жизнь людей; в китайской мифопоэтической традиции лис считался воплощением души мертвеца, а системе оберегов от лис придавалось особое значение. В Японии лис символизирует долголетие, магические силы как для добрых, так и для злых дел, а конец лисьего хвоста означает «сокровище счастья».

Обобщая символические и мифологические качества образа *Лиса* в разных источниках, можно сказать, что в его символике превалируют качества пейоративной окраски, такие как хитрость, ловкость, пронырливость, лъстивость, вороватость, обман, лицемерие, сладострастие, злонамеренность, злоумышленность, мстительность. С образом *Лиса* связывается представление о чём-то сомнительном, фальшивом; лис или лиса нередко оказываются неудачниками, попадая впросак. Из лаудативных характеристик можно отметить пронизательность, мудрость, способность к отвлечённому мышлению, осторожность, терпеливость.

В литературной традиции западного Средневековья бестиарная тема обрела форму отдельного жанра — животный эпос. Во Франции старофранцузский стихотворный животный эпос представлен «Романом о *Лисе*», который возник на рубеже XII–XIII вв. Яркое, остросюжетное произведение стало подлинным шедевром европейской культуры. «Роман о *Лисе*» считается выросшим из жанра фаблю — маленького рассказа в стихах, описывающего какой-то жизненный факт [9: с. 29–31]. Животный эпос относится к архетипу городской литературной культуры Средневековья. Само слово *roman* (*romanza*, *romance*) появилось в Средневековье и означало поэтическое или прозаическое повествование на романском, т. е. не на латинском, языке. Этот период некоторые современные учёные называют «изобретением романа» [5: с. 402–405].

Целью данной работы является исследование номинативных структур, объективирующих образы животных на раннем этапе становления французского письменно-литературного языка в художественных текстах XII–XIII веков. Задача статьи — проследить способы наименования главного персонажа старофранцузского животного эпоса — *Лиса*. Анализируется структурно-грамматическая природа номинаций *Лиса*, выявляется их лексико-семантическое значение с целью воссоздать литературный образ персонажа в тексте.

Автором первой из поэм о *Лисе* был некий Пьер де Сен-Клу. Около 1175 г. он написал восьмисложным стихом с парной рифмой историю о приключениях *Лиса* и его антагонистов. Размер стиха произведения был не новым: им писалось большинство стихотворных повествовательных произведений эпохи — рыцарские романы, назидательные сочинения, описания животных («бестиарии»), басни и т. д. Есть мнение учёных о том, что время сложения этого произведения, его циклической организации не было долгим: в середине XIII в. основной корпус «Романа» был завершён. Последующие продолжения и дополнения — это уже новые произведения, выступающие как намеренные парафразы и даже пародийные переосмысления памятника.

Главный герой романа — Лис — очень необычный для того времени персонаж. По мнению А.Д. Михайлова, Лис поразительно многолик. Учёный считает, что образ *Лиса* нельзя рассматривать как олицетворение какого-то одного психологического типа и тем более как воплощение определённого социального слоя средневекового общества. В тексте Лис представлен желчным мизантропом, своевольным феодалом, подвергаемым постоянному остракизму изгоем, заданным тяжёлой жизнью тружеником, неисправимым озорником, бунтарём, драчуном и забиякой. В его характере нашлось место как для многих человеческих слабостей и пороков, так и для большого числа достоинств. Это — метафорический образ человека вообще, находящийся в разладе со своей средой, точнее — живущий в обществе, раздираемом острейшими конфликтами [3: с. 3–34].

Обратимся к лингвистической характеристике номинаций персонажа *Лиса* во французском животном эпосе. Наш материал показал, что общее количество номинаций, иллюстрирующих *Лиса* в романе, — 669. В ходе исследования используется методика структурно-грамматического анализа, разработанная Т.Г. Игнатъевой [2], в соответствии с которой весь корпус примеров был разделён на однословные, двусловные и многословные номинации. Критериями при анализе языкового материала определены: состав номинации (количество знаменательных слов и их морфологическая форма), местоположение элементов относительно друг друга, характер смысловых и синтаксических отношений между элементами, лексико-семантическое наполнение номинаций. Рассмотрению подлежат номинации, представленные знаменательными словами [2: с. 14].

На первом этапе анализа все примеры, номинирующие *Лиса*, были разделены на однословные (564 примера), двусловные (54) и многословные (51). В данной статье рассматриваются двусловные номинации.

В тексте произведения двусловные номинации представлены четырьмя структурными моделями:

- N1 + N2 — имя существительное + имя существительное,
- N1 + *prép* + N2 — имя существительное + предлог + имя существительное,
- A + N — имя прилагательное + имя существительное,
- N + A — имя существительное + имя прилагательное.

Один из элементов в структурах всегда выступает по отношению к другому как определяемое, другой — как определяющее. Здесь имеет место синтаксико-семантический способ наименования персонажа при помощи словосочетания.

Наиболее частотной является именная группа, её структурные элементы — два имени существительных (44 % от всех двусловных номинаций). Данная структура имеет два лексико-семантических варианта: 1) имя нарицательное и имя собственное (N1 + N2), например, *sire Renart* «сеньор Ренар», 2) имя собственное и имя нарицательное, например, *Renart le ros* «Ренар рыжий».

В первом варианте номинации мы встречаем имя собственное *Renart* (Renars/z) в постпозиции к определяющему слову. Флексия *-s* маркировала прямой падеж существительного единственного числа 1-го мужского склонения. Отсутствие *-s* маркировало косвенный (винительный) падеж существительного. При этом флексия *-z* являлось орфографическим вариантом *-s* [7: с. 128–129]. Это свидетельствует о наличии категории падежа у имени существительного, что отличает грамматическую форму старофранцузского имени существительного от грамматической формы имени в современном французском языке.

На нашем материале в первом варианте структуры наблюдается, во первых, однородность лексического наполнения. Все препозитивные существительные представлены одной лексико-семантической группой, а именно — терминами феодальной титулатуры. Во вторых, маркирование в прямом падеже флексией *-s* как у имени нарицательного, так и у имени собственного представлено только с лексемой *danz*. С другими титулами, а таких случаев большинство, имя собственное употребляется без флексии *-s*.

Слово *danz* имело различные формы употребления в старофранцузском языке, в именительном падеже — *dans, danz*. В косвенном — *dam, dame, damp, dan, dant, dom*. Этимологически восходит к латинскому *dominum*. В языке народной латыни было вытеснено титулом *sire-seigneur*. Слово имеет значения: дворянский титул (между титулом графа и барона); господин, отец (о священнике) [10: с. 65; 12: р. 152]. В тексте встречаются как правильные формы, где оба члена структуры маркированы флексией (*danz Renars*, т. е. имеет место согласование в именительном падеже обеих лексем двусловной структуры), так и неправильные формы — *dan/t Renarz*, где имеет место рассогласование структурных элементов. Наш материал подтверждает положение историков языка о том, что склонение в старофранцузском языке было нерегулярным, что явилось одной из причин его исчезновения.

Сходная картина наблюдается при употреблении имени собственного с другими существительными, обозначающими титулы: *sire, seigneur, comte*. Отмечаем, что лексемы *sire/seigneur* являются этимологическими дублетами, т. е. формами одного слова в разных падежах. *Sire* — форма прямого падежа,

seigneur — форма косвенного падежа. Существительное относится к третьему мужскому неравносложному склонению. Обе формы сохранились в языке с разными значениями, первая — как обращение к первому лицу государства, королю. Вторая — как форма обращения к знатному вельможе в сословном обществе. Элидированная форма данного существительного в совокупности с притяжательным прилагательным первого лица единственного числа дала форму вежливого обращения, дожившую до наших дней в современном французском языке — *monsieur*, зафиксированную в словаре старофранцузского языка [11: р. 395].

Отмечаем также, что номинация персонажа лексемами *sire* и *danz* представлена безартиклевными формами, тогда как другие номинации с лексемами феодальной титулатуры либо с лексемами другого значения регулярно употребляются с артиклем: *li conte Renart*, *le chef Renart* и др. Анализ показал, что номинация со структурным вариантом [имя нарицательное + имя собственное] имеет в абсолютном большинстве однородное лексическое наполнение терминами феодальной титулатуры с социальным значением. Данная номинация устанавливает социальный статус персонажа. Персонаж Луса номинирован как представитель высокого сословного статуса.

Второй вариант структуры [N1 + N2 — имя собственное + имя нарицательное] представляет собой беспредложную конструкцию, второй член которой выступает в качестве характеризующего приложения к имени собственному. Это разновидность определения, выражающего на нашем материале:

- объективный признак *Renart le rox* «Ренар рыжий»,
- видовой признак *Renart le goupis* «Ренар лис»,
- функциональный признак *Renart le pelerin* «Ренар-странник», профессиональный признак *Renart le teinturier* «Ренар-красильщик», субъектно-оценочный признак *Renart li lere* «Ренар-вор, разбойник».

Все приложения употребляются только с определённым артиклем, который в данном случае выполняет важную стилистическую функцию. Детерминируя постпозитивный элемент, а в большинстве случаев это субстантивированное прилагательное, определённый артикль усиливает выражаемый существительным признак, превращая его в постоянное качество. С семантической точки зрения обращает на себя внимание превалирование номинаций с отрицательной оценкой. В первую очередь, это касается наиболее частотной номинации *Renart le rox*. Автор не случайно выбрал героем своего романа Луса. В пантеоне животных много зверей, отличающихся хитростью. Но герой романа — именно **рыжий** лис.

На наш взгляд, цвет окраса имеет существенное значение. Согласно наблюдениям М. Пастуро, своеобразие средневековой эпохи состоит в том, что рыжий цвет постепенно приобрёл специализацию, став цветом обмана и предательства. На протяжении всего Средневековья, как и в Античности, рыжий означает «жестокий, запятанный кровью, уродливый, подчинённый

или смешной». Но с ходом времени рыжий цвет волос начинает говорить о человеке, в первую очередь, как о притворщике, хитреце, лжеце, обманщике, изменнике, предателе или отступнике. Рыжий — это прежде всего тот, кто не похож на других, кто представляет отклонение от нормы, кто принадлежит к меньшинству, а следовательно, нарушает порядок, вызывает тревогу или негодование [5: с. 215–221]. В свете этих рассуждений выбор средневековым автором рыжего Лиса главным персонажем представляется оправданным и полностью отвечающим авторским интенциям. Отрицательную характеристику дополняет номинация *Renart le teinturier* «Ренар-красильщик», поскольку профессия красильщика считалась в Средние века нечестивым ремеслом, сомнительным и даже дьявольским: красильщики смешивали краски, загрязняли воду, использовали разные травы и составы для получения нужного цвета. Это представлялось обывателям подозрительным и недостойным.

В единичных случаях в номинациях не участвует слово *Renart: lor fils la loupe* «сын волчицы», *bel sire* «прекрасный сир», *fils à putein* «сукин сын», *beste de mester* «зверь-прислужник». Все структуры по-разному оформлены грамматически, а семантически чаще передают пейоративное значение. Анализ примеров показывает, что в данном варианте двусловной номинации преобладают пейоративные характеристики персонажа, синкретично включающие в себя отрицательные качества такого животного, как Лис.

Анализ двусловных номинаций, репрезентирующих образ Лиса в животном эпосе, показал, что позиция элементов относительно друг друга в структуре [имя существительное + имя существительное] может иметь разное значение в зависимости от лексико-семантического наполнения структуры. При этом важной является позиция элементов разного лексико-семантического значения относительно друг друга. Там, где имя нарицательное находится в препозиции к имени собственному, важен социальный фактор — персонаж репрезентируется как принадлежащий высокому сословию. В случае, где имя нарицательное находится в постпозиции к имени собственному, имеет место характеризующая номинация пейоративного значения, что в конечном итоге влияет на тональность описания персонажа в композиции всего произведения.

Библиографический список

Источники

1. *Le Roman de Renart*. – Paris: Garnier – Flammarion, 1970. – 440 p.

Литература

2. *Игнатъева Т.Г.* Номинация персонажей в старофранцузском художественном тексте: монография / Т.Г. Игнатъева. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2013. – 184 с.
3. *Михайлов А.Д.* Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса // Роман о Лисе / А.Д. Михайлов; пер. со старофр. А.Г. Наймана. – М.: Наука, 1987. – 160 с.

4. *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья / М. Пастуро; пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб.: Alexandria, 2012. – 446 с.

5. *Пахсарьян Н.Т.* Теория жанра романа во французской поэтике / Н.Т. Пахсарьян // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель; под ред. Е.А. Цургановой и А.Е. Маховой. – М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. – 512 с.

6. *Сид И.* Тотем в современной русской литературе. Зоопоэтика текстов, зоософия сообществ (постановка проблемы) / И. Сид // Бестиарий и стихии: сб. ст. – М.: Intrada, 2013. – 166 с.

7. *Скрелина Л.М.* История французского языка / Л.М. Скрелина, Л.А. Становая. – М.: Высш. шк., 2005. – 463 с.

8. *Топоров В.Н.* Лиса / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. – Т. 2. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 11–12.

9. *Штейн А.Л.* История французской литературы / А.Л. Штейн, М.А. Черневич, М.А. Яхонтова. – М.: Просвещение, 1988. – 336 с.

Справочные и информационные источники

10. *Шишмарев В.Ф.* Словарь старофранцузского языка к Книге для чтения по истории французского языка / В.Ф. Шишмарев. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 275 с.

11. *Greimas A.J.* Dictionnaire de l'ancien français / F.J. Greimas. – Paris: Larousse, 2004. – 630 p.

12. *Hauterive R.G.* Dictionnaire d'ancien français. Moyen âge et Renaissance / R.G. Hauterive. – Paris: Larousse. – 591 p.

13. *Godefroy F.* Lexique de l'Ancien Français / F. Godefroy. – Paris: Champion Editeur, 2003. – 591 p.

References

Istochniki

1. *Le Roman de Renart.* – Paris: Garnier-Flammarion, 1970. – 440 p.

Literatura

2. *Ignat'eva T.G.* Nominacziya personazhej v starofrancuzskom xudozhestvennom tekste / T.G. Ignat'eva. – Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2013. – 184 s.

3. *Mixajlov A.D.* Starofrancuzskij «Roman o Lise» i problemy' srednevekovogo zhivotnogo e'posa // Roman o Lise / A.D. Mixajlov; per. so starofr. A.G. Najmana. – M: Nauka, 1987. – 160 s.

4. *Pasturo M.* Simvolicheskaya istorya evropejskogo Srednevekov'ya / M. Pasturo; per. s fr. E. Reshetnikovoj. – SPb.: Alexandria, 2013. – 446 s.

5. *Paxsar'yan N.T.* Teoriya zhanra romana vo francuzskoj poe'tike / N.T. Paxsar'yan // Evropejskaya poe'tika ot antichnosti do e'poxi Prosveshheniya: E'nciklopedicheskij putevoditel'; pod red. E.A. Czuganovoj i A.E. Maxovoj. – M.: Izd-vo Kulaginoj – Intrada, 2010. – 512 s.

6. *Sid I.* Totem v sovremennoj russkoj literature. Zoopoe'tica tekstov, zoosofiya soobshhestv (postanovka problemy') / I. Sid // Bestiarij i stixii: sb. st. – M.: Intrada, 2013. – 166 s.

7. *Skrelina L.M.* Istoriya francuzskogo yazy'ka / L.M. Skrelina, L.A. Stanovaya. – M.: Vy'ssh. shk., 2005. – 463 s.
8. *Toporov V.N.* Lisa / V.N. Toporov // Mify' narodov mira. E'nciklopediya; v 2-x tt. – T. 2 / Gl. red. S.A. Tokarev. – M.: Sovetskaya e'nciklopediya. – S. 11–12.
9. *Shtejn A.L.* Istoriya francuzskoj literatury' / A.L. Shtejn, M.A. Chernevich, M.A. Yaxontova. – M.: Prosveshhenie, 1988. – 336 s.

Spravochny'e i informazionny'e istochniki

10. *Shishmarev V.F.* Slovar' starofrancuzskogo yazy'ka k Knige dlya chteniya po istorii francuzskogo yazy'ka / V.F. Shishmarev. – M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. – 275 s.
11. *Greimas A.J.* Dictionnaire de l'ancien français / F.J. Greimas. – Paris: Larousse, 2004. – 630 p.
12. *Hauterive R.G.* Dictionnaire d'ancien français. Moyen âge et Renaissance / R.G. Hauterive. – Paris: Larousse. – 591 p.
13. *Godefroy F.* Lexique de l'Ancien Français / F. Godefroy. – Paris: Champion Editeur, 2003. – 591 p.

**Л.П. Рыжова,
Е.Б. Савельева**

Контекстуальный дейксис как средство моделирования пространства и времени в автобиографической прозе Андре Жида

В статье речь идёт о контекстуальном дейксисе как языковом средстве моделирования пространства и времени в автобиографической прозе А. Жида. Представлены примеры, иллюстрирующие данное явление и использование его автором произведения.

The article considers contextual deixis as linguistic means of modeling space and time in the autobiographical prose by A. Gide. The examples of contextual deixis and the author's use of these linguistic means are given in the article.

Ключевые слова: контекст; контекстуальный дейксис; пространственный дейксис; автобиографическая проза.

Keywords: context; contextual deixis; spatial deixis; autobiographical prose.

Автобиографический дискурс/текст является отображением через языковые средства процесса ориентирования человека в универсуме своих ценностей, в ходе которого автор осуществляет «разбиение своего универсума и производит соотносительное «взвешивание» его частей» [4: с. 13]. Он использует при этом дейктически определённые координаты лица, места и времени в качестве орудия указания на связь различных элементов контекста. В этом смысле контекст обладает фиксированными в вербальной форме информационными координатами: «...коммуникация не может существовать вне контекста, а следовательно, ни одно явление не может рассматриваться вне этих условий» [8: с. 134].

Контекст определяется, во-первых, как свойство всей системы языка, связывающее высказывание с внеязыковой ситуацией, включая в себя экстралингвистические факторы, во-вторых, как конкретное языковое окружение той или иной единицы, включая в себя лингвистические факторы, т. е. речь идёт о контексте в широком и узком смысле слова. Тот и другой контексты взаимосвязаны, так как способствуют пониманию целостного смысла сообщаемой информации.

Понятие контекста является определяющим в изучении контекстуального дейксиса. С точки зрения коммуникативно-функционального подхода автобиографический текст обладает коммуникативно-дискурсивным контекстом, представленным в письменной форме и включающим в себя как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Письменный контекст является

главным условием функционирования контекстуального дейксиса, который в автобиографических текстах представляет собой основной, доминирующий вид дейксиса. Контекст обладает фиксированными в вербальной форме информационными координатами, которые позволяют более детально рассмотреть сущность и функции системы дейктических указателей в автобиографическом произведении А. Жида, одного из самых знаменитых французских писателей XX века, получившего в 1947 году почётное звание нобелевского лауреата.

Необходимо отметить, что для наименования рассматриваемого вида дейксиса в лингвистической литературе существуют три различных, хотя и близких друг другу семантически, термина: «дискурсивный», «дискурсный» и «контекстуальный» [6; 9; 12; 15]. Вследствие того, что точки зрения большинства исследователей на природу и суть данного вида дейксиса как указания на различные элементы контекста совпадают, и в соответствии с рассмотрением автобиографической прозы как особого художественного дискурса, в нашей статье данные термины представлены как синонимы.

Контекстуальный дейксис в автобиографической прозе определяется как указание на уже состоявшееся событие, имевший место факт или душевное состояние, сопровождающее какую-либо ситуацию. Цель такого указания — подчеркнуть важность этого события или факта для данного лица, заострить на нём внимание читателя, выделить, вычленить его из потока повествования, конкретизировать его, сделать из него вывод и дать ему оценку с точки зрения автора «сегодняшнего». Контекстуальный дейксис рассматривается в двух аспектах: по способу выражения и по выполняемой им функции.

Контекстуальный дейксис, не обладая собственным набором языковых единиц, использует средства других видов дейксиса (личностного, пространственного, временного). Эти средства аккумулируют некий объём смысловой информации, включающий в себя само событие, описание которого занимает подчас несколько страниц текста, степень участия в нём персонажа, его эмоции, конечную оценку произошедшего или прогнозирование развития предстоящей ситуации, а также ассоциации, закрепившиеся у персонажа в связи с этим событием.

Таким образом, сущность контекстуального дейксиса заключается в том, что реализующие дейктическую функцию языковые единицы вбирают в себя все названные моменты и указывают на них в тексте, часто не обозначая их в развёрнутом виде. И здесь чрезвычайно важна роль автора-рассказчика и особенно его собственно авторская речевая партия как носитель и транслятор его замысла, его идеи. Она позволяет объединять разнородные пространственные сферы и время в единое целое, размышлять о значимости и ценности тех или иных событий, раскрывать мотивы описания своей жизни в форме автобиографического произведения.

По мнению Н.Д. Арутюновой, отражение объективной действительности происходит в пространственных и событийно-временных категориях [2: с. 118]. Время как «форма последовательной смены явлений и состояний

материи, универсальные свойства которого длительность, неповторяемость, необратимость» [16: с. 150], и пространство как «объективная реальность, форма существования материи, характеризующаяся протяжённостью и объёмом» [16: с. 412], приобретают в жанре автобиографии новое смысловое и эстетическое наполнение, подвергаются различным преобразованиям. Именно в рамках этих категорий и происходит осмысление автором событий, себя, окружающего мира.

Особенности временной и пространственной систем произведения дают возможность выделить «время» и «пространство» в автобиографическом произведении А. Жида как отражение жанровых характеристик «прошлое — переживание прошлого: настоящее как момент речи», «хронологическая и пространственная локализация — сюжет», «достоверность — вымысел». Необходимо отметить, что в анализируемом произведении «Если зерно не умрёт...» А. Жид стремится быть предельно искренним и правдивым: он точно называет место, где описываемые им события происходили, но не всегда конкретен и точен в датах, в их хронологической последовательности:

(1) *J'écrirai mes souvenirs comme ils viennent, sans chercher à les ordonner. Tout au plus les puis-je grouper autour des lieux et des êtres; ma mémoire ne se trompe pas souvent de place; mais elle brouille les dates; je suis perdu si je m'astreins à de la chronologie. A reparcourir le passé, je suis comme quelqu'un dont le regard n'apprécierait pas bien les distances et parfois reculerait extrêmement ce que l'examen reconnaîtra beaucoup plus proche* [1: p. 24].

(2) *Ce qui me permet de préciser la date de ces lectures, c'est le souvenir exact du lieu où je les fis. M. Richard, avec qui je travaillai trois ans, s'installa au centre de Paris l'hiver suivant; Le Roi s'amuse, Les Névroses et Les Blasphèmes ont pour décor la petite orangerie de Passy* [1: p. 147].

Этот факт вполне понятен, потому что в основе выражения времени лежат определённые пространственные отношения. «Известно, что темпоральная ориентация может описываться при помощи показателей пространственной ориентации, так что событийная упорядоченность представлена в языке по аналогии с пространственными отношениями (ср. перед домом и перед новым годом)» [7: с. 281]. Это объясняется способностью человеческого мышления ассоциативно связывать предметы и явления окружающего мира и выражать абстрактные понятия (например, время) в терминах конкретных понятий (например, место).

Необходимость исследования пространственных и временных представлений обусловлена тем, что в художественном автобиографическом произведении пространство и время образуют пространственно-временной континуум, литературно-художественный хронотоп (по М.М. Бахтину), являясь формой для конструирования мира в сознании человека. «Представление времени и пространства как важнейших универсалий человеческого бытия находит отражение в каждом художественном произведении, поскольку пространство создаётся и наполняется

различными объектами, вещами, репрезентируется ими, а время характеризуется событиями, их развитием и последовательностью» [10: с. 60]. Именно в рамках этих категорий и происходит осмысление автором событий, окружающего мира, становление себя как личности, при этом «автор, в отличие от персонажей, волен передвигаться во времени и пространстве на любом этапе» [3: с. 81–82].

При концентрации внимания на пространственно-временных указателях в тексте становится очевидным, что контекстуальный дейксис является средством моделирования пространства и времени автобиографического дискурса. Важно обратить внимание на то, что «пространственное бытие художественного образа разворачивается через сюжет от одной стадии к другой как протекающий во времени динамический процесс» [13: с. 118].

Темпоральная организация авторского присутствия в автобиографической прозе А. Жида была изучена и подробно описана Е.Б. Савельевой [11: с. 171–175]. Поэтому в данной статье речь пойдёт главным образом о пространственном дейксисе.

Функция контекстуального дейксиса состоит в вычленении из потока изложения некоторой предшествующей или будущей ситуации, её конкретизации. Подробнейшее описание тех мест, где проходила повседневная жизнь автора-рассказчика, где он проводил время и общался со своими родственниками, учителями, немногочисленными друзьями и т. п., занимает в тексте большое количество страниц. Сознание человека определяется его бытием, именно поэтому индивидуальный пространственный опыт взаимодействия человека с внешним миром задаёт параметры концептуальной картины этого мира, фиксируя его пространственные ориентиры. «Пространство — это та данность, вне которой человек себя не мыслит, и в своих отношениях с пространством человеку необходим минимальный набор из двух психологических опор: 1) субъект сознания — «Я», всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и 2) граница или границы, которые замыкают пространство» [5: с. 15].

В каждый момент своей жизни человек осознаёт себя в центре какого-то мира, и всегда его позиция определена конкретным пространством. В повседневной жизни человек ориентируется в пространстве относительно местности, нахождения и расположения предметов в окружающей его действительности. Пространственные указатели, считает А.А. Уфимцева, «имеют отличительную черту — идентифицировать предмет, лицо по их местонахождению путём непосредственного указывания» [14: с. 178]. Как отмечает сам А. Жид:

(3) *Rien de plus difficile ni de plus ennuyeux qu'une description de lieux; mais celle-ci sans doute était nécessaire pour expliquer ce qui suit...* [1: р. 58].

При восприятии пространства человек использует характерную для него систему ориентиров. Пространственному универсуму автобиографического романа А. Жида присуща детальная характеристика. Это выражается большим количеством представленных в тексте лексических единиц, позволяющих зафиксировать координаты того пространства, в котором проходила жизнь писателя.

Фактически он описывает своё собственное восприятие мира, передавая информацию, отображённую его сознанием. Пространственные координаты романа реализуются в произведении посредством имён существительных, глаголов, наречий, предлогов.

Среди существительных отмечены в результате сплошной выборки следующие лексико-семантические группы, обозначающие:

- **географические объекты (топонимы):** Paris, Uzès, Rouen, Le jardin du Luxembourg, 2, rue de Tournon, rue Saint-Sulpice, La Fontaine d'Eure, l'Algérie, Neuchâtel, La Brévine, l'île de Djerba, le Midi и т. п.;

- **характеристики и свойства ландшафта:** l'espace asphalté, la rivière, la vallée, l'immense plaine, un étang d'eaux, ses bords isolés, le désert и т. п.;

- **сооружения, здания:** une vieille maison avec jardin, un petit pavillon, un vaste bâtiment, un hangar de séchage, une grange immense, l'aqueduc, le pont Saint-Nicolas, une basse-cour modèle, un ridicule joujou de pont de metal и т. п.;

- **заведения, учреждения, предприятия:** l'Ecole de Pharmacie, l'Ecole alsacienne, une usine du Houlme, la fabrique du Houlme, la ferme, le lycée, le port, l'auberge, l'Hôtel de l'Oasis, un cabaret и т. п.;

- **жильё:** une habitation, le chalet de bains de mer, un hôtel particulier des Castelnaud, un sordide logement garni и т. п.;

- **части построек домов:** un appartement, ma chambre, un nouvel appartement, un balcon, la salle à manger, la bibliothèque vitrée, l'antichambre, cabinet de travail, la cheminée de sa chambre, sa porte cochère, le premier salon, un escalier en zigzag и т. п.;

- **территорию:** cette partie du boulevard, le rond-point, l'allée aux fleurs, l'allée noire, la propriété, la ville illuminée, un quartier voisin, au bord de la mer, le petit village du Jura, ce grand pays monotone, au milieu du désert и т. п.;

- **месторасположение:** au coeur de la ville, la salle des machines, sur un des wagonnets, à côté de l'usine, à chacun des étages, au centre, une de ces tristes rues de province, sur trois lignes de rails, aux environs de Nîmes и т. п.;

- **границы пространства:** d'un bout à l'autre des salles, entre les rayons vides ou pleins, parmi les infinis lacis de, une courette voisine, le jardin de l'hôtel, ma route, le mur qui bordait la route и т. д.;

- **расстояние:** à quelques kilomètres de, à quinze kilomètres de là, de Marseille à Tunis, un peu à l'écart dans la prairie и т. д.;

- **направление:** le long de trois couloirs parallèles, vers le milieu, la direction de l'Afrique, un voyage à Tunis, mon retour en France, ma démarche и т. д.

Особую группу в выражении пространственных отношений составляют глаголы и глагольные словосочетания, указывающие на местонахождение и перемещение в каком-то жизненном пространстве, на способ и направление движения. Определить направление движения — значит указать на положение в пространстве одного лица относительно другого лица или относительно какого-то места.

Среди глаголов и глагольных словосочетаний отмечены следующие лексико-семантические группы, обозначающие:

- **положение в пространстве:** *rester à l'écart, je m'y tenais, habiter (rue de Seine), (une dame) se tenait debout, assis ou couché (sur la paille), nous étions à table, était resserré (entre), que nous ne logeâmes pas, coucher à Zaghouan, donnaient sur, (quelques jours que) je vecus à Alger* и т. п.;

- **направленное движение:**

- а) *осуществляемое самостоятельно:* *nous remontions (la rue de Tourmon), nous traversions (le Luxembourg), je m'avançai, je m'embarquai, nous suivions (le boulevard), je reviens (à la rue de Grosne), y aller, nous entrions dans ..., où nous entrâmes, on sortait (du bain), se rapprocher lentement la montagne, traverser d'un bout à l'autre la terrasse, elle s'éloignait, (elles) vinrent me retrouver (à Paris), nous partîmes d'Alger* и т. п.;

- б) *осуществляемое под воздействием (другого лица):* *(on) m'emmena, mener (au Luxembourg)», (qui) l'avait remplacé (près de nous), (Wilde) me fit passer (dans la chambre), (Mohammed) nous conduisit (au quatrième étage)* и т. п.

- **направленное действие:** *je cédaï la place (à ma mère), nous quittâmes, quitter, qui s'installait..., nous héberger, reconduire, (elle veut me) descendre, m'y renfermer, je me glisse (sous une console), sortir (avec mon père), je l'accompagnais partout, regagnant Tunis, gagner Biskra par le sud, nous nous assîmes, (cette lettre) précipita mon départ, je m'enfonçais (dans le travail, nous nous promenâmes* и т. п.

В осуществлении локализации пространства участвуют **предлоги**, характеризующие местонахождение или перемещение автора:

- внутри, в центре описываемого пространства: *dans* (cette maison), *parmi* (les infinis lacis), *chez* (Mlle Fleur), *entre le mur <...> et la rivière;*

- рядом с другим лицом: *(près de* (ma bonne), *l'un près de* l'autre, *(m'attira) contre* (elle), *à côté de* (Mlle de Goecklin), *(tourner) auprès d'*(elle);

- рядом с каким-то объектом: *contre* (la rivière), *par-dessus* (la palissade), *devant* (la maison), *sous* (une console);

- за пределами объекта: *hors* (les murs),

- направление движения: *de chez* (Mme Lackerbauer), *vers* (moi) и т. п.

В тексте автобиографического произведения А. Жида имеются **наречия** с относительной семантикой, в которых, с одной стороны, «отражается указание на координаты речевого акта, с другой, в значении этих слов фиксируются пространственные отношения между предметами в объективной действительности» [15: с. 189]: *ici, là, y, en, près, partout, dehors, à gauche, au-dessus, en haut, en bas, aussi loin, très loin, en arrière, loin en arrière, debout.*

Разнообразные средства, образующие контекстуальный дейксис, используются для создания пространственного универсума произведения. С помощью этих средств аккумулируется определённый объём смысловой информации, включающий в себя само событие, короткое или продолжительное, место, где

оно происходило, степень участия в нём персонажа, его эмоции, часто даётся конечная оценка произошедшего, упоминается о том, какой след данное событие оставило в памяти, какие последствия оно имело в дальнейшем.

Так, например, вспоминая о фабрике (4), которой после смерти дяди Анри стала управлять его жена, А. Жид очень подробно описывает эту фабрику, все её постройки и сооружения, выполнявшиеся здесь работы, количество привлекаемых рабочих, отмечает её роль в жизни города Руана. В деталях описываются те уголки фабрики, где он со своими кузинами особенно любил проводить время, чаще всего тайком, без разрешения взрослых. Рядом с фабрикой была небольшая животноводческая ферма, которая оставила глубокий след в его памяти. В этом отрывке автор сообщает не только о конкретных событиях, поступках, состояниях, связанных с этими местами и последовательно разворачивающихся в отдельных эпизодах, но и о процессах эмоциональных, интеллектуальных, а главное, с позиций «себя сегодняшнего» рассказывает о тех впечатлениях, которые производило на него всё то, что там делалось.

(4) *La fabrique du Houlme était alors une des plus importantes usines de Rouen, dont le commerce était encore prospère. On n'y fabriquait point les tissus; on les imprimait seulement. Mais cette impression s'accompagnait d'une quantité d'opérations complémentaires, et occupait un peuple d'ouvriers. Il y avait, un peu à l'écart dans la prairie, un hangar de séchage tout en hauteur: l'air qui passait entre les claires-voies agitait constamment les toiles dont bruissaient les mystérieux frolements; un escalier en zigzag s'élevait en tremblant au travers d'une multitude de petits paliers, de couloirs et de passerelles qui vous perdaient parmi les infinis lacis verticaux des blanches banderoles fraîches, tranquilles et palpitantes. Contre la rivière, un petit pavillon toujours clos, où se fabriquaient en secret les couleurs, exhalait une odeur bizarre et que l'on finissait par aimer. Dans la salle des machines je serais volontiers resté des heures à contempler le passage des toiles sous les rouleaux de cuivre brillant <...>; mais il ne nous était pas permis, à nous enfants, d'y aller seuls. En revanche, nous entrions sans demander la permission dans le grand magasin, chaque fois que nous en trouvions la porte ouverte. C'était un vaste bâtiment où s'empilaient en ordre les pièces d'étoffe imprimée, enroulées et prêtes à être livrées au commerce. A chacun des étages, des wagonnets, sur trois lignes de rails couraient d'un bout à l'autre des salles, le long de trois couloirs parallèles, entre les rayons vides ou pleins. Suzanne, Louise et moi, chacun sur un des wagonnets, nous organisions de pathétiques courses. Emmanuele ne nous accompagnait pas dans le magasin, <...>.*

A côté de l'usine s'étalait la ferme, avec une basse-cour modèle et une grange immense <...>.

Le jardin était resserré entre le mur qui bordait la route, et la rivière. Au centre, une pièce d'eau dont l'exiguïté contournée eût fait rêver Flaubert. Un ridicule joujou de pont de métal la traversait. Le fond du bassin était cimenté, et, sur ce fond, semblables à des débris végétaux, quantité de larves de phryganes se traînaient dans leur bizarre

fourreau de brindilles. J'en élevais dans une cuvette, mais dus quitter le Houleme avant d'avoir pu assister à leur transformation. [1: с. 98–99].

Точно так же подробно, с мельчайшими деталями описывает он улицы, дома, комнаты, где он жил, где учителя давали ему частные уроки, апартаменты в отелях, места, по которым он путешествовал, и т. п.

Таким образом, разнообразие пространственных локализаторов объясняется позицией автора, его манерой и способами представления своих воспоминаний и их комментирования и, следовательно, связано со структурированием автобиографического текста, с соотносением частей текста, с последовательностью имевших место событий. Другими словами, в автобиографическом произведении А. Жида прослеживается связь данных дейктических указателей с «Я» — автора-рассказчика, с его внутренним миром как исходной точкой воспоминаний, пережитых впечатлений, переживания и осмысления истории своей жизни на основе накопленного опыта. Собственно авторская речевая партия как носитель и транслятор его замысла, его идеи позволяет объединить разнородные пространственные сферы в единое целое и размышлять о значимости и ценности тех или иных событий, оказавших влияние на становление его личности. Тем самым реализуются текстосвязующие функции: функция пространственной ориентации и функция развёртывания содержания.

Библиографический список

Источники

1. *Gide A.* Si le grain ne meurt: coll. Folio / A. Gide. – Paris: Editions Gallimard, 1920–1924. – 373 p.

Литература

2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

3. *Бахтиозина М.Г.* Семантические составляющие образа автора в литературно-художественном тексте: монография / М.Г. Бахтиозина. – М.: КДУ, 2009. – 144 с.

4. *Борботько В.Г.* О языковой эвалюативности в дискурсивном процессе / В.Г. Борботько // Проблемы коммуникативной лингвистики: сб. науч. тр. – Грозный, 1985. – С. 11–17.

5. *Борисова И.Н.* Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 21–48.

6. *Бюлер К.* Теория языка / К. Бюлер. – М.: ИГ «Прогресс: Универс», 1993. – 504 с.

7. *Кибрик А.А.* Местоимения как дейктическое средство / А.А. Кибрик // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 201–236.

8. *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.

9. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / Дж Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – С. 262–285.

10. *Новикова Е.Г.* Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, защищена 14.02.2006 г. / Е.Г. Новикова; Ставропольск. гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 255 с.
11. *Савельева Е.Б.* Темпоральная организация авторского присутствия (на материале автобиографического романа А. Жида «Si le grain ne meurt...») / Е.Б. Савельева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 4. – Ч. 1. – С. 171–175.
12. *Сребрянская Н.А.* Статус дейктических проекций в художественном тексте / Н.А. Сребрянская // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 1. – С. 18–27.
13. *Трусова В.А.* Пространственно-временная картина мира в художественной прозе С. Крейна / В.А. Трусова // Проблемы коммуникативной лингвистики: сб. науч. тр. – Грозный, 1985. – С. 115–119.
14. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 208 с.
15. *Филлмор Ч.* К описательной структуре для пространственного дейксиса / Ч. Филлмор // Речь, Место и Действие. – Chichester, Нью-Йорк, Сингапур: Джон Вилей и Сыновья, 1982. – С. 31–59.

Справочные и информационные издания

16. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 684 с.

References

Istochniki

1. *Gide A.* Si le grain ne meurt: coll. Folio / A. Gide. – Paris: Editions Gallimard, 1920–1924. – 373 p.

Literatura

2. *Arutyunova N.D.* Predlozhenie i ego smý'sl: Logiko-semanticheskie problemy' / N.D. Arutyunova. – М.: Nauka, 1976. – 383 s.
3. *Baxtiozina M.G.* Semanticheskie sostavlyayushhie obraza avtora v literaturno-xudozhestvennom tekste: monografiya / M.G. Baxtiozina. – М.: KDU, 2009. – 144 s.
4. *Borbot'ko V.G.* O yazy'kovoj e'valuativnosti v diskursivnom processe / V.G. Borbot'ko // Problemy' kommunikativnoj lingvistiki: sb. nauch. tr. – Grozny'j, 1985. – S. 11–17.
5. *Borisova I.N.* Diskursivny'e strategii v razgovornom dialoge / I.N. Borisova // Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoj kul'tury'. – Ekaterinburg: Argo, 1996. – S. 21–48.
6. *Byuler K.* Teoriya yazy'ka / K. Byuler. – М.: IG «Progress»: Univers», 1993. – 504 s.
7. *Kibrik A.A.* Mestoimeniya kak dejkticheskoe sredstvo / A.A. Kibrik. // Chelovecheskij faktor v yazy'ke: Kommunikaciya, modal'nost', dejksis – М.: Nauka, 1992. – S. 201–236.
8. *Kolshanskij G.V.* Kontekstnaya semantika / G.V. Kolshanskij. – М.: Nauka, 1980. – 149 s.
9. *Lajonz Dzh.* Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku / Dzh. Lajonz. – М.: Progress, 1978. – S. 262–285.

10. *Novikova E.G.* Yazy'kovy'e osobennosti organizacii tekstov klassicheskogo i setevogo dnevnikov: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01, zashhishhena 14.02.2006 g. / E.G Novikova; Stavropol'sk. gos. un-t. – Stavropol', 2005. – 255 s.
11. *Savel'eva E.B.* Temporal'naya organizaciya avtorskogo prisutstviya (na materiale avtobiograficheskogo romana A. Zhida «Si le grain ne meurt...») / E.B. Savel'eva // Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2013. – № 4. – Ch. 1. – S. 171–175.
12. *Srebryanskaya N.A.* Status dejkticheskix proekcij v xudozhestvennom tekste / N.A. Srebryanskaya // Vestnik VGU. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya». – 2005. – № 1. – S. 18–27.
13. *Trusova V.A.* Prostranstvenno-vremennaya kartina mira v xudozhestvennoj proze S. Krejna // Problemy' kommunikativnoj lingvistiki: sb. nauch. tr. / V.A. Trusova. – Grozny'j, 1985. – S. 115–119.
14. *Ufimceva A.A.* Tipy' slovesny'x znakov / A.A. Ufimceva. – 3-e izd. – M.: Editorial URSS, 2011. – 208 s.
15. *Fillmor Ch.* K opisatel'noj strukture dlya prostranstvennogo dejksisa // Ch. Fillmor. Rech', Mesto i Dejstvie. – Chichester, N'yu-Jork, Singapur: Dzhon Vilej i Synov'ya, 1982. – S. 31–59.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

16. Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva. – M.: Sov. e'nciklopediya, 1990. – 684 s.

А.И. Изотов

К проблеме построения учебного словаря субстандартного языка

Языковая ситуация на части постсоветской территории сравнивается с языковой ситуацией, сформированной в Чехословакии после 1918 года. Излагаются принципы построения на материале входящего в состав Чешского национального корпуса 1,3-миллиардного подкорпуса современных письменных текстов SYN учебного словаря наиболее распространённых слов (537 лексических единиц) обиходно-разговорного чешского языка, имеющих однословные литературные эквиваленты.

The language situation in some post-Soviet territories is compared with that in Czechoslovakia after 1918. The Czech Colloquial language is regarded in relation to Czech Literary language. The functioning of Czech Colloquial lexemes in the Czech National Corpus (namely the contemporary written texts subcorpus SYN of 1.3 billion tokens) is analysed. The frequency word list of 537 pairs of Colloquial Czech lexeme — Literary Czech lexeme with the same lexical meaning is worked out.

Ключевые слова: диглоссия; литературный язык; обиходно-разговорный язык; корпусные исследования; лексикография.

Keywords: diglossia; standard Language; colloquial language; corpus analysis; lexicography.

Анализируя тенденции в развитии языковой ситуации на постсоветском пространстве, нельзя не отметить типологическую схожесть языковой ситуации, формирующейся на значительной части территории современной Украины, с языковой ситуацией, сложившейся в Чехословакии в 1918 г. после обретения «чехословацким» языком статуса государственного (положенная в основу государственного строительства Чехословакии доктрина «чехословакизма» декларировала наличие «чехословацкого» языка, который реализуется в виде чешского языка на чешской территории и в виде словацкого языка на территории словацкой). Складывающиеся диглосные отношения литературного украинского языка и субстандартного украинско-русского койне, известного как «суржик», весьма напоминают диглосные (постдиглосные?) отношения современного литературного чешского языка (*spisovná čeština*) и так называемого «обиходно-разговорного» чешского языка (*obecná čeština*). Поэтому анализ истории развития чешской диглоссии может помочь нам в прогнозировании возможного развития языковой ситуации на части территории Украины, Белоруссии, а также, возможно, ряда других постсоветских регионов.

Несколько огрубляя существующее положение вещей, можно утверждать, что в результате ряда исторических событий (подробнее см. [3]) на большей

части современной Чешской Республики (западные две трети её территории) сложилась ситуация, близкая к ситуации классической диглоссии в понимании [9], когда в качестве «высокого идиома» выступает «литературный чешский язык» (*spisovná čeština*), а в качестве «низкого идиома» — «обиходно-разговорный чешский язык» (*obecná čeština*). На оставшейся восточной трети территории Чешской Республики в аналогичные диглосные отношения с литературным чешским языком может вступать местный диалект или интердиалект. Отметим, впрочем, что в последние годы как чешские [7], так и ведущие зарубежные богемисты [6] всё чаще говорят не о диглосной, а о постдиглосной ситуации, так как в связи с общей демократизацией дискурса нелитературные элементы всё чаще проникают в те сферы общения, которые ещё недавно были для них недоступны.

В 30-е годы XX века богемистами Пражского лингвистического кружка была сформулирована «теория языковой культуры», в соответствии с которой «литературный чешский язык» (*spisovná čeština*) является высшей формой существования языка чешской нации и осваивается в процессе получения формального образования. Большинство же «обычных», то есть не получивших такого формального образования чешских обитателей исторического королевства Богемия говорят на «обиходно-разговорном (букв. ‘обычном’) чешском языке» (*obecná čeština*), сформировавшемся на базе собственно чешских диалектов [10]. Помимо «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского» «теория языковой культуры» оперирует понятием «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), который предназначен для использования в неофициальных сферах общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский» [5]. Следует заметить, что в советской традиции термин *hovorová čeština* переводится на русский язык как «разговорный стиль чешского литературного языка». Этот «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), будучи свободным как от чересчур книжных, так и от просторечных элементов, был призван, по замыслу его пропагандистов, выступать в роли своего рода фильтра, через который элементы «обиходно-разговорного чешского» должны проникать в «литературный чешский», пополняя и обогащая его [4]. Схема *spisovná čeština – hovorová čeština – obecná čeština* продолжает использоваться до сих пор, хотя и вызывает всё больше возражений.

Самым уязвимым звеном данной схемы оказалось *hovorová čeština*. Как убедительно показали П. Сгалл и Й. Гронек, в ситуации непринуждённого общения даже весьма образованные чехи обращаются отнюдь не к некоему искусственно созданному для нужд интеллектуалов «разговорному чешскому», а к самому обыкновенному «обиходно-разговорному чешскому языку» [14]. Необходимо отметить и то, что внутренняя форма термина *hovorová čeština* провоцирует отождествление обозначаемого им понятия с устной речью, так что лингвистам время от времени приходится подчёркивать, что высказывание может быть устным, но не быть при этом «разговорным», и может быть «разговорным», будучи письменным [11: с. 53]. Нечёткость и непоследи-

тельность в употреблении термина *hovorová čeština*, связанные с неопределённостью обозначаемого им денотата, привели к тому, что один из наиболее авторитетных современных богемистов Фр. Данеш в работе, посвящённой динамике современной чешской языковой ситуации, назвал «разговорный чешский язык» (*hovorová čeština*) «химерой» [8].

Термин *obecná čeština*, конечно же, гораздо более устойчив, чем термин *hovorová čeština*, в чём легко убедиться, задав соответствующий поиск в чешском Интернете, однако и он подвергается критике, подробнее см. [2].

Свою роль в происходящем сыграла и произошедшая в богемистике так называемая «корпусная революция» [1], одним из следствий которой стала определённая тенденция к вытеснению дихотомии «литературный чешский» — «обиходно-разговорный чешский», господствовавшей в трудах исследователей прошлого века, дихотомией «письменный чешский» — «устный чешский». Поскольку исследователи обращаются к тем корпусам, которые имеются в наличии, то есть к корпусам письменных и устных чешских текстов (а отнюдь не к несуществующим корпусам «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского»), то и на выходе получают описания «письменного чешского» (чеш. *psaná čeština*, англ. *written Czech*) или «устного чешского» (чеш. *mluvená čeština*, англ. *spoken Czech*).

Мы полагаем, однако, что развитие корпусных технологий может оказаться полезным и для тех, кто остаётся в рамках старой парадигмы. Авторы написанной ещё в «докорпусную эпоху» монографии [14] предложили лингвистической общественности пробный вариант словаря наиболее важной, по их мнению, чешской обиходно-разговорной лексики (около 1000 единиц), снабдив каждую подобную лексическую единицу литературным эквивалентом (либо толкованием), а также пометой: *běž* — лексическая единица, общая и для обиходно-разговорного, и для литературного чешского языка; *ob* — лексическая единица обиходно-разговорного чешского языка, не маркированная в качестве стилистически сниженной; *n* — лексическая единица обиходно-разговорного чешского языка, маркированная как стилистически сниженная; *n.sl.* [букв. ‘низкие сленги’] — лексическая единица, характерная для нелитературной речи солдат, ремесленников и т. д.; *v.sl.* [букв. ‘высокие сленги’] — лексическая единица, характерная для нелитературной речи врачей, инженеров, студентов и т. д.; *expr* — экспрессивная лексическая единица; *pejor* — пейоративная лексическая единица; *zast* — устаревающая лексическая единица; *zhrub* — грубая лексическая единица. Ср. начало данного словаря (с нашим переводом на русский язык в квадратных скобках):

Slovo [‘слово’]	Ekvivalent [‘эквивалент’]	Vrstva [‘идиом’]	Styl [‘стиль’]
áčko	písmeno A [‘буква А’]		běž
ahoj	nazdar [‘привет!’]		běž
ajnlík	jednolůžkový pokoj [‘одноместный номер’]		n.sl.
ajznbnoňák	železničář [‘железнодорожник’]	ob	zast

Мы попытались выявить употребительность представленных в данном словаре лексем, а также их литературных эквивалентов в материале входящего в состав Чешского национального корпуса набора подкорпусов современных письменных текстов SYN общим объёмом 1,3 млрд токенов.

Поиск однословных лексических единиц осуществлялся с помощью простых запросов типа [lemma=>ajznboňák], находящих контексты употребления заданной лексемы (в данном случае лексемы ajznboňák ‘железнодорожник’) во всех её словоформах. Поиск не по лексеме, а по словоформе, который в неизмеримо меньшей степени зависит от надёжности стохастического анализа и основанной на нём автоматической разметки текстов корпуса, был бы более точен, однако он же и неизмеримо более трудоёмок, так как предполагает поиск всех теоретически возможных словоформ заданной лексемы ([word=“[Aa]jznboňák”] + [word=“[Aa]jznboňáka”] + [word=“[Aa]jznboňákoví”] + ...) с последующим суммированием результатов либо поиск типа [word=“[Aa]jznboňá.*”] с последующим визуальным анализом обнаруженных контекстов и удалением многочисленных дериватов и омографов, не относящихся к данной словоформе.

Для поиска не однословных лексических эквивалентов или же толкований приходилось использовать более сложные запросы, представляющие собой поиск по той или иной комбинации лексемы (lemma), словоформы (word) и грамматической матрицы (tag) в пределах одного предложения (within <s id=“.*”/>). Например, для поиска контекстов употребления лексического толкования *být potrestán za něco* ‘быть наказанным за что-либо’ использовался запрос ([lemma=“být”] [(lemma=“potrestat”) & (tag=“Vs.*”)]) [word=“za”) | [(lemma=“být”) [word=“za”) [] {0,3} [(lemma=“potrestat”) & (tag=“Vs.*”)]) within <s id=“.*”/>.

Тем самым определение частотности употребления входящих в однословные соответствия «лексема обиходно-разговорного чешского языка» — «лексема литературного чешского языка с той же семантикой» было наиболее простым и в то же время наиболее полезным для целей практического преподавания чешского языка как иностранного, так как оно позволяет установить иерархию приоритетов при знакомстве обучающегося с лексикой обиходно-разговорного чешского языка. О том, почему обучающемуся обиходно-разговорному чешскому языку следует начинать с фонетики и лексики, а не с морфологии [12: s. 82].

Мы дополнили таблицу из [14: s. 139–169] столбцами с полученными данными о числе обнаруженных нами контекстов употребления соответствующих лексических единиц, столбцы «Идиом» и «Стиль» разместили непосредственно после столбца «Слово» и добавили столбец «Лексическое соответствие в русском». Временно удалив из таблицы строки с дву- и многословными эквивалентами (такими как приведённые выше *áčko = písmeno A* [‘буква А’] или *ajnclík = jednolůžkový pokoj* [‘одноместный номер’]), а также строки, требующие дополнительного визуального контроля контекстов (случаи с различного рода омонимией или, наоборот, синонимией), мы получили таблицу однословных соответствий «лексическая единица обиходно-разговорного чешского языка» — «лексическая

единица литературного чешского языка», начало которой (в порядке убывания документированной частотности обиходно-разговорных лексических единиц) выглядит следующим образом:

Слово	Идиом	Стиль	Число найденных контекстов	Эквивалент	Число найденных контекстов	Лексическое соответствие в русском
gól	<i>běž</i>		400 702	branka	450 042	гол
šéf	<i>běž</i>		359 917	vedoucí	372 890	заведующий
jes(t)li	<i>běž</i>		289 763	jestliže	109 327	если
taky	<i>běž</i>		189 554	také	2 278 504	тоже
pořád	<i>ob</i>		181 478	stále	697 389	постоянно
fanoušek	<i>běž</i>		155 431	přívrženec	8207	сторонник
kluk	<i>běž</i>		151 781	chlapec	138 205	мальчик

Данная таблица, представленная полностью в [13], включает 537 однословных соответствий и позволяет определять (после перенесения её данных в Excel) не только абсолютную, но и относительную частоту употреблений как отдельной лексемы, так и сгруппированных по тому или иному принципу типов рассматриваемых лексем. Например, если мы примем общее количество зафиксированных употреблений той или иной обиходно-разговорной лексемы (А) и её литературного коррелята (В) за 100 %, то относительная частотность данной обиходно-разговорной лексемы будет равняться $A / (A + B) \times 100 \%$.

Мы видим, что приведённые выше лексические единицы в начале таблицы характеризуются не только высокой абсолютной, но и высокой относительной частотностью употребления: для gól — 47,10 % (с точностью до второго знака после запятой), šéf — 49,11 %, jes(t)li — 72,60 %, taky — 7,68 %, pořád — 20,64 %, fanoušek — 94,98 %, kluk — 52,34 %.

Это тем более удивительно, что в соответствии с данной таблицей и данной формулой расчёта (А — сумма документированных контекстов употребления всех лексем из первой колонки; В — сумма документированных контекстов употребления всех их литературных коррелятов) средняя относительная частотность лексемы из первой колонки была на порядок ниже и составляла приблизительно 5,2 %.

Средняя относительная частотность лексических единиц, снабжённых пометой *ob*, то есть характерных исключительно для обиходно-разговорного чешского языка, однако не маркированных в качестве стилистически сниженных, в три раза ниже относительной частотности лексических единиц, снабжённых пометой *běž*, то есть общих и для обиходно-разговорного, и для литературного чешского языка: речь идёт о 2,5 % и о 7,5 % соответственно. Если же мы будем учитывать также и лексические единицы обиходно-разговорного чешского языка, маркированные как стилистически сниженные (помета *ob* + помета *n*), то эта относительная частотность будет ещё ниже — 2,1 %.

Что же касается стилистических помет, то весьма высокой оказалась относительная частотность лексических единиц, маркированных как *грубые*, — 9,1 %, тогда как у слов, маркированных как *пейоративные*, *экспрессивные* или *устаревшие*, относительная частотность оказалась существенно ниже средней — 1,79 %, 0,95 % и 0,84 % соответственно.

Полученный нами частотный словарь однословных соответствий чешской обиходно-разговорной и литературной лексики не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим уже в силу того, что на это не претендует список лексем, изначально предложенный в [14]. Тем не менее употребительность в современных чешских письменных текстах (а во многих случаях — весьма высокая употребительность) тех лексических единиц обиходно-разговорного чешского языка, которые в нём представлены, следует считать эмпирически доказанной, что должно быть учтено как минимум в лексикологии современного чешского языка, стилистике, практической лексикографии и лингводидактике.

Мысль о том, что через некоторое время вполне возможно появление учебных словарей того, что сейчас не очень уважительно называют суржи́ком или (совсем неуважительно) трася́нкой, может показаться нелепой, однако разве могли жители Первой чехословацкой республики представить, что в учебниках чешского языка для иностранцев найдётся место и для языка улицы?

Библиографический список

Литература

1. *Изотов А.И.* Корпусная революция: от «искусства» к «науке» / А.И. Изотов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4 (22). – Ч. 1. – С. 68–71.
2. *Изотов А.И.* Обиходно-разговорный чешский язык — химера или реальность? / А.И. Изотов // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 12. – С. 69–72.
3. *Изотов А.И.* Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье / А.И. Изотов // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2013. – № 1. – С. 52–60.
4. *Bělič J.* Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné / J. Bělič // Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. – Praha: NČAV, 1958. – S. 59–71.
5. *Bělič J.* Bojujme za upevňování a šíření hovorové češtiny / J. Bělič // Český jazyk a literatura. — 1959. – S. 433–441.
6. *Bermel N.* O tzv. české diglossii v současném světě / N. Bermel // Slovo a Slovesnost. – Praha, 2010. – № 1. – S. 5–30.
7. *Čmejrková S., Hoffmannová J.* Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Ed. S. Čmejrková, J. Hoffmannová. – Praha: Academia, 2011. – 492 s.
8. *Daneš Fr.* Pojem „spisovného jazyka“ v dnešních společenských podmínkách / Fr. Daneš // Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. – Praha: PFUK, 1988. – S. 21–28.
9. *Ferguson Ch.* Diglossia / *Ch. Ferguson* // Word (15). – 1959. – P. 325–337.
10. *Havránek B.* Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura / B. Havránek // Spisovná čeština a jazyková kultura / Ed. B. Havránek, M. Weingart. – Praha: Melantrich, 1932. – S. 32–84.

11. *Hrbáček J.* Hovorová čeština / J. Hrbáček // Přednášky z XXXIV a XXXV běhu letní školy slovanských studií. – Praha: FFUK, 1995. – S. 53–61.
12. *Hrdlička M.* Kapitoly o češtině jako cizím jazyce / M. Hrdlička. – Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010. – 248 s.
13. *Izotov A.* A sketch of frequency list of the core of common/colloquial Czech lexis / A. Izotov // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 48. – М.: МАКС Пресс, 2014. – С. 5–25.
14. *Sgall P.* Čeština bez příkras / P. Sgall, J. Gronek. – Praha: H&H, 1992. – 182 s.

References

Literatura

1. *Izotov A.I.* Korpusnaya revolyuciya: ot «iskusstva» k «nauke» / A.I. Izotov // Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 4 (22). – Ch. 1. – S. 68–71.
2. *Izotov A.I.* Obixodno-razgovornyj cheshskij yazyk — ximera ili real'nost'? / A.I. Izotov // Al'manax sovremennoj nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 12. – S. 69–72.
3. *Izotov A.I.* Cheshskoe obixodno-razgovornoe kojne vs ruskoe prostorech'e / A.I. Izotov // Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika. – 2013. – № 1. – S. 52–60.
4. *Bělič J.* Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné / J. Bělič // Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. – Praha: NČAV, 1958. – S. 59–71.
5. *Bělič J.* Bojujme za upevňování a šíření hovorové češtiny / J. Bělič // Český jazyk a literatura. — 1959. – S. 433–441.
6. *Bermel N.* O tzv. české diglosii v současném světě / N. Bermel // Slovo a Slovesnost. – Praha, 2010. – № 1. – S. 5–30.
7. *Čmejrková S., Hoffmannová J.* Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Ed. S. Čmejrková, J. Hoffmannová. – Praha: Academia, 2011. – 492 s.
8. *Daneš Fr.* Pojem „spisovného jazyka“ v dnešních společenských podmínkách / Fr. Daneš // Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. – Praha: PFUK, 1988. – S. 21–28.
9. *Ferguson Ch.* Diglossia / Ch. Ferguson // Word (15). – 1959. – P. 325–337.
10. *Havránek B.* Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura / B. Havránek // Spisovná čeština a jazyková kultura / Ed. B. Havránek, M. Weingart. – Praha: Melantrich, 1932. – S. 32–84.
11. *Hrbáček J.* Hovorová čeština / J. Hrbáček // Přednášky z XXXIV a XXXV běhu letní školy slovanských studií. – Praha: FFUK, 1995. – S. 53–61.
12. *Hrdlička M.* Kapitoly o češtině jako cizím jazyce / M. Hrdlička. – Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010. – 248 s.
13. *Izotov A.* A sketch of frequency list of the core of common/colloquial Czech lexis / A. Izotov // Yazyk, soznanie, kommunikaciya. – Vy'p. 48. – М.: MAKS Press, 2014. – S. 5–25.
14. *Sgall P.* Čeština bez příkras / P. Sgall, J. Gronek. – Praha: H&H, 1992. – 182 s.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

**Е.Я. Григорьева,
А.И. Резникова**

**Педагогическая целесообразность
использования комикса на занятиях
по французскому языку**

Статья посвящена целесообразности использования французских комиксов в обучении французскому языку и межкультурной компетенции. Комикс рассматривается как аутентичный текст, являющийся носителем французской культуры и примером типичного коммуникативного поведения.

The article explores the pedagogical reasonability of comic strip usage in the French language teaching and intercultural competence development. The comic strip is regarded as an authentic text that appears to be a culture bearer and an example of typical communicative behaviour.

Ключевые слова: французский комикс; аутентичный текст; страноведческая ценность; обязательное произведение искусства.

Keywords: French comic strip; authentic text; cross-cultural value; obligatory piece of art.

Комикс является особым жанром массовой культуры, сочетанием изобразительного искусства и литературы. В зависимости от подхода, комикс рассматривают как вид искусства, жанр литературы, вид текста, вид массовой культуры, вид семиотической системы. Во Франции комиксы имеют такой же статус, как романы или фильмы, широкую читательскую аудиторию и выходят тиражом более 15 000 экземпляров. Многие ныне популярные фильмы — экранизации комиксов (французские: «Приключения Астерикса и Обеликса», «Приключения Тинтина», «Фантомас» и др; американские: «Бэтмен», «Супермен», «Человек-паук» и др.) Во Франции, США, Японии проводятся фестивали и выставки, посвящённые комиксам (Международный фестиваль комиксов в Ангулеме (Франция), Comic-Con (США), Комикет (Япония). В России комиксы пока не так популярны, однако постепенно интерес к ним всё более и более растёт. Ежегодно проводятся такие

фестивали, как Санкт-Петербургский международный фестиваль рисованных историй «Бум комиксов», международный фестиваль комиксов «КомМиссия» (Москва).

Дидактический потенциал, заложенный в комиксах, в течение ряда лет используется в образовательных системах мира — Японии, США, Франции. В США в 50-х годах XX века появилось даже такое понятие, как «образовательные комиксы», которые на данный момент служат не вспомогательной литературой, а основным источником информации, заменившим учебники по литературе и оригиналы многих литературных произведений. В Японии комиксы — манга широко применяются в школах для изучения истории и культуры страны. В России комиксы становятся объектом лингвистических исследований и всё больше привлекают внимание педагогов [4; 6]. Так, в 2002 году по инициативе журнала «Народное образование» был организован круглый стол «Комикс в образовании: есть ли польза от дела?».

Сегодня как отечественные, так и зарубежные методисты соглашаются в том, что аутентичные литературные произведения, а комиксы к таковым относятся, не только могут, но и должны быть использованы в качестве оригинальных учебных материалов, способствующих обогащению межкультурного опыта учащихся.

Более того, французские комиксы признаны национальным достоянием Франции, отражают французскую культуру, имеют высокую познавательную и страноведческую ценность. Благодаря комиксам носители языка приобщаются к собственной национальной культуре [2: с. 714]. Французский комикс как «облигаторное произведение искусства» (по Е.М. Верещагину, В.Г. Костомарову) является своеобразным источником культуры, который гармонично сочетает в себе черты французского национального характера, ценности и традиции, культурные реалии, разговорный язык, быт народа, что играет важную роль для преподавания французского языка и формирования межкультурной компетенции.

Комикс как явление культуры обладает страноведческими сведениями в следующих областях: повседневная жизнь (национальные праздники, одежда, еда и др.); условия жизни (уровень жизни, условия проживания и др.); межличностные отношения (в семье, на улице, в транспорте, на работе и др.); основные духовные ценности; невербальное общение и невербальные средства коммуникации.

Французские комиксы являются аутентичным текстом. Согласно определению Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина, аутентичный текст — это «реальный продукт носителей языка, не предназначенный для учебных целей и не адаптированный для нужд учащихся. Аутентичный материал характеризуется естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью языковых средств, отражает национальные особенности и традиции построения и функционирования текстов» [9: с. 34].

Использование аутентичных текстов в качестве учебного материала позволяет более эффективно реализовать коммуникативную, воспитательную, образовательную и развивающую цели обучения ИЯ; способствует формированию толерантного отношения к иностранному языку и культуре; мотивирует учащихся к изучению иностранного языка; развивает творческие способности учащихся, их воображение, обогащает социальным опытом.

Во французском комиксе как аутентичный текстовый материал используется естественный разговорный язык — лаконичные диалоги, которые обладают всеми характеристиками французской разговорной речи: «непринужденный и неофициальный характер общения; экспрессивность; отсутствие предварительного продумывания высказывания; эмоциональность; обобщенность; диалоговая форма высказывания; включение в речь междометий, частиц, вводных слов, обращений; широкое употребление обиходно-бытовой лексики и фразеологии; использование внелексических средств (ударение, интонация, паузы, темп речи и т. п.); преобладание простых предложений над сложными; использование вставных и присоединительных конструкций; лексические повторы; особый порядок слов» [5: с. 11].

Таким образом, французский комикс может стать наглядным средством обучения диалогической речи и использоваться для приобщения учеников к формулам речевого этикета и вежливого обращения. Тексты комиксов помогают имитировать на занятиях условия реального общения, создать атмосферу аутентичной ситуации коммуникации, служат информационным источником и средством повышения мотивации к изучению языка.

Нужно отметить, что комикс привлекателен для учеников благодаря наличию иконического компонента. Во-первых, он облегчает понимание вербального компонента, во-вторых, вызывает интерес у школьников, побуждая их к чтению и мотивируя к изучению иностранного языка, в-третьих, наличие картинок придаёт изучению языка непринуждённый характер.

Так, иллюстрации в обучении не только активизируют мыслительную деятельность учащихся, но и придают обучению эмоциональный характер: «то, что вызывает эмоциональное сопереживание — запоминается и осмысливается лучше, чем нейтральное, индифферентное» [3: с. 116].

В методическом аспекте тексты комиксов можно отнести к проективным текстам, которые уподобляются иллюстративному материалу. По Е.М. Верещагину, В.Г. Костомарову, такие тексты называются «экземплярными», потому что они, как правило, не охватывают всей проблемы, но выигрывают в интенсивности впечатления, оказывая влияние не только на разум, но и на чувства и эмоции читателя [2: с. 709].

Отметим, что информация, представленная учащимся в виде комикса, легче запоминается и впоследствии легче воспроизводится. Так, по мнению И.Л. Бим, «чем ярче, нагляднее, образней, ситуативней и мотивированней является предъявление действия, тем эффективней восприятие, внимание, пер-

вичное осмысление, запоминание» [1: с. 86]. Таким образом, использование комиксов в процессе обучения иностранному языку соответствует общедидактическому принципу наглядности.

У комиксов есть явное преимущество по сравнению с использованием видеоматериалов на занятиях по иностранному языку. В отличие от видео, идущего без пауз, текст комикса разбит на кадры, т. е. читатель может сам определять темп и скорость прочтения, не нужно успевать за заданным темпом, что соответствует принципу индивидуализации обучения. При необходимости обучающиеся могут вернуться к предыдущим частям произведения. То же самое можно сделать с печатным текстом, но не с видеоматериалом, который предполагает синхронное восприятие звуко- и видеорядов.

Благодаря наличию иллюстраций комикс понимается учащимися гораздо легче, чем художественный текст. Чтение является рецептивным видом деятельности и опирается на декодирование языковых знаков. Согласно проведённым исследованиям, форма знака всегда более чётко отображена в сознании, чем значение [4; 6]. Таким образом, ассоциация «форма — значение» облегчена тем, что при чтении комикса учащиеся опираются на иконический компонент.

Комикс имеет также преимущество по сравнению с учебным диалогом, так как речь героев ситуативно и коммуникативно обусловлена, рисунки иллюстрируют одну ситуацию. Это способствует более эффективному усвоению лексики и развитию грамматических навыков разговорной речи. Известно, что лексика, изучаемая в контексте, гораздо легче запоминается и впоследствии используется, чем отдельно взятые слова и их значения. И.Л. Бим пишет, что «чем ярче впечатление, произведённое словом, чем значительнее ситуация, в которой оно встречалось, чем больше в нём потребность, тем лучше оно запоминается» [1: с. 174]. Следовательно, освоение новых грамматических конструкций будет более эффективным с помощью иллюстраций комиксов, которые, в свою очередь, представляют собой контекст, создающий определённую визуальную ситуацию. Таким образом, использование комиксов на занятиях по иностранному языку не только интенсифицирует процесс обучения, но и делает его результативным.

Иконический компонент комикса предоставляет прекрасную возможность познакомиться с жестами, позами и мимикой французов. Это не только помогает школьникам правильно истолковать текст, но и знакомит их с поведением французов в различных жизненных ситуациях.

На страницах альбомов комиксов нередко используются изображения различных персонажей, которые являются карикатурами на реальных личностей (французских и зарубежных актёров, певцов, телеведущих, спортсменов) [7: с. 18]. Так учитель может познакомить детей с известными французами и их достижениями, что ещё раз подчёркивает значимость комикса как источника фоновых знаний.

Лексика французского комикса очень разнообразна. В текстах встречаются слова, относящиеся ко всем стилям и самым разным областям человеческой деятельности, в зависимости от сюжета альбома и замысла автора. Выбрав комикс на подходящую тему, учитель может интегрировать его практически в любой урок и использовать для семантизации и закрепления лексики. Достаточно лишь пролистать комикс Hergé «Objectif Lune» (Эрже «Цель — Луна») [8], чтобы увидеть наглядный лексический материал по темам «Одежда», «Внешность и характер человека», «Путешествия» и т. д.

В комиксах широко используются фразеологические единицы, пословицы и афоризмы, а также игра слов или каламбур. Очевидно, что, с одной стороны, это затрудняет понимание текста для обучающихся, но, с другой, служит хорошим страноведческим источником для преподавателя иностранного языка, так как данные выражения отражают языковую картину мира национального характера французского народа и помогают учащимся лучше познакомиться с культурой страны.

Тонкий французский юмор нашёл своё отражение на страницах комиксов. Так, например, комиксы «Астерикс» очень правдоподобно показывают особенности нации, реальные черты французов и обладают «чисто французским» юмором [7: с. 20], что, несомненно, играет важную роль при изучении национального характера и особенностей поведения французов.

Подводя итог, отметим, что французский комикс включает в себя фоновую, коннотативную, безэквивалентную лексику (фразеологизмы), французский юмор, страноведческую информацию; демонстрирует хорошие примеры французской разговорной речи с присущими ей особенностями (диалогичность, использование простых грамматических форм и конструкций); подробно иллюстрирует невербальные средства общения французов; содержит сведения о повседневной жизни французов.

Всё вышесказанное ещё раз подчёркивает, что французский комикс имеет огромный дидактический потенциал. Структурные и лингвистические особенности комикса оставляют широкий простор для выбора различных методических приёмов и указывают на целесообразность использования комикса в обучении французскому языку и формировании межкультурной компетенции.

Библиографический список

Литература

1. Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы / И.Л. Бим. – М.: Просвещение, 1988. – 255 с.
2. Верещагин Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1308 с.
3. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.

4. *Козлов Е.В.* Коммуникативность комикса: в текстуальном и семиотическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; защищена 15.11.1999 / Е.В. Козлов. – Волгоград, 1999. – 235 с.

5. *Лиходкина И.А.* Разговорная лексика в современном французском романе и её перевод на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20; защищена 02.03.2012 г. / И.А. Лиходкина. – М., 2011. – 22 с.

6. *Сонин А.Г.* Комикс как знаковая система: психолингвистическое исследование: на материале франкоязычных комиксов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; защищена 15.06.1999 г. / А.Г. Сонин. – Барнаул, 1999. – 236 с.

7. *Столярова Л.Г.* Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в текстах французских комиксов (на материале комиксов серии «Астерикс»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05; защищена 23.04.2012 г. / Л.Г. Столярова. – Воронеж, 2012. – 23 с.

8. *Hergé.* Les Aventures de Tintin. – Т. 16: Objectif Lune / Hergé. – Bruxelles: Casterman, 1993. – 64 p.

Справочные и информационные издания

9. *Азимов Э.Г.* Новый словарь методических терминов и понятий: (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.

References

Literatura

1. *Bim I.L.* Teoriya i praktika obucheniya nemeczkomu yazy'ku v srednej shkole / I.L. Bim. – М.: Prosveshhenie, 1988. – 255 s.

2. *Vereshhagin E.M.* Yazy'k i kul'tura / E.M. Vereshhagin, V.G. Kostomarov. – М.: Idrik, 2005. – 1308 s.

3. *Zimnyaya I.A.* Lingvopsixologiya rechevoj deyatel'nosti / I.A. Zimnyaya. – М.: MPSI, Voronezh: NPO «MODE'K», 2001. – 432 s.

4. *Kozlov E.V.* Kommunikativnost' komiksa: v tekstual'nom i semioticheskom aspektax: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19; zashhishhena 15.11.1999 g. / E.V. Kozlov. – Volgograd, 1999. – 235 s.

5. *Lixodkina I.A.* Razgovornaya leksika v sovremennom franczuzskom romane i eyo perevod na ruisskij yazy'k: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20; zashhishhena 02.03.2012 g. / I.A. Lixodkina. – М., 2011. – 22 s.

6. *Sonin A.G.* Komiks kak znakovaya sistema: psixolingvisticheskoe issledovanie: na osnove frankoyazy'chny'x komiksov: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19; zashhishhena 15.06.1999 g. / A.G. Sonin. – Barnaul, 1999. – 236 s.

7. *Stolyarova L.G.* Verbal'ny'e i neverbal'ny'e komponenty' kommunikacii v tekstax franczuzskix komiksov (na materiale komiksov serii «Asteriks»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05; zashhishhena 23.04.2012 g. / L.G. Stolyarova. – Voronezh, 2012. – 23 s.

8. *Hergé.* Les Aventures de Tintin. – Т. 16: Objectif Lune / Hergé. – Bruxelles: Casterman, 1993. – 64 p.

Справочные и информационные издания

9. *Азимов Э.Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Шшукин. – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЁНЫМ

А.В. Беляева

Система мотивов в письмах Г.Н. Кузнецовой

Статья посвящена мотивному анализу писем Г.Н. Кузнецовой, писательницы русского зарубежья первой волны, к её литературному сверстнику Л.Ф. Зурову. В письмах выделяется несколько сквозных мотивов: Парижа, зимы, праздников, цветов, искусства. Перечисленные мотивы помогают понять внутренний мир Кузнецовой, выявить её отношение к эмигрантской среде в Париже, к искусству, показать ностальгические чувства писательницы, тоскующей по России.

The article is devoted to the analysis of motifs in G.N. Kuznetsova's letters, a writer of the first wave of the Russian emigration, to L.F. Zurov, her literary contemporary. The regarded letters contain several leitmotifs, such as of Paris, winter, holidays, flowers, and arts. The mentioned motifs help to understand Kuznetsova's inner world and to reveal her attitude to the Russian emigrant community in Paris and to the arts. These motifs also show the writer's nostalgia for Russia.

Ключевые слова: Г.Н. Кузнецова; русское зарубежье; литературный мотив; письма.

Keywords: G.N. Kuznetsova; Russian Literature abroad; literary motif; letters.

Галина Николаевна Кузнецова (1900–1976) — писательница русского зарубежья первой волны, автор стихов, прозы, мемуаров [8: с. 706]. Её художественные произведения не издавались в России до 1995 года [5], внимание привлекал лишь мемуарный «Грасский дневник» (Вашингтон, 1967), в сокращённом виде включённый в том «Литературного наследства», посвящённый И.А. Бунину [6: с. 251–299].

Кузнецова жила в доме Бунина в Грассе с перерывами с 1927 по 1942 год. Там бывали многие литературные деятели эмиграции, например, И.И. Фондаминский, Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв, некоторые (Л.Ф. Зуров, Н.Я. Рощин) проживали постоянно; активно обсуждались вопросы литературы, кипела творческая жизнь. Важным событием стало для обитателей виллы «Бельведер» получение Буниным Нобелевской премии. Кузнецова ездила вместе с Буниным в Стокгольм на Нобелевские торжества.

«Грасский» период оказался для писательницы наиболее плодотворным в творческом отношении. За это время она издала сборник рассказов «Утро» (1930), автобиографический роман «Пролог» (1933), стихотворный сборник «Оливковый сад» (1937). Её творчество высоко оценили Вяч. Иванов, Г. Адамович, Г. Струве, П. Бицилли.

В настоящее время, когда изучение крупных писателей русского зарубежья уже достигло значительных результатов, внимание всё чаще обращается к «второстепенным» фигурам — с целью определить их самостоятельное значение в литературном процессе эмиграции.

В данной статье проводится мотивный анализ писем Г.Н. Кузнецовой к Л.Ф. Зурову из архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва). Леонид Фёдорович Зуров, писатель эмиграции, с 1929 года проживал с семьёй Буниных в Грассе. Некоторое время и он, и Кузнецова воспринимались как «ученики» Бунина, его «литературные дети». По свидетельству Кузнецовой, именно она обратила внимание «мэтра» на первые литературные опыты начинающего писателя из Риги, и она же вступила в переписку с Зуровым ещё до его приезда во Францию. Таким образом, их эпистолярное общение началось в 1928 году и продлилось до смерти Зурова в 1971 году.

Большая часть архива Кузнецовой находится за рубежом. Письма Кузнецовой к Зурову — одни из немногих архивных документов, доступных российским исследователям. Этот материал уже привлекал их внимание, но только как источник биографических и культурно-исторических фактов [2; 3]. В настоящей статье документальные тексты рассматриваются не только как фактографические источники, но и как «лаборатория» писателя, в которой концентрируются сквозные мотивы его творчества.

Мотив понимается как «устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста», который «может быть выделен как в пределах одного или нескольких произведений писателя, так и в контексте всего его творчества. Мотив более прямо, чем другие компоненты художественной формы, соотносится с миром авторских мыслей и чувств, но в отличие от них лишён относительно “самостоятельной” образности, эстетической завершенности. Только в процессе конкретного анализа “движения” мотива, в выявлении устойчивости и индивидуальности его смыслового наполнения он обретает своё художественное значение и ценность» [7: с. 230]. Поскольку Кузнецова была писателем субъективно-лирического склада, при анализе её творчества категория мотива оказывается особенно актуальной.

В теории литературы существует несколько различных трактовок мотива: семантическая, морфологическая, тематическая и др. В данной работе в качестве инструмента анализа эпистолярной прозы Кузнецовой принимается тематическая трактовка мотива, сформулированная Б.В. Томашевским [9: с. 191–199].

В проанализированных письмах Кузнецовой к Зурову выделяются мотивы пространственные (Парижа), условно-предметные (цветов, зимы), а также

мотивы, обозначенные абстрактно-символически (искусства, праздника, ностальгии).

В эпистолярных текстах Кузнецовой можно проследить несколько мотивов, дающих представление о личных переживаниях писательницы, её мыслях и чувствах. Например, часто возникает мотив Парижа, который раскрывается амбивалентно. С одной стороны, Кузнецова любит прогулки по городу, любит Париж как средоточие произведений искусства, но с другой стороны, этот город кажется ей враждебным для русской эмиграции, нередко жившей в нищете: «Я совсем не так воспринимаю Париж, как в первый раз, хотя мне и приятно в нём. Как плохо, плохо в нём русским! И вообще, я вижу, что сейчас совсем не Гётевские времена. Идите наслаждаться произведениями искусства, когда кругом такая беспросветность!» [4: л. 9]. Париж оказывает на Кузнецову гнетущее впечатление: «Вообще на этот раз Париж для меня не из весёлых, несмотря на ту “рассеянную жизнь”, которую мы ведём» [4: л. 15]. Она чувствует, как город поглощает её, лишает свободы и подчиняет своей воле: «Париж в общем вертит своё колесо и в него затягивает. Нельзя жить, как хочется. Надо идти туда и туда» [4: л. 19]. Кроме того, писательница чувствует себя «провинциалкой», ей комфортно в этом городе только в одиночестве. Ей неприятно ходить в гости, она стесняется своей бедности: «Париж лишь тогда приятен, когда я совсем одна, на улице. Прочее всё грустно. В домах стесняюсь своей несвежей одежды и стоптанных окончательно каблучков» [4: л. 17]. Париж отталкивает Кузнецову ещё и тем, что там она чувствует себя одинокой в среде молодых писателей: «В Париже было тяжело. Одиноко в литературном кругу “сверстников”, да и ничего я не писала, ничего не делала. Не знаю и сейчас, буду ли, смогу ли писать. Как-то всё мне грустно» [2: с. 262].

Тесно связанными с мотивом Парижа в письмах Кузнецовой оказываются размышления о писателях-эмигрантах. Она не понимает их деланой разочарованности и усталости от жизни: «Буду говорить о молодых: у них у всех какой-то утомлённый, убитый, манерный вид» [4: л. 6]. Их отношение к искусству как к способу заработка претит ей, ведь для неё писательство — это прежде всего священный акт творчества: «<...> никто здесь давным-давно не смотрит на это как на священнодействие, а как на обычную жизненную функцию вроде еды, о которой говорить в повышенном тоне просто дурной тон» [4: л. 6]. В письме от 1 марта 1929 года Кузнецова пишет Зурову о своём одиночестве среди молодых писателей, о том, что её взгляды на литературу не совпадают с их взглядами: «В Париже я пробую приобщиться к общей литературной жизни, но из этого немного выходит. Была на двух собраниях “молодых” — и грустно мне стало. Всё то, что я люблю, что мне важно и дорого в первую голову, — там даже не упоминается. Говорят другим языком, мыслят, очевидно, совсем иначе. Упрекают за то, что у всех “тяга к Богу”, не обращают внимания на чистоту языка» [2: с. 251].

По письмам Кузнецовой можно составить представление о её взглядах на искусство. Её привлекает лишь настоящий, истинный талант, остальное же

оставляет равнодушной: «Гофман играл мне на пианино и Вагнера, и Римского-Корсакова, и ещё кого-то, и всё это с листа, уверяя, что взял один урок в жизни. Впрочем, играет он плохо, деревянно, и я почти не слушала» [4: л. 8]. Кузнецова пишет о своих походах в театр, но заурядные пьесы, которые она там видела, производят на неё отталкивающее впечатление: «Я решила сходить в театр “Одеон” <...> В фойе бархат и позолота, бюсты, портреты Мольера, Расина, Корнеля и т. д., и т. д. И публика самая мещанская, и пьеса <...> сентиментально-банальная белиберда» [4: л. 10]. Кино также не вызывает у Кузнецовой восторга: «Была я ещё как-то днём на довольно известной здесь фильме “Трошова опера” <...> Много декадентских штук, но кое в чём он умён» [4: л. 14]. Лишённое жизни искусство не может произвести на писательницу такого яркого впечатления, как сама жизнь.

После скупого упоминания о просмотренном фильме Кузнецова в красках описывает китайцев — служащих кинотеатра, которые поразили её воображение: «Было это в синема “Пагода”, разводят там по местам настоящие китайцы в очень красивых костюмах и в самих них такая грация, что я невольно ими любовалась» [4: л. 14]. Кузнецова остро чувствует фальшь в искусстве. Например, описывая посещения галереи в Дрездене, где находится картина Рафаэля «Сикстинская мадонна», она с неудовольствием пишет о нагромождении роскоши, окружающей картину, так как она мешает восприятию шедевра: «Кроме того, поставлена она на пьедестал, точно на трон, вклеена в роскошную тяжёлую раму, вокруг неё гипсовый жгут, так что подойти очень близко нельзя, обои в комнате (она в отдельной) тоже роскошные, какой-то помпейский розовато-красный шёлк с тиснением — всё это очень затрудняет непосредственное восприятие» [4: л. 24]. Но истинное искусство глубоко трогает её душу. Так, описывая поездку в Швецию, она отмечает ратушу — «изумительной красоты здание — какой-то северный дворец дождей» [4: л. 31]. Также в одном из писем к Зурову Кузнецова замечает, что он бы обязательно оценил «чудесный Бамбергский собор XII века» [4: л. 75].

Авторские чувства могут раскрываться и через условно-предметные мотивы, например, мотив цветов. В своих первых письмах к Зурову, описывая виллу «Бельведер», Кузнецова упоминает растущие в саду цветы: «У нас сад полон цветущих ирисов, готовится множество роз. Да, хорошо всё, только душа грустна» [1: с. 262]; «Уже прохладно, хотя ещё цветут розы и гелиотроп в саду. Холода начнутся в ноябре. Помните, что здесь после захода солнца всегда очень холодно, невзирая ни на какой юг» [1: с. 279]. Позже, когда Зуров уже жил на вилле Бунина и разводил небольшой огород, Кузнецова в письмах часто спрашивала его о цветах в саду: «Как идут цветы? Взосли ли настурции? Полили ли Вы петунью?» [4: л. 13]; «Как поживают тюльпаны, настурции и петуньи?» [4: л. 15]; «У вас теперь дожди? Как с огородом?» [4: л. 38]. В 1939 году по возвращении на виллу «Бельведер» после пятилетнего отсутствия Кузнецову поразило «ощущение какого-то общего упадка» [4: л. 42], что подчёркивается упоминанием о «заглохших клумбах» [4: л. 42], которые прежде радовали её своей красотой.

Постоянно присутствующее в текстах Кузнецовой настроение грусти отчётливо проступает в описании праздников. Мотив праздников в письмах писательницы имеет оттенок разочарованности, оттого что она не ощущает ожидаемой от них радости. В письме, написанном перед Рождеством 1932 года, она пишет: «Приготовления к празднику заметны только по огромному количеству вещей, выброшенных на рынок. <...> Нас никто ещё не пригласил на сочельник — впрочем, И.А. пригласили для делового обеда Кульманы, но вряд ли это очень интересно, хотя и нужно» [4: л. 16]. Писательница не чувствует настроения приближающегося праздника: «Париж никак не рождественский в этом году!» [4: л. 17]. Совсем другое впечатление у Кузнецовой от Рождества в Германии (посещённой во время поездки на нобелевские торжества), где она в полной мере чувствовала праздничную атмосферу: «Немецкое Рождество очень отличается от французского. Ёлки, свечи, службы в кирхе» [4: л. 33]. Мирные картины приготовления города к Рождеству вызывают у неё детские воспоминания: «Сегодня также настоящие немецкие деревенские бабы перед высокими корзинками с деревенскими яблоками, двумя-тремя пучками моркови и одним рождественским гусём (уже начались рождественские гуси). В окнах магазинов с каждым днём всё больше пряников и марципанов. Знаете, как ни странно, но здесь атмосфера в некоторых отношениях гораздо больше будящая детские воспоминания, чем во Франции» [4: л. 38].

В письмах Кузнецовой, написанных из «нобелевского вояжа», встречается мотив зимы, которая для неё тесно связана с образом России: «Пейзаж на границе Германии и Швеции был совсем русский, снега уже не было, но озёра замерзли и в них, на берегу, стояла несжатая почему-то рожь... Как странно и приятно было давно забытое ощущение — зябли руки и ноги. Мне вообще в Германии вспомнилась революционная Россия» [4: л. 27]. Зимние пейзажи Геттингена напоминают ей пейзажи «невиданной» ею средней России [4: л. 38]: «Вокруг него <Геттингена> поля, очень похожие на русские (в миниатюре, конечно), и всюду берёзы, молодые и старые...» [4: л. 38]. Снег также вызывает у писательницы воспоминания о родине, и поэтому радуется ей: «Я в конце концов не выдержала и сбежала днём — хоть несколько минут прошлась по снегу — сегодня с утра мягкий снег, и для меня это просто наслаждение» [4: л. 31]; «Очень хочу снега, но боюсь, что не придется мне его увидеть — пока ещё не все листья даже облетели» [4: л. 39]; «У нас сегодня снежная метель к моей радости — перед ним был безнадежный ветер и дождь» [4: л. 79].

Таким образом, присутствующие в письмах к Зурову мотивы Парижа, искусства, цветов, праздников, зимы дополняют писательский облик Кузнецовой, помогают понять её внутренний мир, выявить отношение к эмигрантской среде в Париже, к искусству, показать ностальгические чувства писательницы, тоскующей по России. Перспективным представляется мотивный анализ других эпистолярных текстов Кузнецовой, а также художественной прозы и «Грасского дневника» с целью выявления сквозных мотивов её творчества.

Библиографический список

Литература

1. И.А. Бунин. Новые материалы. – Вып. 1. – М.: Русский путь, 2004. – 584 с.
2. Громова А.В. И.А. Бунин в письмах Г.Н. Кузнецовой к Л.Ф. Зурову / А.В. Громова // Орловский текст российской словесности: творческое наследие И.А. Бунина. – Вып. 2. – Орёл: ОГУ, 2010. – С. 83–94.
3. Демидова О.Р. Дневник как пространство умолчания / О.Р. Демидова // Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. – СПб.: Мир, 2009. – С. 3–24.
4. Зуров Л.Ф. Переписка с Г. Кузнецовой // Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. – Ф. 3. – Оп. 1. – К. 2. – Ед. хр. 50. – Л. 1–90.
5. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Г.Н. Кузнецова; сост. А.К. Бабореко. – М.: Московский рабочий, 1995. – 410 с.
6. Литературное наследство. – Т. 84: Иван Бунин. – Кн. 2. – М.: Наука, 1973. – 551 с.
7. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
8. Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь: в 2-х ч. / Под ред. Н.Н. Скагова. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1998. – 784 с.
9. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с.

References

Literatura

1. I.A. Bunin. *Novy'e materialy'*. – Vy'p. 1. – M.: Russkij put', 2004. – 584 s.
2. Gromova A.V. I.A. Bunin v pis'max G. Kuzneczovoj k L.F. Zurovu / A.V. Gromova // Orlovskij tekst rossijskoj slovesnosti: tvorcheskoe nasledie I.A. Bunina. – Vy'p. 2. – Oryol: OGU, 2010. – S. 83–94.
3. Demidova O.R. Dnevnik kak prostranstvo umolchaniya / O.R. Demidova // Kuzneczova G.N. Grasskij dnevnik. – SPb.: Mir, 2009. – S. 3–24.
4. Zurov L.F. Perepiska s G. Kuzneczovoj // Arxiv Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitczy'na. – F. 3. Op. 1. K. 2. – Ed. xr. 50. – L. 1–90.
5. Kuzneczova G.N. Grasskij dnevnik. Rasskazy'. Olivkovy'j sad / G.N. Kuzneczova; sost. A.K. Baboreko. – M.: Moskovskij rabochij, 1995. – 410 s.
6. Literaturnoe nasledstvo. – T. 84: Ivan Bunin. – Kn. 2. – M.: Nauka, 1973. – 551 s.
7. Literaturny'j e'ncziklopedicheskij slovar'. – M.: Sov. e'ncziklopediya, 1987. – 752 s.
8. Russkie pisateli. XX vek. Biobibliograficheskij slovar': v 2-x ch. / Pod red. N.N. Skatova. – Ch. 1. – M.: Prosveshhenie, 1998. – 784 s.
9. Tomashevskij B.V. Teoriya literatury'. Poe'tika / B.V. Tomashevskij. – M.: Aspekt Press, 1999. – 334 s.

С.В. Дудушкина

Лингвистические трудности автономного аудирования иноязычной речи

Статья посвящена проблеме формирования способности автономного аудирования студентов языкового вуза. Рассматриваются лингвистические особенности франкоязычных устных текстов как одна из категорий трудностей при автономном аудировании.

The article is devoted to the problem of forming the competence of autonomous listening comprehension while teaching language university students. The article considers linguistic particularities of French oral texts as a category of difficulties of autonomous listening comprehension.

Ключевые слова: принцип автономии студентов; автономное аудирование; фонетические, лексические, грамматические трудности.

Keywords: students' autonomy principle; autonomous listening comprehension; phonetic, lexical, grammatical difficulties.

В последнее время отмечен всплеск интереса к проблемам обучения восприятию и пониманию иноязычной речи на слух, что обусловлено увеличением числа источников аудиоинформации, а также расширением потребностей современного человека в оперативном извлечении информации из многообразнейших устных текстов с целью её использования в практических целях. При этом необходима актуализация специальной способности — «автономного аудирования», предполагающего самостоятельную мотивированную деятельность человека по поиску, оценке, пониманию и переработке сведений, полученных из аудиотекста.

Несмотря на немалое количество исследований в области обучения слуховой рецепции в методической науке, сам термин «аудирование» до сих пор трактуется неоднозначно. Наряду с общепризнанным определением данного явления как устного рецептивного вида речевой деятельности, аудирование может быть представлено и как активная мыслительная деятельность, и как умение, и как внутренний вид речевой деятельности, и как обратная связь (сторона) говорения, и как сложная мыслительно-мнемическая деятельность. Неоднозначность толкования аудирования и аудитивной способности обучающегося иностранному языку объясняется не только сложностью самого процесса понимания устной иноязычной речи, но и отчасти исторически сложившейся вариативностью подходов к обучению данному виду речевой деятельности.

Историю обучения аудированию можно проследить в ходе анализа трёх основных направлений развития методики обучения иностранным языкам

в XX веке, описанных К. Жермэном: комплексного, предусматривающего равнозначную важность и языка, и концепции обучения; лингвистического, при котором основное внимание сконцентрировано на языке; психологического, основу которого составляют психологические теории обучения [3].

Анализ имеющейся информации позволил обобщить данные в области подходов к обучению аудированию и свести их в формат таблицы, где наглядно отражено место аудирования в процессе обучения иностранным языкам (необходимое выделено жирным шрифтом) в разные периоды развития науки об обучении иностранным языкам.

Как видно из таблицы, немалое внимание уделялось формированию и развитию слуховых навыков с целью смыслового понимания звучащих текстов в истории развития методики обучения иностранным языкам.

Таблица 1

**Место аудирования в системе обучения иностранным языкам:
краткий исторический обзор**

	Методы и подходы	Место аудирования в обучении иностранным языкам
Комплексное направление Courant intégré	Аудиолингвальный метод (The Audio-Lingual Method / La méthode audio-orale)	Приоритет обучения отдавался устной речи , но практические занятия в большей степени ориентированы на структуру языка, автоматизацию, имитацию.
	Аудиовизуальный метод (The Audio-Visual Method / La méthode audio-visuelle structuro-globale)	
Лингвистическое направление Courant linguistique	Устный метод (The Oral Method or Situational teaching Method / La méthode orale ou situationnelle)	Приоритет отдаётся формированию устных навыков и умений. Слуховые ассоциации рассматриваются как первичные по отношению к моторным. Важнейшее значение уделяется пониманию . Упражнения направлены на развитие внимания и памяти.
	Коммуникативный подход (The Communicative Language Teaching / L'approche communicative)	
Психологическое направление Courant psychologique	Натуральный подход (The Natural Approach / L'approche naturelle)	Приоритет понимания (устного и письменного) на начальном этапе обучения. Доминирование формирования рецептивных способностей ; вектор обучения: от понимания к говорению. Слуховые навыки с учётом принципа ситуативности; предусматривается использование резервов памяти и интеллектуальной активности. Основное значение придаётся не формированию автоматизмов, а подготовке обучающегося к смысловому
	Метод физического реагирования (The Total Physical Response Method / La méthode par le mouvement)	
	Суггестопедический метод (Suggestopedia / La suggestopédie)	
	«Немой метод» (The Silent Way / La méthode par le silence)	

	Методы и подходы	Место аудирования в обучении иностранным языкам
Психологическое направление Courant psychologique	«Общинный» метод (The Community language learning methode / La méthode communautaire)	пониманию/развитию рецептивных способностей звучащих и письменных текстов.
	Подход, основанный на понимании (The Comprehension Approach / L'approche axée sur la compréhen- sion	

На современном этапе развития методической науки аудитивные навыки и умения продолжают исследоваться в той же функциональной заданности. На сегодня не подлежит сомнению тот факт, что овладение способностью к восприятию на слух обеспечивает формирование коммуникативной компетенции и её составляющих: лингвистической, социокультурной, социолингвистической и др.

Одновременно с констатацией вневременной значимости аудирования в теории и методике обучения иностранным языкам специальному исследованию не подвергалась способность к **автономному** аудированию. Иными словами, не исследовался вопрос об обучении аудированию с позиций реализации принципа автономии студента — принципа, согласно которому актуализируется высокая степень самостоятельности обучающегося и его независимость от внешних факторов. При этом обучающийся определяет собственные цели обучения иностранному языку, отвечающие его личным мотивационным установкам, а также осуществляет поиск путей их достижения согласно индивидуальному стилю учебной деятельности, анализирует и оценивает полученный результат соответственно собственному уровню развития критической рефлексии. Именно свобода выбора, сопряжённая с личной ответственностью, с высокой степенью сознания и мотивации, является квинтэссенцией принципа автономии, предполагающего равнозначное соотношение внешней независимости обучающегося и внутренней его зависимости от личностных факторов и способностей.

Способность к автономному аудированию предполагает осознание обучающимся важности развития аудитивных способностей для обеспечения полноценного иноязычного общения. Обладая высокой мотивацией и стремлением удовлетворить личные интересы, студент выстраивает процесс самостоятельного развития умений и навыков аудирования на основе постоянной эволюции знаний и умений в области иноязычного общения, собственного интеллектуального и социального опыта, фактических знаний реальности.

Принимая за основу выводы учёных, большинство которых подразделяет трудности обучения аудированию на две основные группы: специфические и неспецифические (Б.А. Лapidус); лингвистические и экстралингвистические (Е.В. Елухина, Е.Г. Скосоренко, Н.В. Агеева, О.В. Тунина); лингвистические

и психологические (М.Л. Вайсбурд, А.А. Миролубов, Е.И. Пассов, В.С. Цетлин), можно заключить, что трудности аудирования на основе принципа автономии студентов могут быть вызваны в первую очередь **лингвистическими особенностями франкоязычных устных текстов.**

В ряду таких трудностей особое место занимают сложности грамматического характера, связанные с аналитическим строем языка. Неменьшее значение имеют и трудности лексического свойства, вызванные значительным расширением объёма словаря, увеличением в нём количества слов с абстрактным значением, многозначных слов, слов, употребляемых в переносном значении, омонимов, омофонов, синонимов, антонимов, паронимов, фразеологизмов, а также трудности, связанные с расширением сочетаемости слов и усложнением контекста.

Существенное значение данных трудностей для аудирования подчёркивает французский исследователь Ф. Картон, настаивающий на необходимости дифференциации лексических и грамматических особенностей в обучении продуктивным и рецептивным видам речевой деятельности. Эту мысль автор объясняет тем фактом, что социальные роли, выполняемые человеком как слушателем в актах устного общения, гораздо более многочисленны и разнообразны, чем те, когда для решения коммуникативных задач от него требуется производство собственных высказываний.

Ф. Картон подчёркивает важность понимания значения слова, его лексического кода, который слушатель или читатель ищет в подтверждение своим ожиданиям (процесс вероятностного прогнозирования). Автор настаивает на особой работе по изучению словообразования, морфологической трансформации слова: во французском языке особую проблему для обучения составляет образование форм существительных и прилагательных женского рода и множественного числа, образование наречий. Для умения узнавать неправильные глаголы необходимо чётко различать их многочисленные корни (*pouvoir – peux – pu*), в то время как узнавание в речи форм правильных глаголов не представляет особого труда. Приоритет для грамматического аспекта отдаётся разнообразным способам образования вопроса и отрицания [4].

Вместе с тем даже на продвинутом этапе обучения следует учитывать и фонетические трудности, усложняющие решение такой задачи, как «понимание естественной, в том числе и разговорной, незамедленной речи *носителей* изучаемого языка» [1: с. 99]. Примером может служить проблема вариативности звуковой формы слова. Так, характерное для французского языка слитное произнесение слов в речевом потоке может до неузнаваемости изменить звуковой образ слова. К тому же звучащая речь насыщена произнесениями неполного типа, отражающими индивидуальные особенности говорения. В этой связи трудность может представлять даже распознавание числительных, фонетическая форма которых в звучащей речи значительно отличается от произнесения их письменной формы. Например, числительное *quatre* [katʁə] может звучать как [kat].

При понимании грамматического материала нельзя исключать трудности, связанные с неразвитостью у обучающихся фонематического слуха. Для наглядности можно говорить о сложности распознавания на слух одно-

сложных слов, в частности, предлогов, от понимания которых зависит выбор той или иной грамматической конструкции (например, *venir faire* — прийти сделать что-то, и *venir de faire* — только что, недавно сделать что-то — форма ближайшего прошедшего времени). Таким образом, трудности грамматического характера во многом обусловлены отсутствием у обучающихся аудитивного опыта усвоения грамматических конструкций — неразвитостью рецептивных грамматических навыков. Необходимость такого опыта вызвана несовпадением языкового материала, в том числе и грамматического, для чтения и аудирования (Н.В. Елухина, Б.А. Лапидус).

Нельзя не отметить и важную роль интонации, которая, будучи связана с фонетическим аспектом восприятия устной речи, может, однако, серьёзно препятствовать пониманию даже знакомых лексико-грамматических средств. Говоря о самостоятельном понимании, Б.А. Лапидус особое внимание обращает на фразы, где «интонация выступает в качестве единственного средства выражения данного эмоционально-модального смысла» [2: с. 122].

Таким образом, в категории лингвистических трудностей аудирования необходимо учитывать как трудности грамматического и лексического, так и фонетического характера. Преодоление трудностей данной категории поможет сформировать способность обучающихся к автономному аудированию, эффективность которого напрямую зависит от оперативности преодоления трудностей, возникающих в процессе выполнения данной деятельности.

Библиографический список

Литература

1. Лапидус Б.А. Обучение второму иностранному языку как специальности / Б.А. Лапидус. – М.: Высшая школа, 1980. – 175 с.
2. Лапидус Б.А. Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе: учеб. пособие / Б.А. Лапидус. – М.: Высшая школа, 1986. – 144 с.
3. Cornaire C. La compréhension orale / C. Cornaire. – Paris: CLE international, 1998. – 221 p.
4. Carton F. L'apprentissage différencié des quatre aptitudes / F. Carton // Didactique du Français Langue Etrangère. Marie-José Gremmo (dir). VERBUM P.U.N. 1995. – URL: http://www.epc.univnancy2.fr/EPCT_F/pdf/Apprentissage%20differ.pdf.

References

Literatura

1. Lapidus B.A. Obuchenie vtoromu inostrannomu yazy'ku kak special'nosti / B.A. Lapidus. – M.: Vy'sschaya shkola. – 1980. – 175 s.
2. Lapidus B.A. Problemy' soderzhaniya obucheniya yazy'ku v yazy'kovom vuze: ucheb. posobie / B.A. Lapidus. – M.: Vy'sschaya shkola, 1986. – 144 s.
3. Cornaire C. La compréhension orale / C. Cornaire. – Paris: CLE international, 1998. – 221 p.
4. Carton F. L'apprentissage différencié des quatre aptitudes / F. Carton // Didactique du Français Langue Etrangère. Marie-José Gremmo (dir). VERBUM P.U.N. 1995. – URL: http://www.epc.univnancy2.fr/EPCT_F/pdf/Apprentissage%20differ.pdf

Е.Э. Кистерева

Речь персонажей в сочинении испанского гуманиста Хуана де Вальдеса «Диалог о языке»

Статья посвящена особенностям речи персонажей в сочинении испанского гуманиста первой половины XVI века Хуана де Вальдеса «Диалог о языке» (1535–1536). Внимание уделяется функциям персонажа в разговоре и отображению характера собеседника в его речи.

The article deals with some features of the characters' speech in «Diálogo de la lengua» (1535–36) by Juan de Valdés, a Spanish humanist of the 1st half of the XVI century. In the focus are the personages' functions in the conversation and their character-mapping in speech.

Ключевые слова: Хуан де Вальдес; первые грамматики испанского языка; диалог Возрождения; Испания «Золотого века»; испанское Возрождение.

Keywords: Juan de Valdés; 1st grammars of the Spanish language; Renaissance dialogue; Spain of the Golden Age; Spanish Renaissance.

Посвящённое языку сочинение испанского гуманиста Хуана де Вальдеса «Диалог о языке» (Juan de Valdés, ¿1498/1500?–1547, *Diálogo de la lengua*, 1535–1536) являет собой выдающийся образец гуманистического диалога (термин широко используется в немецкой и испанской романистике). Созданный в рамках традиции древнегреческого и античного диалога, «Диалог о языке» написан в эпоху Возрождения, когда эта традиция переосмысливается по-новому и преобразуется в гуманистическую.

Хронотоп сочинения — художественная стилизация автора, который говорит устами четырёх персонажей. Это — сам Вальдес-персонаж (Valdés), Пачеко (Pacheco, соотечественник автора), итальянские друзья автора Марчо (Marcio) и Кориолан (Coriolano). Собеседники — носители разных культур (испанской и итальянской соответственно), не равны по социальному статусу, уровню владения языками (испанским и итальянским). Поэтому и речь персонажей различается стилистически и лексически. Как отмечает И. Лернер, информативная часть «Диалога» (обсуждаемые филологические вопросы) — это всего лишь составляющая художественного дискурса сочинения [4: p. 146].

Особенности речи персонажей могут быть отображением характеров действительных друзей самого Вальдеса или же полностью выдумкой автора (так как существование реальных прототипов персонажей не доказано).

Речь Вальдеса противоречива с точки зрения принадлежности к одному стилю. По словам друзей, Вальдес — самый искушённый из них в тонкостях кастильского языка. Владение разными пластами лексики и средствами языка

выражается в тексте через употребление Вальдесом-персонажем разнородной лексики, меняющей каждый раз стиль общения. Гуманист отдаёт предпочтение разговорному стилю, благодаря которому он может без конца шутить, иронизировать над собеседниками по поводу сказанного, например:

Valdés. Si me dixérades esto antes de comer, pusiéradesme en dubda (a) si lo deziades de verdad o no, pero considerando que es después de comer y creyendo que, con mostráros hombre del palacio, avéis querido celebrar vuestro combite, me resuelvo en no creeros nada de lo que dezís, y digo que, si queréis saber algo de mí, devéis dexar los donaires por agora, pues sabéis que, si yo tomo la mano, ganaréis conmigo lo que suele ganar un cossario con otro (b)¹ [2: p. 6–7].

В этой реплике, как и во многих других, Вальдес приводит поговорки, вплетая их в якобы серьёзные рассуждения. Поговорки (b), обычно присущие разговорному стилю, придают живость речи и облегчают понимание, но наравне с этим Вальдес употребляет фигуры речи, свойственные более высокому стилю (a). Эти особенности языка Вальдеса можно сравнить с языком текстов знаменитого, повлиявшего на развитие португальской словесности хрониста Ф. Лопеша, в структуру которых «вплетены разговорно-бытовая и устная публичная речь в диалогической и монологической формах» [3: с. 25].

Как умелый оратор, Вальдес не даёт собеседникам полностью модерировать диалог, а опускает вопросы, которые ему не нравятся, и делает акценты там, где ему выгодно:

Marcio. Nunca oí esse vocablo.

Valdés. ¿No? Luego no avéis oído una copla muy galana que...² [Ibid.: p. 146], — или отвечает вопросом на вопрос:

Coriolano. De manera que para saber esvibir bien ¿es menester saber primero pronunciar bien?

Valdés. ¿Quién no lo sabe esso?³ [Ibid.: p. 95].

Собеседник автора Пачеко — соотечественник автора, военный. В некоторых случаях Вальдес обращается к нему как носителю испанского, для подтверждения какого-либо явления языка. Но также Пачеко просит объяснения слов, которых он не встречал, но которые Вальдес использует в общении, например, при Дворе.

В характере Пачеко наравне с чертами типичного испанца находят отражение некоторые идеи самого автора. Например, Пачеко оказывается отнюдь не любителем церковников:

¹ *Вальдес. Если бы Вы сказали мне это до еды, то заставили бы меня задуматься (a), правду Вы говорите или нет. Но учитывая, что Вы говорите мне это после еды, и полагаясь на то, что, имея перед собой представителя Двора, Вы хотели хорошо провести вечер, — я не в состоянии поверить ни единому Вашему слову и заявляю: если Вы желаете от меня что-либо услышать, то должны сейчас же прекратить свои шуточки: Вы же знаете, если я возьмусь за дело, Вы от этого только выиграете, ведь свой своему поневоле друг (b).* (Здесь и далее перевод наш. — Е.К.)

² *Марчо. Никогда не слышал этого слова.*

Вальдес. Не слышали? Так Вы, наверно, и не слышали очень красивую коплу, которая...

³ *Кориолан. То есть чтобы писать хорошо, надо уметь правильно произносить?*

Вальдес. Кто этого не знает!

Pacheco. ¡O hi de puta y qué buen fraile! ¡Guijarrazo de villano y palo de sacristán!
Valdés. ¡Cómo os alteráis en oyendo hablar de frailes! Como si no fuesen hombres como nosotros.

Pacheco. Ya, ya, no curemos de más; pues vos defendéis a los frailes, yo quiero de ou más defender la cause del rey de Francia contra el Emperador⁴ [Ibid.: p. 130].

Несмотря на то, что Вальдес ценил теологию и веру, он весьма критично относился к служителям Церкви, что было частым среди гуманистов. Например, известно, что Вальдес в 1527–1529 годах в дружественной переписке с Диего Грасианом де Альдрете и Франсиско де Вергара сочиняли шутки и анекдоты про монахов и служителей Церкви. Поэтому Вальдес наверняка согласен со своим персонажем.

Пачеко оказывается любителем народного начала в языке:

Pacheco. Muy bien avéis dicho, porque en aquellos refranes se vee mucho bien la puridad de la lengua castellana⁵ [Ibid.: p. 14], — заявляя, что если бы это не было так чуждо его профессии, он бы погрузился в работу над собранием испанских пословиц и поговорок, подобно Эразму из Роттердама, который составил сборник латинских выражений [Ibid.: p. 15].

Хотя Пачеко не так разбирается в тонкостях языка, как уважаемый Вальдес, в некоторых вопросах проявляются всё же его вкусы. В частности, Пачеко «удивлён», что из уже доступных на кастильском языке книг Вальдесу нравятся только две («Enquiridion» Эразма и «Утешение философией» Боэция), и спрашивает о других, которые, как оказывается, Вальдес «не читал»: эпистолы картезианцев, эпистолы Синайского монастыря пера Иоанна Лествичника, также Блаженного Иеронима, Тита Ливия, Цезаря, Валерия Максима, Квинта Курция Руфа.

Марчо, итальянец, — самый активный участник разговора, не считая Вальдеса. Его речь образует рамку «Диалога», проясняя повод и цели беседы. Марчо устанавливает и порядок обсуждаемых вопросов (это перепоручает ему Пачеко, который признаётся, что «умеет более разрушать порядок, чем его устанавливать»⁶). Марчо задаёт больше всех вопросов Вальдесу и фактически выступает «модератором» разговора, возвращает Вальдеса к теме беседы, когда тот отвлекается, и даже делает тому замечания за лишние отступления:

Marcho. Esso basta. Y pues avéis començado, proseguid por su orden vuestros vocablos sin esperar que os preguntemos⁷ [Ibid.: p. 107].

Марчо всегда уделяет внимание деталям и ждёт от Вальдеса правил, которыми можно руководствоваться при говорении или письме. Марчо высказывает и своё мнение, например, что любому языку к лицу новые слова,

⁴ *Пачеко.* Сукин сын, ну, и монах! Вот проходимец, хорош церковничек!

Вальдес. Что ж Вы так раздражаетесь в разговоре о клире! Как будто они не такие же люди, как мы.

⁵ *Пачеко.* Да, да, оставим это. Так Вы защищаете церковников, а я бы сейчас лучше защищал короля Франции перед лицом императора.

⁶ «yo más m'entiendo de desordenar que de ordenar» [Ibid.: p. 19].

⁷ *Марчо.* Этого довольно. Вы начали, так уж продолжайте про свои слова без наших напоминаний.

но вопрос в том, применяют ли их для красоты или пользы [Ibid.: p. 41]. В этом прослеживается Вальдес-гуманист, который, допуская появление новых лексем в узусе, ратует за чистоту языка и простоту его использования.

Кориолан, самый немногословный из собеседников, как и Марчо, итальянец и представитель придворных кругов, желает прояснить для себя отдельные вопросы употребления кастильского языка, который пользуется авторитетом по всей Священной Римской империи, а не только в Италии [Ibid.: p. 6]. Именно Кориолан озвучивает идею со скрытой записью разговора:

Coriolano. Yo desseo siempre prevenir por no ser prevenido, y assí querría que pusuéssemos escondido en algún lugar secreto un buen escrivano para que notasse los puntos principales que aquí se dixessen <...>⁸ [Ibid.: p. 20].

Из всех собеседников Кориолан меньше всех разбирается в кастильском, возможно, поэтому он с большим удовольствием слушает, нежели задаёт вопросы. Обычно его речь немногословна и в реплике заключена одна мысль:

Coriolano. No solamente tengo esso por prudencia, pero ternía el contrario por iñorancia⁹ [Ibid.: p. 69].

Но Кориолан охотно участвует в обсуждениях, когда вопрос касается его родного итальянского языка (тосканского наречия). Также цитирует классиков (Квинтилиана), и именно Кориолан отмечает, что Вальдес любит приводить в пример поговорки, и одобряет это.

Из приведённых характеристик речи персонажей очевидно, что именно через поведение в разговоре каждого собеседника автор «Диалога» раскрывает читателю не только собственные взгляды о языке и его бытовании, но и особенности характеров своих друзей как отдельных языковых личностей и представителей испанской и итальянской культуры¹⁰, делится и некоторой экстралингвистической информацией, которая не может быть неинтересна читателю гуманистического диалога.

Из четырёх персонажей самым самобытным является Кориолан, потому как он не так часто (по нашему предположению), как Пачеко, Марчо и Вальдес-персонаж, представляет мнение Вальдеса-автора. Кориолан изображён истинным итальянцем, не так разбирающимся в испанском языке, но знающим цену родному. Благодаря Пачеко читатель узнаёт о некоторых экстралингвистических фактах и мнении коренного испанца. Марчо берёт на себя роль модератора диалога и ведёт себя в разговоре активнее всех. И, конечно, центральным персонажем, основной фигурой и «Сократом»¹¹ диалога выступает Вальдес.

⁸ *Кориолан.* Я всегда предпочитаю принять меры раньше, чем это сделает кто-нибудь ещё. Поэтому я бы хотел, чтобы мы поместили в тайный уголок хорошего писца, который заметил бы самое важное из того, что будет сказано.

⁹ *Кориолан.* Я не только считаю это благоразумным, но посчитал бы за невежество обратное.

¹⁰ Подробнее о формировании языкового употребления в «Диалоге о языке» см.: Кистерева Е.Э. О языковой компетенции в грамматической работе Х. де Вальдеса об испанском языке «Диалог о языке» (1535–1536) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. № 4 (33). – С. 233–234.

¹¹ «el Sócrates de este diálogo», – Х. Морено Вилья. Пролог к [1]: p. 17.

Но, несмотря на разное происхождение персонажей, их речь содержит большое количество маркеров прежде всего разговорной речи, в чём прослеживается прагматика автора в имитации спонтанной живой беседы и опора на народное начало языка и его фольклорное выражение.

Использование Вальдесом в «Диалоге о языке» разговорных средств кастильского языка, подкреплённое привлечением множества фольклорных единиц в дидактических и стилистических целях, раскрывает истинное стремление автора соединить синхронию и диахронию, вписав испанский язык в исторический контекст Возрождения.

Библиографический список

Источники

1. *Valdés J. de.* Diálogo de la lengua / J. de Valdés. – Madrid: Editorial Saturnino Calleja, 1919. – 283 p.
2. *Valdés J. de.* Diálogo de la lengua / J. de Valdés. – Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1946. – LXVIII, 230 p.

Литература

3. *Сапрыкина О.А.* Язык и словесное творчество средневековой Португалии / О.А. Сапрыкина. – М.: URSS, Красанд, 2010. – 285 с.
4. *Lerner I.* El discurso literario del ‘Diálogo de la lengua’ de Juan de Valdés / I. Lerner // Actas del VIII congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas-1983, II / Ed. por A. David Kossoff, J. Amor y Vázquez., Ruth H. Kossoff, Geoffrey W. Ribbans. – Providence, R. I. Madrid: Ediciones Istmo, 1986 – P. 145–150.

References

Istochniki

1. *Valdés J. de.* Diálogo de la lengua / J. de Valdés. – Madrid: Editorial Saturnino Calleja, 1919. – 283 p.
2. *Valdés J. de.* Diálogo de la lengua / J. de Valdés. – Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1946. – LXVIII, 230 p.

Literatura

3. *Sapry'kina O.A.* Yazy'k i slovesnoe tvorchestvo srednevekovoj Portugali i / O.A. Sapry'kina. – М.: URSS, Krasand, 2010. – 285 s.
4. *Lerner I.* El discurso literario del ‘Diálogo de la lengua’ de Juan de Valdés / I. Lerner // Actas del VIII congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas-1983, II / Ed. por A. David Kossoff, J. Amor y Vázquez., Ruth H. Kossoff, Geoffrey W. Ribbans. – Providence, R. I. Madrid: Ediciones Istmo, 1986 – P. 145–150.

А.Г. Курганова

Функции образа храма в «Стихах о Прекрасной Даме» А.А. Блока

В статье уточняются художественные функции образа храма в лирическом цикле Александра Блока «Стихи о Прекрасной Даме», рассматриваются источники формирования образа храма, анализируется его символическое значение в отдельных стихотворениях и в цикле в целом.

The article itemizes artistic functions of the image of the temple in the lyrical sequence by A.A. Blok's «Verses about the Fair Lady», examines the sources of creating the image. Its symbolic meaning is analyzed in certain selected poems and in the poetice sequence as a whole.

Ключевые слова: образ; храм; символика; авторский стиль; культурная эпоха.

Keywords: image; temple; symbolism; author's style; style of epoch.

Характер среды (семейный круг, литературное окружение, общество), в которой складывалось мироощущение А.А. Блока, в значительной степени обусловил проблематику творчества и авторский стиль поэта. Под влиянием его матери, по словам В.Ф. Ходасевича, религиозной и экстаичной [13], «ранняя блоковская лирика начала формироваться как тяготеющая к религиозному восприятию бытия» [6: с. 35]. Эпоха Серебряного века, к которой принадлежал поэт, — «это годы взлета разнообразных религиозных исканий» [8: с. 12]. Одной из определяющих концепций этого времени стала идея синтеза искусств и синтеза вообще. Обсуждению этого феномена был посвящен ряд трудов философов — современников А.А. Блока: Н.Ф. Фёдорова, Вяч.И. Иванова, П.А. Флоренского, Н.С. Трубецкого. «Под синтезом в самом общем смысле понимается, — отмечает И.Г. Минералова, — соединение разнохарактерных сторон и элементов в качественно новое единое целое. Но для деятелей Серебряного века весьма существенна была гегелевская вариация этого методологически безусловно верного осмысления, когда синтез является членом известной триады (тезис – антитезис – синтез), высшим и объединяющим в себе другие два члена, слитые в новое качество» [8: с. 12].

Феномен синтеза играет особую роль в литературной критике и в авторском стиле А.А. Блока. Блок принял концепцию развития символизма: «теза – антитеза – синтез», предложенную Вяч. Ивановым: «Я согласен с основными положениями В. Иванова, а также с тем методом, который он избрал для удобства формулировки» [2: с. 141]. Своё видение этой эволюции Блок описывает следующим образом: «Теза: “ты свободен в этом волшебном и полном соответствий мире”. Твори, что хочешь, ибо этот мир принадлежит тебе». Но по-

том «вся картина переживаний изменяется существенно, начинается “антитеза”, “изменение облика”, которое предчувствовалось уже в самом начале “тезы”» [2: с. 144].

Н.Ф. Фёдоров утверждал, что «все искусства могут быть объединены... в... *храме, и в службе, совершаемой в храме*» [12: с. 399]. По мнению Вяч. Иванова, «в богослужении вдохновенно и дружно сплетались Музы в согласный хор, и с незапамятных времен... естественно и вольно осуществляется... синтез. Что этот синтез может быть только литургическим, понимали и творец действия о Парсифале, и Скрябин» [5: с. 167]. С этим связана, в ряду прочих причин, особая роль в лирике А.А. Блока образа храма, при воплощении которого авторский стиль поэта, в особенности в ранний период, проявился с исключительной яркостью.

По мнению Т.В. Игошевой, «Образ храма у Блока одновременно вещественный и невещественный. Он представлен сразу и в качестве архитектурного сооружения и — поэтической метафоры природы как храма» [6: с. 362]. Принимая тезис исследователя в целом, подчеркнём, что названной метафорой содержательность и функции образа храма в лирике Блока никак не исчерпываются.

О ранней лирике Блока накоплена значительная научная литература. Ей в разное время были посвящены работы Д.Е. Максимова [7], З.Г. Минц [9, 10], Л.А. Долгополова [4] и многие другие. З.Г. Минц отмечала наличие в ней метасюжета: стихотворения, «хотя и сохраняют полную автономность как самостоятельные лирические произведения, вместе с тем являются всегда частью целого. ...На глубинно-сюжетном уровне это же целое связано с реализацией — нереализацией <в том числе> и связанного с Вл. Соловьевым “исходного мифа”» [10: с. 340]. На интегративное свойство лирики Блока, её особую сюжетность указывал и Д.Е. Максимов: «...поэзия Блока, как слаженная живая структура, организуется лирическими темами, сюжетами, символами, мифологемами — центрами поэтического движения <...> Эта исключительная целостность поэзии Блока... давала ему и дает нам право видеть в ней “роман в стихах”, в сущности единое развивающееся во времени произведение» [7: с. 41]. Несомненно, образ храма — один из упомянутых исследователем «центров поэтического движения».

Изначальный план сборника «Стихи о Прекрасной Даме» в качестве первой части содержал отдел «Храмы». В авторском замысле этот отдел соответствовал первому этапу лирического сюжета, который развивался «по линии спада мистического пафоса (от “Храмов” к отделам “На распутьях” и “Ужас”» [1: с. 400]. В этой связи художественный образ храма обретает уникальный авторский символизм, понимается как символ «тезы», начальной фазы развития лирического сюжета — райского сада, в котором происходит служение Душе Мира. А. Пайман, характеризуя проявления идеи Мировой Души в поэзии Блока, писала: «Умозрительное понятие о Мировой Душе, явленной избранным “рыцарям”

в романтической оболочке прекрасного, хотя и неприступного Женственного Существа, пришло к Блоку... от “мирского” чтения Платона в переводе Михаила и Владимира Соловьевых» [11: с. 67].

Кроме этой глобальной функциональности, связанной с символикой лирического сюжета, существуют локальные функции образа храма, раскрывающиеся в отдельных произведениях. Для их конкретизации рассмотрим стихотворения цикла «Стихов о Прекрасной Даме», в которых образ храма играет определяющую роль. Одно из них — «Вхожу я в тёмные храмы...» [1: с. 128].

Лирический сюжет стихотворения разворачивается в храме и проявляется, по сути, через благоговейный, близкий молитвенному, монолог главного героя, который находится в ожидании Прекрасной Дамы: «Вхожу я в тёмные храмы, // Совершаю бедный обряд. // Там жду я Прекрасной Дамы // В мерцаньи красных лампад». Способ описания действия стихотворения, локация, внешняя форма — характерны для лирики Блока. Л.К. Долгополов отмечал, что «Стихи о Прекрасной Даме» — «непростое жанровое образование», где «форма лирического монолога сочетается... с тенденциями литургического действия» [4: с. 46]. Содержание стихотворения формируется благодаря ассоциативным связям, создающим символическую сторону описываемых событий и переживаний: «...хотя для Блока главный эмоциональный комплекс — лирический, однако содержание цикла может быть истолковано и в мистическом плане (приобщение личности к духовной субстанции бытия), и в мистическо-утопическом (ожидание всеобщего обновления мира, когда “небо вернётся к земле”» [6: с. 340]. Это «Первое стихотворение Блока, в котором героиня названа Прекрасной Дамой» [1: с. 558], и одновременно одно из самых характерных. Ключом к его содержанию может быть авторская помета «На Пасху», подчёркивающая его литургическую составляющую и относящаяся, очевидно, не к дате написания (25 октября 1902 г.), а к изображаемому настроению [1: с. 557]. Лирический герой ожидает встречи с Прекрасной Дамой в храме, называет её «Святой», а её одеяние «ризами». Как отмечает Т.В. Игошева, «в поэтическом видении автора “Стихов о Прекрасной Даме” риза зачастую — метонимическое замещение Девы Марии» [6: с. 366], — т. е. очередная ассоциация, воплощающая литургический синтез. Правомерность подобной трактовки образа подтверждается самим А.А. Блоком, по словам которого Л.Д. Менделеева стала «земным воплощением пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности» [3: с. 52].

Первая функция образа храма раскрывается через характер его воздействия на состояние лирического героя, подобно тому как храм формирует эмоциональный настрой человека в реальности. Внутреннее убранство храма и храмовое действо должно через чувственное восприятие вызывать в нём определённое психо-эмоциональное состояние. Частично это явление передано и в рассматриваемом стихотворении, где храм в полноте своих архитектурных, интерьерных особенностей (художественных деталей произведения)

формирует значимые планы состояния лирического героя, его настроение и мысли. Например, «В мерцаньи красных лампад» добавляет мотив тревоги, боязни за возможное неосуществление встречи. В то же время высота храма, большое пространство придают мыслям лирического героя мечтательную отвлечённость: «Высоко бегут по карнизам // Улыбки, сказки и сны». Вторая функция образа храма определяется символикой. Храм придаёт встрече сакральность, подчёркивает её многозначность.

Рассмотрим стихотворение «Люблю высокие соборы...» [1: с. 103], знаковое для цикла «Стихи о Прекрасной Даме» тем, что в нём проявляется характерная для книги и всей «трилогии» поэта антитеза, и образ храма в её раскрытии играет важную роль. Лирический герой переживает духовный кризис, в его душе обнаруживается тёмное начало — «образ дьявольский и дикий». Боясь «души своей двуликой» («память о Двуликом», возможно, римском языческом боге Янусе или даже Антихристе), герой ищет защиты в храме, у Христа, но не из-за слабости веры получает её. В результате «содрогаются», «сморкают» хоры, и «толпа поющих» «в смятеньи» обращается в бегство. З.Г. Минц отмечала в этом стихотворении два момента, ключевые в осмыслении антитезы: «Во-первых, “дьявольское” (=“антинебесное”, то есть, по существу, земное) начало признано основным, сущностью, “образом”, в то время как “священное”, небесное — только “маска лицемерная”». Во-вторых... “дьявольское” в герое нимало не осуждается и вообще никак не оценивается, а лишь констатируется» [9: с. 28].

На первом плане стихотворения (содержание которого непосредственно навеяно идеями и лекцией Д.С. Мережковского [1: с. 528]) находится внутренняя жизнь лирического героя, отражается кризис, преобладание «дьявольского», духовное падение на этом пути: молитва его «суеверна» (суеверие — пустая вера), пуста, нежива — отсюда и отсутствие помощи со стороны Христа. Смирение в данном случае — лишь «маска лицемерная», скрывающая «лживые уста».

Для сравнения рассмотрим стихотворение «Ныне, полный блаженства...», центральным планом которого также становится внутренняя жизнь лирического «я», однако духовная борьба здесь обретает иной характер и иной финал. В нём лирический герой, обращаясь к Богу, восклицает: «*О, поверь моей молитве, // В ней душа моя горит! // Извлеки из жалкой битвы // Истомленного раба!*» [1: с. 52]. Варьируя строки Псалтири и лермонтовские образы, Блок изображает «жалкую», но битву, борьбу, мотивы которой задокументированы в его дневнике [1: с. 463]. В совокупности эти стихотворения своим содержанием означают различные планы внутренней жизни лирического «я», которые важны тем, что отражают личный духовный путь самого поэта, на котором, как и у каждого верующего человека, были искушения, подъёмы и падения, велась «невидимая брань».

Образ храма в стихотворении «Люблю высокие соборы...» обретает иной характер. Если изначально храм представлялся символом жизни, и жизни веч-

ной, райской, которая была характерна для «тезы», то здесь он в очах героя становится бездушным, мёртвым, что проявляется, в частности, через «мертвенное» «мерцанье свечей». Специфичность новых граней образа храма, его полярная образно-символическая трансформация, помогает увидеть новое отношение к миру лирического героя. Развитие лирического сюжета обостряет конфликт произведения, укрупняет его масштаб: изменение в образе храма отражает смену облика всего мира, появление символической «антитезы».

Образ храма является одним из ключевых в «Стихах о Прекрасной Даме». В композиции лирической трилогии он обозначает начальный этап становления поэтического мифа — в цикле «Стихи о Прекрасной Даме». В этой связи проявляется его масштабная функция, в рамках всего лирического метасюжета, — образ храма является символом тезы. Локальные функции образа храма в конкретных стихотворениях разнообразны. Это и создание определённого психо-эмоционального состояния лирического героя под влиянием синтетического храмового действия; и символизация происходящих событий, придание им сакральности, как для героя в рамках его личной жизни, так и для всего «мира». Кроме того, через образ храма, в частности, раскрываются этапы лирического сюжета произведения, цикла в целом, выявляется художественная — религиозно-мистическая и философская — проблематика. Образ храма в «Стихах о Прекрасной Даме» несёт на себе яркий отпечаток авторского индивидуального стиля.

Библиографический список

Источники

1. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20-ти тт. / А.А. Блок. – Т. 1. – М.: Наука, 1997. – 638 с.
2. Блок А.А. Собр. соч.: в 6-ти тт. / А.А. Блок. – Т. 4: Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921. – Л.: Художественная литература, 1982. – 464 с.

Литература

3. Блок А.А. Письма к жене / А.А. Блок // Литературное наследство. – Т. 89. – М.: Наука, 1978. – 415 с.
4. Долгополов Л.К. Александр Блок. Личность и творчество / Л.К. Долгополов. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
5. Иванов В.И. Собр. соч. / В.И. Иванов. – Т. 3. – Брюссель, 1979. – URL: http://www.rvb.ru/ivanov/toc_vol_3.htm (дата обращения 22.01.2014 г.).
6. Игошева Т.В. Ранняя лирика А. Блока (1898–1904). Поэтика религиозного символизма. / Т.В. Игошева. – М.: Глобал Ком, 2013. – 400 с.
7. Максимов Д.Е. Поэзия и проза Александра Блока / Д.Е. Максимов. – Л.: Советский писатель, 1981. – 552 с.
8. Минералова И.Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма / И.Г. Минералова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 256 с.
9. Минц З.Г. Поэтика русского символизма / З.Г. Минц. – СПб.: Искусство–СПБ, 2004. – 480 с.

10. *Минц З.Г.* Поэтика Александра Блока / З.Г. Минц. – СПб.: Искусство, 1999. – 727 с.
11. *Пайман А.* Ангел и камень. Жизнь Александра Блока: в 2-х кн. / А. Пайман; пер. с англ. А. Пайман. – Кн. 1. – М.: Наука, 2005. – 280 с.
12. *Фёдоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4-х тт. / Н.Ф. Фёдоров. – Т. 1. – М.: ИГ «Прогресс», 1995. – 518 с.
13. *Ходасевич В.Ф.* Блок и его мать / В.Ф. Ходасевич // Сogласие. – 1991. – № 8. – С. 173–178.

References

Istochniki

1. *Blok A.A.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 20-ti tt. / A.A. Blok. – Т. 1. – М.: Nauka, 1997. – 638 s.
2. *Blok A.A.* Sobr. soch.: v 6-ti tt. – Т. 4: Ocherki. Stat'i. Rechi. 1905–1921 / A.A. Blok. – L.: Xudozhestvennaya literatura, 1982. – 464 s.

Literatura

3. *Blok A.A.* Pis'ma k zhene / A.A. Blok // Literaturnoe nasledstvo – Т. 89. – М.: Nauka, 1978. – 415 s.
4. *Dolgoplov L.K.* Aleksandr Blok. Lichnost' i tvorchestvo / L.K. Dolgoplov. – L.: Nauka, 1978. – 175 s.
5. *Ivanov V.I.* Sobr. soch. / V.I. Ivanov. – Т. 3. – Bryussel', 1979. – URL: http://www.rvb.ru/ivanov/toc_vol_3.htm.
6. *Igosheva T.V.* Rannyya lirika A. Bloka (1898–1904). Poe'tika religioznogo simvolizma / T.V. Igosheva. – М.: Global Kom, 2013. – 400 s.
7. *Maksimov D.E.* Poe'ziya i proza Aleksandra Bloka / D.E. Maksimov. – L.: Sovetskij pisatel', 1981. – 552 s.
8. *Mineralova I.G.* Russkaya literatura Serebryanogo veka. Poe'tika simvolizma / I.G. Mineralova. – М.: Flinta: Nauka, 2011. – 256 s.
9. *Mincz Z.G.* Poe'tika Aleksandra Bloka / Z.G. Mincz. – SPb.: Iskusstvo–SPB, 1999. – 727 s.
10. *Mincz Z.G.* Poe'tika russkogo simvolizma / Z.G. Mincz. – SPb.: Iskusstvo–SPB, 2004. – 480 s.
11. *Pajman A.* Angel i kamen'. Zhizn' Aleksandra Bloka: v 2-x kn. – Кн. 1 / А. Pajman; per. s angl. А. Pajman. – М.: Nauka, 2005. – 280 s.
12. *Fyodorov N.F.* Sobr. soch.: v 4-x tt. Т. 1 / N.F. Fyodorov. – М.: ИГ «Прогресс», 1995. – 518 с.
13. *Xodasevich V.F.* Блок и его мат' / V.F. Ходасевич // Soglasie. – 1991. – № 8. – С. 173–178.

А.А. Сардарова

Психолингвистическая и лингвокультурная основа перевода художественного текста

В статье перевод художественного текста рассматривается в рамках психолингвистической концепции, а также с точки зрения способов преодоления лингвокультурной асимметрии. Автор подчёркивает ключевую роль переводчика как бикультурной языковой личности в процессе прагматической адаптации переводимого художественного текста.

The article treats translation of the literary text within a framework of the psycholinguistic conception as well as from the viewpoint of overcoming linguocultural asymmetry. The author accentuates key role of the translator as a bi-cultural language personality in the process of pragmatic adaptation of the translated literary text.

Ключевые слова: психолингвистика; переводчик, художественный текст; лингвокультурная адаптация.

Keywords: psycholinguistics; translator; literary text; linguocultural adaptation.

Рассмотрение теории перевода в рамках психолингвистики приводит к пониманию переводного текста как продукта, суммы технологий и процесса «комбинирования некоторого набора знаков (исходного и переводного текстов) и смыслового восприятия (для реципиента) набора знаков, предложенного реципиенту переводчиком» [9: с. 55–56].

Такой подход приобретает дополнительные характеристики, если мы говорим о переводе художественного текста. Так как художественный текст является проекцией культуры конкретного лингвокультурного сообщества, его перевод обеспечивает познание культурного опыта этого сообщества в новом этнокультурном пространстве. Следовательно, переводчик в этом процессе находится на пересечении двух картин мира — «своей» и «чужой». Это обусловлено тем фактом, что исходный текст является авторским воплощением картины мира, а деятельность переводчика как языковой личности находится под влиянием не только национальной, но и собственной индивидуальной картины мира, которые реализуются в исходном тексте и в тексте перевода. Иначе говоря, субъективная обусловленность присуща не только художественному тексту, но и художественному переводу, так как переводчик — это билингвальная языковая личность, обладающая индивидуальным сенсорно-мыслительным механизмом. Таким образом, при переводе художественного текста можно говорить о «столкновении ментальных пространств автора ис-

ходного текста и его переводчиков, т. е. их индивидуально-личностных особенностей» [7: с. 83]. Но так как переводчик стремится к равноценной реконструкции текста оригинала, возникает проблема адекватности перевода как некоего баланса, который должен быть достигнут при преодолении межкультурной асимметрии.

Данная часть нашей работы посвящена раскрытию способов решения вышеупомянутой проблемы, направленных в конечном итоге на преодоление межкультурной асимметрии. Мы считаем, что наиболее ярко применяемые переводчиками способы проявляются при переводе реалий, не имеющих точных эквивалентов в других языках. Именно такие реалии и были отобраны нами в ходе исследования из переводов романа М. Шолохова «Тихий Дон» на английский, итальянский и сербский языки [2; 3; 4].

Рассмотрим некоторые примеры.

Чирики. Объяснение данной реалии можно встретить в справочной литературе, посвящённой истории донского казачества: чирики — «туфли с гладкой подошвой и вырезом сверху, которые носились на шерстяных чулках как казачками, так и казаками» [5: с. 87]. Сравним передачу данной реалии в анализируемых нами текстах.

*Григорий стянул с подвески будничные шаровары, вобрал их в белые шерстяные чулки и долго надевал **чирик**, выправляя подвернувшийся задник* [1: с. 7].

*Английский. Grigory pulled his everyday trousers down from a peg, drew them on, tucked the legs into his white woolen socks, and slowly put on his **sandals**, straightening out the trodden-down heel* [2: p. 13].

Едва ли данный способ передачи русской реалии на английский язык можно считать адекватным, хотя функциональное сходство обеспечено. Но стирание национального колорита в данном случае снижает адекватность перевода всей фразы, так как иностранному читателю трудно представить *sandals*, которые носятся с шерстяными чулками.

*Итальянский. Grigorij tirò giù dall'attaccapanni le brache di fatica, si vestì, infilò i piedi nelle calzette di lana bianca e armeggiò a lungo con una **ciabatta** («туфля без задника, стоптанный башмак») aggiustando il calcagno piegato* [3: p. 10].

*Сербский. Smičući, Grigorije smače s vešaljke svakidašnje čakšire, uvuče ih u bele vunene čarape i dugo je nazuvao **cipele** («туфли, ботинки»), ispravljajući podvijeni zadnji deo* [4: s. 9].

Итальянский и сербский переводчики использовали аналоги из языков-реципиентов, которые не только не передают национальный колорит, но в случае итальянского текста затрудняют понимание, так как «выправить подвернувшийся задник» у туфель без задника нельзя.

Еще одним примером неудачного переводческого решения является передача реалии *шаровары с лампасами*:

Дружко — Петро — в черном сюртуке и голубых с лампасами шароварах... [1: с. 83].

Английский. *Pyotr was the best man. He was dressed in a black frock-coat and blue striped trousers...* [2: p. 81].

Итальянский. *Piotr; garzone d'onore, in divisa nera e brache azzurro chiaro listate...* [3: p. 85].

Сербский. *Dever Petar u crnom dugačkom kaputu na struk i plavim čakširama s lampazima...* [4: s. 84].

Все переводчики, прибегнув к гиперонимической замене, исказили описываемую реальность, так как казаки носили шаровары, а не брюки или штаны. Реалия *лампасы* передана только сербским переводчиком, так как она присутствует в сербской культуре. Для английского и итальянского переводчиков она, видимо, осталась непонятой. Таким образом, создаётся неверная картина казацкого быта, где казаки носили *голубые полосатые брюки* (английский перевод), *штаны, обрамлённые каймой* (итальянский перевод), что никак не соответствует реальности, описываемой М. Шолоховым. Ближе всего она воссоздана сербским переводчиком — *штаны с лампасами* — благодаря близости славянских национальных костюмов.

Примером удачного преодоления межкультурной асимметрии является следующий:

Сало... и откидное кислое молоко, привезенное из дому в сумке, — весь обед [1: с. 40].

Английский. *Bacon — fat... and sour skimmed milk, brought from home in a bag, were the entire meal* [2: p. 43].

Итальянский. *Lardo... e latte cagliato portato da casa nelle borse di tela...* [3: p. 44].

Сербский. *Slaninu... i kiselo mleko, doneto od kuće u torbi, — to je sav ručak* [4: s. 42].

В данном случае бытовые реалии представлены посредством описательного перевода (в английском и итальянском тексте) и использования аналога в сербском, и понимание не вызывает затруднений.

Таким образом, преодоление межкультурной асимметрии может иметь как положительный характер, так и отрицательный, то есть приводить к переводческим ошибкам.

Л.В. Кушнина подчёркивает, что каждый переводчик создаёт и видит свой образ-гештальт текста, поэтому каждый перевод уникален, он является результатом уникальной конфигурации переводческого пространства, где переводчик не копирует авторскую мысль, а делает её своей, неповторимой, не разрушая при этом замысел автора [6]. Вот как, например, переводчики романа М. Шолохова «Тихий Дон» передают ситуацию сватовства Митьки:

— *Выходи за меня замуж, Лизавета, а?.. Жалеть буду, кохать буду...* [1: с. 109].

Английский. — *Liza, will you marry me?... I'll be good to you, I'll look after you...* («Буду хорошо к тебе относиться, буду о тебе заботиться») [2: p. 105].

Итальянский. — *Sposami, Lisaveta... T'amerò, avrò cura di te...* («Буду тебя любить, буду о тебе заботиться») [3: p. 110].

Сербский. — *Udaj se za mene, Lizaveta, a?... Čuvaću te, voleću te...* («Оберегать тебя буду, любить буду») [4: s. 108].

В сознании русского человека понятия любви и жалости очень близки, и, опираясь именно на них, Митька делает предложение Елизавете. Для англо- и италоязычного социума понятнее апелляция к хорошим отношениям и заботе, что и передано английским и итальянским переводчиком. В сербском варианте перевода Митька обещает *любить и оберегать*, что, вероятно, соотносимо в сербской и славянской культуре.

Переводной текст характеризуется вторичностью и установкой на замещение исходного феномена в другой лингвокультурной среде. Вполне понятно, что очевидное для реципиента в первичном коммуникативном акте может быть совершенно непонятным для реципиента во вторичном коммуникативном акте. Следовательно, стремясь достигнуть коммуникативной равноценности и адекватности воздействия, переводчик должен прибегнуть к прагматической адаптации, под которой понимается «внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателем оригинального и переводного текста» [9: с. 242]. Установка на реципиента является элементом прагматики перевода и может проявляться во введении в текст перевода дополнительной информации поясняющего характера или опущении излишней информации, интерпретации авторского текста с целью донесения до реципиента перевода эмоционального воздействия, адекватного исходному тексту. Переводчик, являясь бикультурной языковой личностью, как бы фильтрует те элементы, которые сигнализируют о принадлежности текста к иной культуре. Таким образом, прагматическая адаптация детерминирует переводческие действия на этапе создания текста перевода. Приведем некоторые примеры.

В романе М. Шолохова широко представлены реалии, обозначающие православные праздники — *Троица, Спас, Крещение*. Помимо религиозного содержания данные лексемы передавали отрезки времени, с которыми казаки соотносили события своей жизни, и именно в этом значении они употребляются в романе.

1. *За два дня до троицы* [1: с. 34]

Английский. *Some two days before Trinity...* [2: p. 31].

Итальянский. *Due giorni prima delle feste della Trinità* [3: p. 32].

Сербский. *Na dva dana pred Trojice...* [4: s. 30].

2. *На осенний мясоед назначили свадьбу* [1: с. 32].

Английский. *The wedding was fixed for the autumn* [2: p. 30].

Итальянский. *Il matrimonio fu fissato per l'autunno* [3: p. 30].

Сербский. *Za jesenje mesojede odrediše svadbu* [4: s. 31].

3. *Скоро, на спасы, думается* [1: с. 197].

Английский. *Soon. The beginning of August* [2: p. 193].

Итальянский. *Prima delle feste, credo* [3: p. 195].

Сербский. *Na Preobraženje, mislim* [4: s. 197].

Как видно из примеров, английский и итальянский переводчики передают данные реалии полным аналогом в том случае, когда они обозначают общехристианские праздники. При передаче православных праздников они используют описательный перевод, соотнося передаваемый праздник с периодом времени, и тем самым делая передаваемое явление понятным для иноязычного реципиента, или опускают его название и заменяют его лексемой с более широкой семантикой, как, например, в итальянском переводе — *festa* (*праздник*). В сербском переводе названия праздников передаются полным аналогом, который существует в сербской православной культуре.

Как показывает наше исследование, для успешного преодоления лингвокультурной асимметрии и выполнения прагматической адаптации переводчик должен обязательно владеть обширными экстралингвистическими знаниями. В процессе нашей работы выявляется, что многие переводческие погрешности происходят именно из-за недостаточно глубоких фоновых знаний. Приведем лишь один, но очень яркий, пример, касающийся свадебного обычая кричать *Горько!* в русской культуре. Рассмотрим способы перевода этого обычая, предложенные тремя переводчиками:

...*Никифор Коловейдин, поднимая раскляченную руку, ревел:*

— *Горька!* [1: с. 89].

Английский. *Nikifor Kolovedin... raised his glass and roared:*

— *It's bitter!* [2: p. 87].

Итальянский. ...*Nikifor Kolovejdin, urlava alzando la mano:*

— *Amaro!!* ¹ (*Esclamazione tradizionale nelle feste nuziali: significa che il vino è amaro se gli sposi non l'addolcisono baciandos*) [3: p. 88].

Сербский. *Nikifor Kolovejđin... podižući raširenu ruku derao se:*

— *Ljuta!* [4: s. 90].

Безусловно, перевод данной реалии представляет большую трудность в силу того, что ни в английской, ни в итальянской, ни даже в сербской культурах нет подобной традиции. Мы видим, что во всех трёх случаях переводчики воспользовались калькированием для передачи этой реалии: *bitter* (*англ.*) — горький, *amaro* (*ит.*) — горький, *ljut* (*серб.*) — горький. Итальянский переводчик сопровождает кальку затекстовым пояснением, что делает перевод более удачным, так как итальянскому реципиенту становится понятна причина, по которой гости вдруг начали кричать *Горько!* на свадьбе. Английский и сербский переводы являются наименее адаптированными к восприятию иноязычными реципиентами.

Таким образом, даже эти не столь многочисленные примеры ярко показывают, что специфика перевода как речевой деятельности заключается в том, что в нём коммуникация опосредована «промежуточным» звеном — сознанием переводчика. Личностные особенности переводчика, вне всякого

сомнения, влияют на результат выполняемой им деятельности. Среди этих характеристик переводчика особенно важны, по мнению исследователей: а) особенности восприятия текста, интерпретационная деятельность и свой собственный стиль [7], б) понимание [8]. Перечисленные особенности соотносятся со стадиями переводческого процесса и той ролью, которую переводчик выполняет на каждой из них.

Наше исследование показывает, что все стороны деятельности переводчика в совокупности с билингвальными фоновыми знаниями задействованы при переводе художественного текста, а их органическое совмещение является основой качественного перевода.

Библиографический список

Источники

1. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: в 4-х кн. / М.А. Шолохов; под ред. А.В. Калинина. – Т. 1. – Ростов н/Д: Ростовское кн. изд-во, 1988. – 352 с.
2. *Sholokhov M.* And Quiet Flows the Don / М. Sholokhov. – New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1996 / М. Sholokhov. – 637 p.
3. *Sciolochov M.* Il placido Don / М. Sciolochov. – Milano: Garzanti, 1966. – 818 p.
4. *Šolohov M.* Tihi Don / М. Sciolochov. – Beograd: Kultura, 1967. – 720 s.

Литература

5. *Астапенко Г.Д.* Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков. XVII–XX вв. / Г.Д. Астапенко. – Ростов-на-Дону: Гевест, 2010. – 256 с.
6. *Кушнина Л.В.* Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства / Л.В. Кушнина. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009. – 196 с.
7. *Нуриев В.А.* Адекватность перевода как лингвистическая проблема // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация / В.А. Нуриев. – 2003. – № 1. – С. 80–87.
8. *Никитченко Т.Г.* Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Г. Никитченко. – Краснодар: КубГУ, 2000. – 213 с.
9. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе / А.Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

References

Istochniki

1. *Sholoxov M.A.* Tixij Don. Roman: v 4-x kn. / М.А. Sholoxov; pod red. A.V. Kalinina. – Т. 1. – Rostov n/D: Rostovskoe kn. iz-vo, 1988. – 352 s.
2. *Sholokhov M.* And Quiet Flows the Don / М. Sholokhov. – New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1996. – 637 p.
3. *Sciolochov M.* Il placido Don / М. Sciolochov. – Milano: Garzanti, 1966. – 818 p.
4. *Šolohov M.* Tihi Don / М. Šolohov. – Beograd: Kultura, 1967. – 720 s.

Literatura

5. *Astapenko G.D.* By't, oby'chai, obryady' i prazdniki donsikh kazakov. XVII–XX v./ G.D. Astapenko. – Rostov-na-Donu: Gevest, 2010. – 256 s.

6. *Kushnina L.V.* Teoriya garmonizacii: opy't kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva / L.V. Kushnina. – Perm': Izd-vo PGU, 2009. –196 s.
7. *Nuriev V.A.* Adekvatnost' perevoda kak lingvisticheskaya problema / V.A. Nuriev // Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2003. – № 1. – S. 80–87.
8. *Nikitchenko T.G.* Sub'ektivny'j factor v xudozhestvennom tekste: lingvisticheskij i psixologicheskij aspekty' (na materiale perevoda): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / T.G. Nikitchenko. – Krasnodar: KubGU, 2000. – 213 s.
9. *Shvejcer A.D.* Perevod i lingvistika. O gazetno-informacionnom i voenno-publicisticheskom perevode / A.D. Shvejcer. – M.: Voenizdat, 1973. – 280 s.

И.В. Хохлова

Прагматический аспект немецкого массмедиального дискурса об иммигрантах (на примере сферы образования)

Статья рассматривает инструменты создания и реализации прагматической направленности текстов СМИ иммигрантского дискурса Германии. В центре внимания находится одна из наиболее актуальных тем — образование иммигрантов.

This article regards means of the pragmatic slant creation and realization in mass media texts of immigration discourse as exemplified in German mass media texts. The paper is focused on a hot topics of immigrants' education.

Ключевые слова: иммигрантский дискурс; прагматические характеристики дискурса; оппозиция «свой – чужой»; метафоры; образование иммигрантов; семантика.

Keywords: immigration discourse; pragmatic features of discourse; opposition «own – alien»; metaphors; education of immigrants; semantics.

Средства массовой информации являются неотъемлемой частью современного мира и важной составляющей при формировании мнения и мировоззрения человека, что объясняет повышенный интерес к языку СМИ. Несмотря на отсутствие непосредственной связи между аудиторией и авторами, любая информация в СМИ создаётся с учётом потребностей адресанта и с расчётом на обратную связь, что обуславливает прагматическую направленность текстов СМИ [9: с. 22].

Прагматические параметры газетного интернет-дискурса Германии, который становится всё более популярным, востребованным и активно развивающимся компонентом массмедиальной сферы современной страны, служат реализации целей текстов данной направленности и выполняют коммуникативные и прагматические задачи.

Тема репрезентации иммигрантов в СМИ Германии не нова для немецкой лингвистики, и первые исследования в этой области относятся к 60-м годам XX века. Образование иммигрантов на территории Германии — один из наиболее часто упоминаемых аспектов иммигрантского дискурса. Основная прагматическая установка в статьях СМИ, касающихся данной темы, — изобличение низких результатов иммигрантов в сфере образования, неспособности и нежелания иммигрантов и их детей учиться. Негативная репрезентация данной проблематики соответствует основным правилам создания сообщений в СМИ, которое происходит по определённым правилам. К одним из основ-

ных, по мнению Георга Рурмана, относится фактор «негативности», который часто встречается в прессе об иммигрантах [11: S. 183–195] и выступает основополагающим прагматическим компонентом текстов СМИ данной тематики.

Не последнее место занимает прагматический инструмент создания и укрепления оппозиции «СВОЙ–ЧУЖОЙ», где «СВОЙ» (коренное население Германии) имеет большие успехи, в том числе в образовании, чем «ЧУЖОЙ» (иммигрант). Созданию и укреплению данного вида оппозиции способствуют имплицитные и эксплицитные сравнения различных групп населения: «*Fast jeder dritte deutsche Schüler macht inzwischen Abitur, aber nur jeder zehnte Schüler mit Migrationshintergrund!*» («Почти каждый третий немецкий школьник заканчивает школу, и всего лишь каждый десятый школьник мигрантского происхождения») [2] (перевод здесь и далее мой. — И.Х.).

В текстах СМИ неоднократно подчёркивается, что дети иммигрантов хуже успевают в школе. Оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ» реализуется при помощи метафор, когнитивную роль которых в формировании общественного мнения об иммигрантах исследовала немецкий учёный Карин Бёке [10: S. 164–193]. При этом стоит отметить, что спортивные метафоры, типичные для дискурса об образовании иммигрантов, ею отмечены не были, но они очевидны в следующих примерах: «*Noch größer sind die Sprünge der Kinder, deren Eltern im Ausland geboren sind*» («Ещё большие прыжки вперёд совершили дети, чьи родители рождены за границей»); «*Migrantenkinder sind in die erste Liga aufgestiegen!*» («Дети мигрантов перешли в первую лигу») [4].

Несмотря на то, что в последние годы разница в уровне образования иммигрантов и коренного населения сокращается и наблюдается положительная динамика, иммигрантам трудно даётся учёба на одном уровне со сверстниками-немцами. Описывая отставание иммигрантов, авторы сравнивают и проводят параллели: «*...haben ihren Lernrückstand auf ein Schuljahr verkürzt*» («сократили отставание на год»), «*Noch immer liegen sie (Kinder mit Migrationshintergrund) hinten. Und doch ist ihnen ein Riesensprung gelungen*» («Как и прежде, они позади. Но им всё равно удалось совершить прорыв») [4]. На основе данных примеров становится видно, что наиболее частыми лексемами выступают слова, выражающие значительный прорыв, прыжок, рост в области образования. Использование спортивных метафор данного типа создаёт эксплицитно ощущение конкуренции, что негативно отражается на образе иммигрантов.

Для достижения прагматической цели в иммигрантском дискурсе используется устойчивый набор дескрипций (лексем), выступающих в функции субъекта высказывания. Эти дескрипции можно разделить на две группы:

1) дескрипции, которые применяются для номинации самих иммигрантов и уровня их образования:

- дескрипция *der Schulversager* («Tausende ausländische Schulversager sind von den neuen Bestimmungen betroffen»), («Новые правила коснулись тысячи иностранных школьников, которые отказываются

- учиться*») [7]) обозначает людей, не оправдавших ожидания, что способствует более негативному восприятию данной группы населения;
- дескрипция *der Bildungsverlierer* («*Kinder von Migranten bleiben Bildungsverlierer*») («*Дети иммигрантов остаются проигравшими в образовании*») [2]) также несёт в себе негативную оценку. К основному значению «потери приобретённого» указанное слово прибавило прагматический компонент «отсутствия» образования в принципе.
 - дескрипция *der Schulabbrecher* («*...der Anteil der Hauptschüler und der Schulabbrecher unter den Migranten weiterhin deutlich höher*») («*...число учеников основных школ и тех, кто бросил учёбу, среди иммигрантов значительно выше*») [3]. Предикат со значением «статичности» («остаются») в первом случае и использование наречия «как и прежде» во втором случае служат усилению негативной коннотации;
- 2) дескрипции, которые употребляются для обозначения всего, что связано с проблемами в школе и неспособностью их решить:
- *der Schulabsentismus, die Unverantwortlichkeit*: «*...organisierte Unverantwortlichkeit beim Umgang mit Schulabsentismus*» («*организованная безответственность при решении проблем школьного абсентизма*») [1];
 - *der Bildungsausstieg*: «*Als 'Einstieg in den Bildungsausstieg' wird das Schulschwänzen in einer Studie zum Thema Migranten und Schule bezeichnet!*» («*в исследованиях на тему «Мигранты и школа» прогулы уроков называют «началом конца образования»*») [1];
 - *der Problemstau*: «*Problemstau bei der Bildung der Migranten*» («*Пробка из проблем в образовании иммигрантов*») [5].

К инструментам реализации прагматического замысла в текстах СМИ иммигрантского дискурса относятся имена прилагательные и причастия, выступающие в качестве контекстуальных актуализаторов. Было выделено две группы имён прилагательных, употребляемых в текстах СМИ иммигрантской тематики.

К первой группе были отнесены прилагательные (причастия), используемые для характеристики школьников из иммигрантских семей. Так, например, лексема «*ungelernt*» означает не только человека без профессионального образования и диплома, но и без будущего. Иммигранта, не получившего образование, принято рассматривать как человека, у которого нет шансов в будущем: «*Ungelernt und chancenlos!*» («*Без образования и без шансов!*») [6]. Данная формулировка заведомо несёт в себе негативный смысл и навешивает ярлык на человека, не получившего образования.

Целью использования второй группы прилагательных является характеристика уровня обучения детей иммигрантов. Описывая ситуацию в сфере образования иммигрантов, авторы используют оценочные эпитеты, которые способствуют формированию мнения у читателей о том, что ситуация в сфере образования иммигрантов и их детей серьёзная и должна настораживать общество. Такие оценочные эпитеты, как *alarmierend* (*тревожный*), *verheerend* (*разорительный*),

dürftig (скудный), *mangelnd* (недостаточный), *marginal* (маргинальный) характеризуют уровень образования как вызывающий опасение. Например: «*Egal, nach welcher Methode die Kinder lernen, ihre Fortschritte sind in allen Kursen gleich — beziehungsweise gleich marginal!*» («Неважно, по каким методикам учатся дети, их прогресс одинаковый, одинаково **маргинальный**») [8].

Кроме того, прагматический потенциал текстов иммигрантской тематики в сфере образования реализуется за счёт использования предикатов определённого типа, что позволяет усилить воздействие на аудиторию, вызвать у неё именно те чувства, которые необходимы автору сообщения для достижения поставленных целей. Так, для репрезентации такого ключевого понятия сферы образования, как «изучение немецкого языка», в текстах используются наиболее частотные предикаты со значением действия «вынуждения» и «побуждения», иллюкутивной целью которых в процессе коммуникации служит необходимость подчеркнуть недобровольный характер изучения немецкого языка иммигрантами. В данной группе лексических единиц были выделены следующие, наиболее популярные глаголы: *anhalten*, *zwingen*, *verpflichten* (останавливать, вынуждать, обязывать): «*Türken zum Deutschlernen verpflichtet!*» («**Обязать** турок учить немецкий язык!») [5].

Прагматический потенциал текстов СМИ об иммигрантах по теме образования реализуется различными изобразительно-выразительными средствами вербального выражения замысла: метафоры, сравнения, эпитеты, которые способствуют созданию определённого портрета иммигранта. Результаты анализа позволили прийти к выводу о том, что путём прагматического выбора определённых лексических единиц автор стремится воздействовать на когнитивную сферу адресата, чтобы сформировать в ней «правильное» представление об окружающем мире, в данном случае — об образовании иммигрантов. Одной из основных прагматических характеристик иммигрантского дискурса, в частности, по теме образования, является оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ», которая находит выражение в специфической субъектной и предикатной структуре и семантике высказываний.

Библиографический список

Источники

1. URL: <http://diepresse.com/home/bildung/index.do>, свободный.
2. URL: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article7968641/Kinder-von-Migranten-bleibenBildungsverlierer.html>, свободный.
3. URL: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article107169002/Migranten-Kinder-starten-in-den-Schulen-durch.html>, свободный.
4. URL: <http://www.spiegel.de/schulspiegel/wissen/migrantenkinder-im-pisa-test-aufholjagd-der-abgehaengten-a-733328.html>, свободный.
5. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/deutsches-integrationsbarometer-schoenwetter-zwischen-den-kulturen-a-695605.html>, свободный.
6. URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/jobundberuf/bildungsverlierer-ungelernt-und-chancenlos-a-700889.html>, свободный.

7. URL: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/aufenthaltsrecht-schulabbrechern-droht-die-ausweisung/1305082.html>, свободный.
8. URL: <http://www.zeit.de/2010/43/B-Sprachtests>, свободный.

Литература

9. *Рукавишников Л.А.* Обратная связь: телевидение – информация – зритель: учеб. пособ. / Л.А. Рукавишников. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1995. – 22 с.
10. *Böke K.* Die Sprache des Migrationsdiskurses das Reden über «Ausländer» in Medien, Politik und Alltag / K. Böke, M. Jung, M. Wengeler. – Wiesbaden: Westdt. Verl. 1997. – S. 164–193.
11. *Ruhrmann G.* Das Bild der Ausländer in der Öffentlichkeit. Eine theoretische und empirische Studie zur Fremdenfeindlichkeit / G. Ruhrmann, J. Kollbeck, W. Möltgen u.a. – Opladen: Leske + Budrich, 1995. – S. 183–195.

Reference

Istochniki

1. URL: <http://diepresse.com/home/bildung/index.do,svobodny'j>.
2. URL: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article7968641/Kinder-von-Migranten-bleibenBildungsverlierer.html>, svobodny'j.
3. URL: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article107169002/Migranten-Kinder-starten-in-den-Schulen-durch.html>
4. URL: <http://www.spiegel.de/schulspiegel/wissen/migrantenkinder-im-pisa-test-aufholjagd-der-abgehaengten-a-733328.html>, svobodny'j.
5. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/deutsches-integrationsbarometer-schoenwetter-zwischen-den-kulturen-a-695605.html>, svobodny'j.
6. URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/jobundberuf/bildungsverlierer-ungelernt-und-chancenlos-a-700889.html>, svobodny'j.
7. URL: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/aufenthaltsrecht-schulabbrechern-droht-die-ausweisung/1305082.html>, svobodny'j.
8. URL: <http://www.zeit.de/2010/43/B-Sprachtests>, svobodny'j.

Literatura

9. *Rukavishnikov L.A.* Obratnaya svyaz': televidenie – informaciya – zritel': ucheb. posob. / L.A. Rukavishnikov. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 1995. – 22 s.
10. *Böke K.* Die Sprache des Migrationsdiskurses das Reden über «Ausländer» in Medien, Politik und Alltag / K. Böke, M. Jung, M. Wengeler. – Wiesbaden: Westdt. Verl. 1997. – S. 164–193.
11. *Ruhrmann G.* Das Bild der Ausländer in der Öffentlichkeit. Eine theoretische und empirische Studie zur Fremdenfeindlichkeit / G. Ruhrmann, J. Kollbeck, W. Möltgen u.a. – Opladen: Leske + Budrich, 1995. – S. 183–195.

**Рецензия на учебное пособие
«Русская литература: комментарии,
анализ, художественные тексты»
(ред. колл.: С.А. Джанумов, А.В. Громова,
М.Б. Лоскутникова, И.Н. Райкова;
сост. и отв. ред. И.Н. Райкова. –
М.: МГПУ, 2013. – 224 с.)**

Перед самым Новым годом увидело свет учебное пособие нового типа — предназначенное учителю русского языка и литературы, работающему в поликультурной и поликонфессиональной образовательной среде. Ориентация коллектива авторов на такую целевую аудиторию чрезвычайно актуальна для современного образовательного процесса и современного мира вообще. Действительно, школьникам, у которых русский язык не родной, да и не только им — людям, отделённым от времени, изображаемого в литературе, веками, — для органичного и заинтересованного вхождения в мир русской литературной классики XIX и XX веков, фольклора, для освоения теоретико-литературных тем мало обычных учебников — нужно хорошее культурологическое, историческое, лингвистическое подспорье, нужен ключик к пониманию и интерпретации произведений. В пособии толкуются многие редкие, устаревшие и диалектные слова, имена собственные, различные реалии культуры, быта, что будет очень полезным для современного читателя — школьника и студента.

Пособие логично структурировано, каждая глава снабжена подробным и удобным в использовании справочно-библиографическим аппаратом. Нельзя сказать, что в книге выдержаны единые принципы отбора и подачи материала, скорее напротив, но это даже по-своему интересно. Разные подходы авторов глав к материалу, во-первых, продиктованы спецификой самого материала и существующей исследовательской традицией, во-вторых, отражают индивидуальность учёного, его творческий почерк, в-третьих, дают возмож-

ность учителю выбрать в пособии то, что необходимо и удобно именно ему, и выстроить уроки более разнообразно.

Рецензируемое пособие написано опытными вузовскими учёными и преподавателями, круг авторов и произведений выбран в соответствии с их исследовательскими интересами, и это нельзя не оценить положительно: чувствуется увлечённость и свободное владение материалом. Все литературные комментарии, очерки, аналитические главы в книге написаны на высоком научно-методическом уровне и имеют несомненную самостоятельную научную ценность. И в то же время только все представленные в книге материалы в купе могут приоткрыть подростку окно в многообразный мир русской литературы и культуры, представить юному читателю национальную картину мира, а учителю — послужить надёжным руководством для самостоятельной методической и творческой работы.

Остаётся пожалеть, что в пособии отсутствуют главы, посвящённые произведениям древнерусской литературы и русской литературы XVIII века. Поддерживаю заявленную во Введении идею авторского коллектива сделать рецензируемую книгу первой в серии, и тогда этот пробел может быть восполнен.

Указанные рекомендации отнюдь не снижают общего, несомненно благоприятного впечатления от учебного пособия коллектива авторов «Русская литература: комментарии, анализ, художественные тексты». Уверена, что книга будет востребована и её оценит вдумчивый и любознательный читатель.

Т.А. Алтатова

Рецензия на книгу: Justyna Tymieniecka-Suchanek «Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt. W kręgu zagadnień ekofilozoficznych» (Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2013. – 374 S.)

Автор рецензируемой монографии — польский русист-литературовед, доктор филологических наук, преподаватель Института восточнославянской филологии Силезского университета Юстына Тыменецка-Суханек. Являясь ученицей известного польского учёного, профессора Габриели Порембины, она уже более двадцати лет занимается изучением русской литературы. В 2004 году вышла книга Ю. Тыменецка-Суханек «Проза Валерия Брюсова и культура. К поискам исторических аналогий» (Катовице, 2004). В последние годы в круг её научных интересов входит исследование отношения человека и животного в экофилософском, экотическом и биоэтическом аспектах на материале русской литературы, проблемы постгуманизма, Animal Studies. В русле данного направления написана и монография «Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt. W kręgu zagadnień ekofilozoficznych» («Животное как субъект в русской художественной литературе. В кругу экофилософских проблем») (Здесь и далее перевод автора монографии. — А.С.)

Книга Юстыны Тыменецка-Суханек вызывает интерес прежде всего как первый обобщающий научный труд, посвящённый изучению эволюции восприятия животных в европейской культуре, в русской литературе XIX–XX веков. Автора книги занимает «соотношение человек — животное в этическом измерении, самые важные тенденции развития этого вопроса в русской прозе и поэзии (с обращением к произведениям из другого культурного ряда) в контексте экофилософии с учётом социобиологии, этологии, экотики и философии прав животных» (с. 9–10). Перед исследователем стояла масштабная задача: осмыслить обширный пласт произведений художественной прозы и поэзии в контексте нового научного направления — экофилософии. «Предметом этого направления, — по словам автора, — следовало бы считать широко понимаемое этическое отношение человека к животным, преодолевающее, отвергающее общераспространённый и всепроникающий до сих пор антропоцентризм» (с. 371).

Фундаментальный характер исследования проявляется не только в объёме анализируемого материала русской литературы XIX–XX веков, но и в пост-

роении, в содержании и реализации научной концепции, определившей структуру работы начиная с введения, в котором рассматриваются методологические вопросы, даётся краткий обзор критической и теоретической литературы, и заканчивая обобщающим заключением. В первой главе: «К вопросу о личной и видовой субъектности животного. Нравственный статус животных на фоне развития экофилософской мысли (не только российской)», — обосновывается субъектный «статус» животного, его «место» в многовековой истории философии, выявляется рецепция животного в российской научной мысли. Первая глава важна и с точки зрения обсуждения актуальных теоретических проблем экофилософии, связанных с основными дефинициями, их терминологическим наполнением.

Во второй главе «Животное как персона/предмет/существо низшего ряда в русской литературе второй половины XIX века...» анализируются образы животных в произведениях Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Тургенева, А. Чехова, Н. Щербины, В. Черткова, В. Соллогуба, Н. Лескова, Вс. Гаршина. На первый взгляд может показаться традиционным обращение к теме животных в творчестве русских писателей-классиков, однако благодаря избранному в работе экофилософскому аспекту автору монографии удаётся реализовать новый научный подход — с позиций экоэтики и впервые поставить вопрос о русских биоцентристах (Н. Щербина, В. Чертков и Д. Андреев) — предшественниках современных биоцентристов.

Третья глава посвящена русской литературе первой половины XX века — прозе и поэзии о «братьях наших меньших». В этой главе исследователь обращается к эстетически насыщенному и многообразному пласту русской литературы — «От Велимира Хлебникова к Даниилу Андрееву» (включающему в себя творения С. Есенина, Н. Заболоцкого, Л. Зиновьевой-Аннибал, Е. Гуро, А. Добролюбова, А. Куприна, В. Арсеньева, М. Пришвина, А. Платонова и др.). Вызывает интерес анализ цикла Л. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец», в котором прослеживается эволюция отношения девочки к зверям/животным. Особую ценность в работе представляют наблюдения над переоценкой отношения человека к животным в нравственном аспекте в ряде текстов русской литературы XX века: «Еня Воейков» Велимира Хлебникова (3 глава), «Моя Сибирь» Анастасии Цветаевой (4 глава), что подтверждается убедительным анализом произведений.

Аспект анализа, выделенный в подзаголовке названия четвертой главы, представляется особенно значимым и также отличается научной новизной: «Влияние опыта XX века на экоэтические тенденции в послевоенный и современный период развития русской литературы. От геноцида к биоэтике». В главе представлен еще один ракурс исследования — изображение животного как «беззащитной жертвы тяжелых условий: войны, ГУЛАГа, голода, политической системы (коллективизации в деревне), урбанизации и последствий цивилизации» (с. 372), — в русле которого анализируются произведения В. Астафьева, В. Тендрякова, В. Шаламова, В. Распутина, А. Цветае-

вой и др. Важным является открытие Юостиной Тыменецка-Суханек новой темы в воплощении образа животного в русской литературе второй половины XX века — животное как жертва войны. Эта тема раскрывается на материале произведений В. Астафьева, В. Тендрякова и др. В астафьевском рассказе «Старая лошадь» животное вызывает большее сочувствие, чем человек, который выступает творцом собственного зла, в том числе войны, — к такому выводу приходит автор книги. Тот же мотив животного как жертвы войны повторяется и у В. Тендрякова в рассказе «Люди или нелюди», в котором герой привык к человеческим трупам, и брошенная лошадь вызывает больше жалости.

Ю. Тыменецка-Суханек подчёркивает, что «объектом писательской критики и осуждения во второй половине XX века становятся, в первую очередь, такие явления, как охота, браконьерство и истязания животных» (с. 372). Вызывают интерес размышления автора монографии о преодолении сложившихся стереотипов восприятия некоторых видов животных у А. Битова (таких как крыса, свинья), тем самым оказывающегося созвучным современным достижениям этологии (К. Лоренца), об аналогии в поведении людей и животных у Ч. Айтматова («Плаха»).

Основное значение рецензируемой монографии видится в том, что она представляет собой *комплексное* исследование, выполненное в русле формирующейся сегодня «Третьей Культуры» (термин Джона Брокмана), которая объединяет разные области научного знания: гуманитаристику, «точные» и естественно-научные дисциплины. Новым и перспективным направлением изучения отношений «человек – животное» в художественной литературе представляется экоэтика, что нашло в работе убедительное и глубокое обоснование. Как справедливо отмечает Юостина Тыменецка-Суханек, «вопрос о нравственном статусе животного в русской литературе не был предметом обсуждения. Животные как мыслящие и сознательные существа, описываемые в рамках отношения «человек — другое бытие» с учётом этики, не были темой отдельной монографии по истории литературы» (с. 16). Именно поэтому монография «Животное как субъект в русской художественной литературе. В кругу экофилософских проблем» открывает новую главу в изучении художественного осмысления и воплощения в литературе мира живой природы — «животное как субъект, как ценное существо *per se*».

А.И. Смирнова

Научная стажировка в Германии: ознакомительный опыт и научные перспективы

С 1 октября по 30 ноября 2013 года я проходила научную стажировку в Университете им. Альбрехта-Людвига в г. Фрайбург (Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, Германия). Она стала возможной благодаря содействию Германской службы академических обменов (DAAD) — организации, которая занимается международным обменом студентами и преподавателями из различных вузов мира и немецкими университетами.

Отбор кандидатов на стажировку ведётся на конкурсной основе. Для участия в конкурсе было необходимо подготовить пакет документов на немецком языке, в частности, подробный план стажировки, включающий в себя разработку конкретного научного проекта, плана и этапов его выполнения, а также обоснование своего участия в данном проекте. Обоснованию уделялась особая роль, так как в нём участник мог не только убедительно аргументировать собственный проект, но и показать знание немецкого языка, необходимое для общения с учёными Германии и для участия в различных университетских мероприятиях. Обязательным условием стажировки являлся самостоятельный поиск научного руководителя предлагаемого проекта в университетах Германии. Таким образом, в случае согласия на стажировку заявитель был обязан полностью самостоятельно организовать свою поездку и жизнь в Германии, включая поиск места проживания, а также оформление необходимых документов для поездки и во время стажировки.

Важной частью подготовки стажировки стало обоснование научного проекта на тему «Лексика немецкого языка в зеркале социальных групп Германии», где основной акцент был сделан на исследовании особенностей языка молодёжи и мигрантов. Очевидно, эта тема вызвала определённый интерес у отборочной комиссии ДААД, поскольку, в частности, проблема мигрантов, в том числе из России, их адаптации и влияния языка мигрантов на немецкий язык волнует не только немецких учёных и политиков, но и всё

немецкое общество. Об этом свидетельствует целый ряд публикаций и научных дискуссий. В некоторых городах Германии процент людей с мигрантским прошлым (mit Migrationshintergrund) достигает довольно высоких цифр. Так, во Франкфурте-на-Майне он составляет 43 %, в Мангейме — 38 %, в Берлине — 24,3 %. Этот факт вызывает обеспокоенность населения. Кстати, русскоязычная диаспора в Германии составляет более 2 миллионов человек.

Университет им. Альбрехта-Людвига во Фрайбурге относится к числу наиболее авторитетных, имеет более чем 555-летнюю традицию, входит в 100 лучших университетов мира, а его диплом признаётся в Российской Федерации. Университет был образован в 1457 году эрцгерцогом Австрии Альбрехтом VI. Здесь учились и преподавали известные учёные, 10 учёных стали нобелевскими лауреатами, в частности, Харальд цур Хаузен (Harald zur Hausen) получил в 2008 году Нобелевскую премию в области физиологии и медицины, а первый федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр изучал юриспруденцию.

Согласие на научное руководство было получено от профессора Хельги Коттхофф (Helga Kotthoff), которая в научном плане занимается исследованием широкого круга проблем, включая языки социальных групп и вопросы межкультурной коммуникации. Во время стажировки госпожа Х. Коттхофф консультировала меня по различным аспектам проекта. Удалось посетить ряд её лекций и семинаров, таких как «Контрастивная лингвистика», «Немецкий язык как иностранный и межкультурная коммуникация», «Фразеология немецкого языка», «Прагматика шуток и скетча». Профессор Х. Коттхофф неоднократно привлекала меня в качестве эксперта по русскому языку на семинары по контрастивной лингвистике, так как на нескольких семинарах контрастивные языковые особенности демонстрировались на примере немецко-русской параллели. Кроме того, я регулярно принимала участие в научном коллоквиуме магистрантов и аспирантов профессора Х. Коттхофф, на котором обсуждались их диссертации. Такой коллоквиум представляет для стажёра особый интерес, поскольку на нём рассматриваются самые широкие научные проблемы германистики, межкультурной коммуникации, гендерной лингвистики, прагматики и семантики. С некоторыми аспектами исследования сталкиваешься впервые. Так, например, на одном из коллоквиумов рассматривалась интеракция и языковые средства коммуникации между учителями и родителями детей мигрантов в немецкой школе. Посещение лекций, семинаров и коллоквиумов даёт также возможность ознакомиться с особенностями системы образования в Германии.

Очень важно, что библиотеки университета оснащены по последнему слову техники. Любую литературу можно скопировать или отсканировать на электронные носители, что довольно удобно и значительно экономит время, а необходимая техника в достаточном количестве есть как на всех отделениях и факультетах университета, так и в библиотеках. В библиотеках

имеется новейшая литература по всем предметам, которая регулярно закупается университетом. Всё это готовит хорошую базу для учебной и научной работы.

Важным итогом стажировки стало установление контактов с учёными и руководством немецкого факультета. Во время встречи с административным директором Немецкого семинара (Deutsches Seminar — факультет немецкого языка) господином Харальдом Басслером (Harald Bäßler) обсуждались вопросы сотрудничества Института иностранных языков МГПУ и Немецкого семинара, в частности, возможность организации в перспективе краткосрочной учебной поездки студенческой группы ИИЯ в Университет им. Альберта-Людвига.

Однако следует отметить, что во время стажировки неожиданно сталкиваешься с рядом проблем, например, с оформлением необходимых документов для доступа в библиотеки и корпуса университета и некоторыми другими проблемами. Процесс получения документов и электронной карты, необходимой для допуска в корпуса, довольно длительный, несколько забюрократизированный и представляет сложность для иностранца. Так как в немецких вузах нет той опеки иностранных специалистов, которая характерна для российских вузов, возникающие сложности и проблемы приходилось решать самостоятельно.

Однако отдельные трудности не испортили общего, весьма положительного впечатления о стажировке. Она даёт возможность не только познакомиться с системой образования в Германии, погрузиться в языковую среду, но, в первую очередь, ознакомиться с новейшими исследованиями как по своему научному проекту, так и по другим направлениям германистики, представляющим интерес для российских учёных. Это позволяет несколько по-новому взглянуть на многие языковые проблемы и научные исследования. За время стажировки мной был также получен неоценимый опыт межкультурного общения, так необходимый для преподавателя иностранного языка.

В.А. Собянина

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» 2014, № 2 (14)

Алпатова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы МГОУ.

E-mail: alpatova2005@rambler.ru

Беляева Анна Викторовна — соискатель кафедры русской новейшей литературы и читательских практик ИГН МГПУ.

E-mail: agneus@rambler.ru

Викулова Лариса Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, замдиректора ИИЯ МГПУ по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Григорьева Елена Яковлевна — кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: egrig@inbox.ru

Громова Алла Витальевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской новейшей литературы и читательских практик ИГН МГПУ.

E-mail: gromovaav@mail.ru

Дорогайкина Екатерина Михайловна — старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Федерального Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнёва (г. Красноярск).

E-mail: Katya-doroguchka@yandex.ru

Дудушкина Светлана Викторовна — старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ; соискатель кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: Sepia3@yandex.ru

Игнатьева Тамара Георгиевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

E-mail: tamara.ignatieva@mail.ru

Изотов Андрей Иванович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: a.i.izotov@mail.ru

Кистерева Евгения Эдуардовна — аспирант кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: eugenia@kistereva

Курганова Анастасия Геннадьевна — аспирант кафедры русской новейшей литературы и читательских практик ИГН МГПУ.

E-mail: Ansy_89@mail.ru

Осинова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: LIOSIPOVA40@gmail.com

Павловец Михаил Георгиевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской новейшей литературы и читательских практик ИГН МГПУ.

E-mail: pavlovez@mail.ru

Резникова Александра Ивановна — учитель английского и французского языков МБОУ СОШ № 17, аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: reznikova-aleksandra@mail.ru

Романова Галина Ивановна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и фольклора ИГН МГПУ.

E-mail: galinroma@mail.ru

Рыжова Людмила Павловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: lpryjova@rambler.ru

Савельева Елена Борисовна — старший преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков Московского государственного

го областного гуманитарного института (г. Орехово-Зуево Московской области).

E-mail: lenaandrei2007@rambler.ru

Сардарова Алина Арменовна — аспирант кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: alinasardarova@gmail.com

Серебренникова Евгения Фёдоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Иркутского государственного лингвистического университета.

E-mail: ser_evgen@yahoo.com

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, завкафедрой и профессор кафедры русской новейшей литературы и читательских практик ИГН МГПУ.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Собянина Валентина Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

E-mail: valensob@mail.ru

Хлыстова Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов.

E-mail: capra@mail.ru

Хохлова Ирина Викторовна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

E-mail: irinachochlova@gmail.com

Шипова Ирина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики немецкого языка Московского педагогического государственного университета.

E-mail: schipowa@mail.ru

«МСТТУ Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2014, № 2 (14)

Alpatova Tatiana Alexandrovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Classical Literature department, Moscow State Regional University.

E-mail: alpatova2005@rambler.ru

Belyaeva Anna Viktorovna — applicant for the PhD degree of Russian Contemporary Literature and Reader's Practices department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: agneus@rambler.ru

Vikulova Larissa Georgievna — Doctor of Philology, full professor, Science and International Relations Vice-director of Institute of Foreign Languages, MCTTU, professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Grigorieva Elena Yakovlevna — PhD (Pedagogy), docent, professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: egrig@inbox.ru

Gromova Alla Vitalievna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Contemporary Literature and Reader's Practices department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: gromovaav@mail.ru

Dorogajkina Ekaterina Mikhailovna — senior assistant professor of Business Foreign Language department, M.F. Rechetnyov Federal Siberian State Aerospace University (Krasnoyarsk).

E-mail: Katya-doroguchka@yandex.ru

Dudushkina Svetlana Viktorovna — senior assistant professor of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; postgraduate of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: Sepia3@yandex.ru

Ignatieva Tamara Georgievna — Doctor of Philology, docent, professor of the French Language department, head of the French Language department, V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

E-mail: tamara.ignatieva@mail.ru

Izotov Andrey Ivanovich — Doctor of Philology, docent, professor of Slavic Philology department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: a.i.izotov@mail.ru

Kistereva Eugenia Eduardovna — postgraduate of the department of Iberian Romance philology, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: eugenia@kistereva

Kurganova Anastasia Gennadievna — postgraduate of Russian Contemporary Literature and Reader's Practices department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: Ansy_89@mail.ru

Osipova Lyudmila Ivanovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Russian Language department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: LIOSIPOVA40@gmail.com

Pavlovets Mikhail Georgievich — PhD (Philology), docent, professor of Russian Contemporary Literature and Reader's Practices department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: pavlovez@mail.ru

Reznikova Alexandra Ivanovna — English and French teacher, MBEI SCSch № 17, postgraduate of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: reznikova-aleksandra@mail.ru

Romanova Galina Ivanovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature and Folklore department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: galinroma@mail.ru

Ryzhova LyudmilaPavlovna — Doctor of Philology, docent, professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: lpryjova@rambler.ru

Savelieva Elena Borisovna — senior assistant professor of Department of Foreign Language Teaching Methodology, Moscow State Regional Institute for the Humanities (Orehovo-Zuyevo, Moscow Region).

E-mail: lenaandrei2007@rambler.ru

Sardarova Alina Armenovna — postgraduate of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: alinasardarova@gmail.com

Serebrennikova Evgeniya Fyodorovna — Doctor of Philology, full professor, professor of French Philology department, Irkutsk State Language University.

E-mail: ser_evgen@yahoo.com

Smirnova Alfa Islamovna — Doctor of Philology, professor, head of Russian Contemporary Literature and Reader's Practices department, professor of Russian Contemporary Literature and Reader's Practices department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: alfa-smirnova@yandex.ru

Sobyanina Valentina Alexandrovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Theoretical and Applied Linguistics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: valensob@mail.ru

Khlystova Anna Vladimirovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian and Foreign Literature department, Faculty of Philology of Peoples' Friendship University of Russia.

E-mail: capra@mail.ru

Khokhlova Irina Viktorovna — postgraduate of Theoretical and Applied Linguistics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: irinachochlova@gmail.com

Shipova Irina Alexeevna — PhD (Philology), docent, professor of German Grammar department, Moscow Pedagogical State University.

E-mail: schipowa@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам, русистике), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из приставейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [З: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подаётся в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Виколовой Ларисе Георгиевне* (Москва, Малый Казённый пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 2 (14), 2014

Главный редактор:
доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щетилова*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:
М.В. Чудова

Корректор:
Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:
О.В. Вострикова

Техническое редактирование и вёрстка:
О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 04.07.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объём: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.